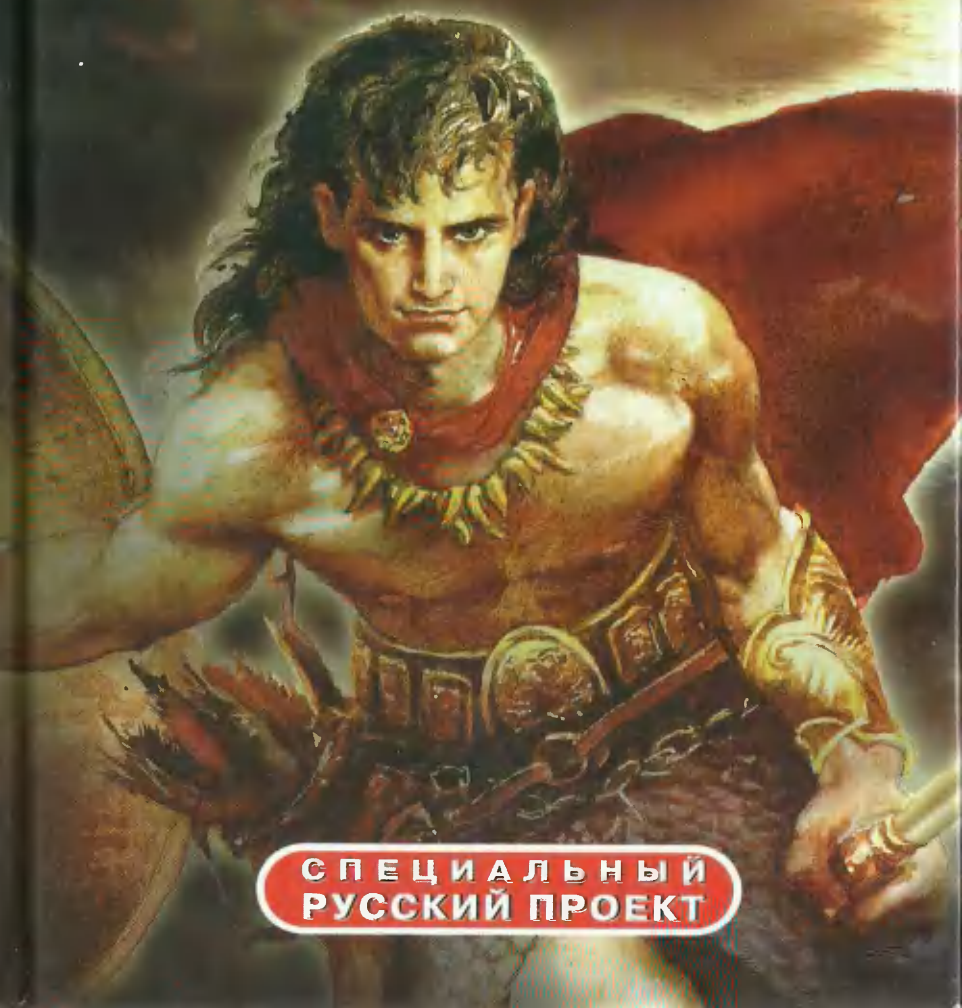

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

СВАРОГ **ЧУЖИЕ ПАРУСА**

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ
РУССКИЙ ПРОЕКТ**

Александр БУШКОВ

СВАРОГ ЧУЖИЕ ПАРУСА

Санкт-Петербург
Издательский Дом «Нева»
Москва
Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
2002

ББК 84. (2Рос-Рус) 6

Б 90

Исключительное право публикации книги принадлежит Издательскому Дому «Нева». Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Бушков А. А.

Б 90 Сварог. Чужие паруса: Роман. — СПб.: Издательский Дом «НЕВА»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.— 383 с.

ISBN 5-7654-2133-4

ISBN 5-224-03471-X

После чудовищной катастрофы, потрясшей мир Чужих Берегов, Сварог со своими спутниками отправляется на поиски нового материка, через Мировой океан. У него есть Карта — но поможет ли она в долгом плавании над пучинами, полными неведомых опасностей?..

ББК 84. (2Рос-Рус) 6

ISBN 5-7654-2133-4
ISBN 5-224-03471-X

© Бушков А., 2002
© Издательский Дом «Нева», 2002
© «ОЛМА-ПРЕСС», 2002

Плывать по морю необходимо.
Жить — не так уж необходимо.

*Гней Помпей,
римский полководец*

Часть первая

«АДМИРАЛ ФРАСТ»

Глава первая

Маски-шоу

Дым был повсюду.

Черный копотный дым, поднимающийся из четырех труб броненосца «Адмирал Фраст», смешивался с белесым дымом горящих кораблей сюзерената Тоурант. Тот дым в свою очередь вплетал свои клубы и спирали в серые дымы, что приносили ветры от пожарищ и полыхающих вулканов, и всю эту черно-белесо-серую муть не мог разогнать даже шквальный ветер, беспрестанно дующий с океана. Пока видимость была — кабелота два в глубь материка, не больше, а дальше все скрывалось в темноте, беспросветной и плотной, как вата, подсвеченной лишь багровым отсветом пожаров и изредка прореживаемой далекими зловещими всполохами... Что творилось там, в глубине Атара, понять было невозможно. Полное ощущение, будто дым поглотил весь мир.

Собственно говоря, так оно и было на самом деле.

Весь мир превратился в один громадный пожар. Даже сквозь стекло иллюминатора доносились

Авторы стихов, приведенных в романе: У. Вордсворт, Л. де Гонгора-и-Арготе, П. Флеминг, С. Дисдейл, Ф. Гревиль, А. Логачев.

отдаленные гулкие удары, будто где-то там, за горизонтом, великан лупит со всей дури в исполинский барабан.

Вот, значит, что такое конец света...

Мастер Ксэнг, барон Пальп, шторм-капитан* «Адмирала Фраста», разглядывая из ходовой рубки берег в подзорную трубу, испытывал смешанные чувства и попутно пытался в этих чувствах разобраться. Было ли среди этих чувств сожаление? Или горечь утраты, боль от потери родины? Пожалуй, да. Присутствовали в его душе и сожаление, и горечь, и боль, но ведь с другой стороны... С другой-то ведь стороны — кто еще из высших офицеров флота Его величества короля Великой Гидернии удостоился такой чести — до последнего момента оставаться в смертельно опасной близости от погибающего Атара и следить, чтобы никакая скверна не покинула его берегов? Если честно, то совсем немного офицеров, считанные единицы избранных, — остальные уже давно в открытом океане, сопровождают конвой гражданских судов, со всех ног улепетывающих подальше от наступающей Тьмы... И среди избранных — он, Ксэнг, барон Пальп. Так что есть, господа, есть чем гордиться. Так что — уж кем-кем, а капитаном, тоскливо смотрящим из шлюпки на собственный тонущий корабль, он себя отнюдь не ощущал.

И главным образом потому, что экипаж «Адмирала Фраста» свою задачу выполнил: устранил помеху на славном пути Гидернии к величию. Уничтожил флот Тоуранта. Спас Граматар от возможной скверны... Пора командовать отход. На палубе

* Командир боевого корабля гидернийского флота.

все закреплено по-штормовому, наверху никого, кроме горстки вахтенных матросов и офицеров. Остальные с нетерпением ждут команды на своих боевых постах. Дымы и отдаленный грохот — это, в общем-то, сущий пустяк по сравнению с тем кошмаром, что вскорости начнется у берегов Атара. Так, затишье перед настоящей бурей. До того момента, как разбуженный катаклизмом океан в прибрежных водах вздыбится исполинскими, достающими до кратеров вулканов волнами и закружит гигантскими водоворотами, осталось всего несколько часов — если верить расчетным таблицам Отдела последнего рубежа безопасности. Самое время уходить. И если бы не одна досадная мелочь...

Ксэнг, барон Пальп, медлил. Поскольку, водяная смерть, возникла внештатная ситуация.

— Не вижу, — сказал он, старательно водя окуляром подзорной трубы вдоль кромки берега.

— Левее рухнувшего утеса, правее горящей рощи, напротив песчаной отмели, — без малейшей задержки уточнил стоящий чуть в сторонке грамм-капитан* Рабан.

— Все равно не вижу, — хмуро повторил Ксэнг.

Он не любил внештатные ситуации. Когда в безукоризненно отлаженную работу вдруг вкрадывается неучтенный фактор — это неправильно. Так быть не должно. Значит, это его, шторм-капитана, недочет, не предусмотрел все возможные случайности...

Впрочем, такую случайность предвидеть было практически невозможно.

* Первый помощник командира. Примерно соответствует заместителю по тыловой части.

Он с треском сложил бесполезную трубу и бросил ее на штурманский стол: не только дымы затрудняли осмотр берега — стекло иллюминатора снаружи было покрыто копотью и изгажено птичьим пометом. Матросы с очисткой палубы не справлялись — пепел с серых небес сыпался непрерывно, крупными хлопьями, как пух из распоротой подушки, да и полчища птиц, оккупировавших мачты и надстройки «Адмирала Фраста» в поисках спасения от неминуемой гибели, гадили так, что «Адмирал Фраст», эта гордость гидернийского флота, постепенно превращался в форменный курятник.

Ксэнг обернулся к Рабану:

— Покажите-ка еще раз, что они там передали...

Рабан с готовностью протянул сложенный вдвое листок.

«Штурм-капитану. Шпора. Приказываю немедленно выслать разъездной катер к точке отправки данного сообщения, — значилось там. — Имею информацию, жизненно важную для будущего всей Г.».

— Это все? — спросил Ксэнг, зачем-то перевернув депешу. С обратной стороны листок, разумеется, был девственно чист. — Без подписи?

— Без. Сообщение было повторено восьмикратно, слово в слово... причем в последний раз прервалось на полуслове.

«Шпора» испокон веков в гидернийской системе кодовых сигналов означала: «Крайне срочно, адресату передать незамедлительно». Плюс к тому — «приказываю». Приказывает он, видите ли... А ведь на тоурантском берегу сейчас нет никого из резидентов островного государства. Не может быть. Не должно быть...

— Так. — Ксэнг в третий раз перечитал загадочное послание, написанное каллиграфическим почерком штатного шифровальщика. Но понятнее отнюдь не стало. — Давайте-ка все сначала... — Он поморщился. — Да и расслабьтесь вы, в конце-то концов. Не на докладе же в Адмиралтействе.

Рабан едва заметно изменил позу на чуть более непринужденную (тихонько звякнула дворянская перевязь со шпагой на боку), мельком глянул на корабельный хронометр, укрепленный над дверью люка из рубки, и монотонно повторил рапорт, глядя куда-то поверх головы командира... Кажется, даже слово в слово повторил:

— Три четверти часа назад ютовым вахтенным наблюдающим были приняты семь, с перерывом в минуту, однотипных шифрованных сообщений с берега. Факт приема, согласно Кодексу, был подтвержден сигналом ютового прожектора. Поскольку каждому сообщению предшествовал общесфлотский сигнал «Особое внимание», депешу немедленно отправили на дешифрацию. Затем был подан сигнал «Назовите себя», но ответа не последовало... После расшифровки депеша немедленно доставлена шторм-капитану в ходовую рубку... Рапорт закончен.

Барон Ксэнг остался невозмутим, хотя и побелел губами.

— И дешифровка заняла сорок минут? — спокойно спросил он, старательно игнорируя чересчур уж уставной тон собеседника. Нарочито уставной. Можно сказать — издевательски.

Нет, ну не сволочь ли, а?! Даже сейчас, когда малейшая задержка подобна смерти в самом прямом, не метафорическом смысле — Рабан строит

из себя этакого тупорылого штабиста, для которого буква Кодекса дороже всего на свете. А думать и решения принимать — это, мол, забота командира... Ксэнг грам-капитана не любил и своих чувств, в общем-то, не скрывал. Да и вообще, кто из моряков, скажите на милость, любит ищеек из Отдела ПРБ? Одно дело — терпеть на борту, но любить — это уж увольте...

— Шифр, использованный отправителем, был сменен Адмиралтейством год назад, — ответил грам-капитан, по-прежнему на командира не глядя. — Дешифровщикам пришлось потрудиться, прежде чем они отыскали требуемый код и...

— Ясно, ясно, — отмахнулся Ксэнг. И призадумался. — Год назад... нет, все-таки ничего не ясно. В Тоуранте что, оставались ваши люди?

Рабан помолчал. Прикидывал, наверное, не раскроет ли страшную военную тайну, если ответит правду. И наконец сказал:

— По моим сведениям, нет. Вся наша резидентура была свернута задолго до... до наступления Тьмы... — Он пожал плечами, увенчанными золочеными эполетами. — Конечно, в спешке могли что-то упустить, перепутать списки, и какой-нибудь рядовой агент, работавший в провинции...

— Рядовой агент не станет передавать «Приказываю», — отрезал Ксэнг. — Как было передано сообщение?

— Флажковой азбукой. Отправитель использовал факелы — наверное, горящие ветки или что-то в этом роде.

— И как он выглядел? Мужчина? Женщина? Один или несколько?

— Неизвестно. Видимость на берегу практически нулевая, этот световой сигнал — и тот был распознан до конца только с четвертого раза...

Шторм-капитан шумно выпустил воздух из легких. Внештатная ситуация, Ловьяд заberi ваши души. Неучтенный фактор.

...Когда во время похода твой корабль вдруг подвергается нападению каких-то тварей верхом на дельфинах и с магическими способностями в придачу — это тоже неучтенный фактор, но это нормально: есть возможность в очередной раз проверить боеготовность экипажа и доказать тварям, что связываться с гидернийским кораблем — себе дороже.

...Если во время учебных стрельб один из зарядов, выпущенных с борта куттера, имитирующего вражеское судно, неожиданно оказывается боевым и разносит вдребезги надстройку (а заодно и в клочья пятерых офицеров) — это тоже непредвиденное событие, но и в нем, по сути, нет ничего из ряда вон: наличествует конкретный виновный, и есть, опять же, возможность на живом примере продемонстрировать экипажу, чем учения отличаются от реального боя...

Но когда с чужого пустынного берега поступает зашифрованный секретным кодом приказ выслать катер — тут уж призадумался. То ли это провокация неизвестного противника, имеющая целью задержать броненосец, задержать — и попытаться, скажем, потопить. То ли на береговой линии действительно находится некто, облеченный властью приказывать шторм-капитану «Адмирала Фраста»...

Ксэнг снял чугу* и тыльной стороной ладони, в которой была зажата депеша, вытер лоб.

— Хорошо, Рабан, — сказал он негромко, чтоб не услышал рулевой, переминающийся с ноги на ногу у штурвала в ожидании команды «Курс — двадцать два». — Ладно. Теперь поговорим неофициально. Какие соображения на этот счет есть лично у вас? Кто может быть автором послания, как вы думаете?

Наконец-таки грам-капитан соизволил опустить взгляд и посмотреть на Ксэнга. Тихо и вроде бы не по теме он ответил:

— У нас приказ, мастер шторм-капитан. До того момента, как волна разрушений накроет берег, остались считанные часы... Можем не успеть.

Ксэнг пристально смотрел ему в глаза, но Рабан взгляда не отвел.

Его игра была видна командиру насквозь.

Рабану было все равно, кто находится там, на берегу. Рабан советовал не рисковать и подобру-поздорову уходить мористее. А ежели случится такая неприятность и таинственный автор послания в самом деле окажется важной шишкой и ежели этой самой шишке повезет невредимой добраться до гидернийского конвоя, то Рабан в происшедшем будет совершенно ни при чем: есть масса свидетелей, что шифровка «Адмиралом Фрастом» была принята, — а вот трус и перестраховщик Ксэнг приказал ее игнорировать и уби-

* Чуга — жаргонное название чугратона, парадного головного убора высших морских офицеров Димереи. Представляет собой большую черную или темно-коричневую шляпу с загнутыми полями, украшенную плюмажем из перьев (как правило — длинных перьев фиолетового моа).

ратся подальше. Так что при любом исходе Рабан не проиграет.

Но — как говорят, на всякий ветер найдется свой парус, а на всякий штиль — свое весло, не так ли? Хочешь, чтобы я один решения принимал — ну так получай... веслом.

— Я принял решение, — повысил голос Ксэнг и надел чугу. Отбросил за плечо соскользнувшее на глаза фиолетовое перо. — Любой корабль Великой Гидернии обязан оказывать любую посильную помощь соотечественникам как в своих, нейтральных и чужих территориальных водах, так и на суше в случае, если оказание настоящей помощи не угрожает выполнению конкретной задачи и не противоречит параграфам, сами знаете каким. Так записано в Кодексе мореплавания Гидернии. Любую помощь, это вам понятно? Короче. «Адмирал Фраст» свою боевую задачу выполнил, никаких параграфов мы не нарушаем. Поэтому распорядитесь спустить на воду разъездной катер. На берег отправитесь... лично. Возьмите звено карабинеров. Я задержу отплытие на... скажем, на один час. По истечении часа, если вы не вернетесь или не дадите о себе знать, я команду отплытие... Задача ясна?

Рабан за пнул ся на какую-то долю секунды. Но ответил браво и громко, как полагается:

— Задача ясна!

Шторм-капитан внимательно следил за его лицом, но лицо Рабана оставалось бесстрастным. А ведь умеет, тварь, владеть собой, этого у них не отнимешь...

— На месте разберетесь, что к чему, и поступите согласно обстановке, — продолжал Ксэнг. —

Я прикажу усилить наблюдение за обозначенным вами квадратом и навести на него каронады левого борта... на случай, если понадобится огневая поддержка. Понятно?

— Понятно, мастер шторм-капитан.

— Ну вот и выполняйте... мастер грам-капитан.

После секундной дуэли взглядов грам-капитан Рабан развернулся на месте и строевым шагом направился к выходу. Ксэнг смотрел на его прямую, обтянутую черным сукном форменного камзола спину, которая прямо-таки излучала ненависть. Удивительное дело, но смута в его душе наконец улеглась, теперь командир «Адмирала Фраста» был собран и решителен. Как всегда. Что бы ни случилось, через час он скомандует отход. С Рабаном на борту — или без такового.

— Мастер грам-капитан Рабан покидает ходовую рубку! — донесся доклад охранника за дверью.

Когда за Рабаном закрылась дверь, шторм-капитан Ксэнг, барон Пальп, повернулся к иллюминатору и посмотрел на задымленную землю. Прорекламировал под нос:

Земля, разорванная громом,
В порывах пламени сгорает;
Полузатопленная в водах,
Трясется в судорогах ветра.
Но небо землю принимает,
Освобождает от ответа,
Земля спокойна и свободна
В его объятиях огромных...

Прошептал:

— Как верно сказано...

Потом поразмыслил немного, а потом вновь снял чугратон и склонился в «поклоне чести» обреченному континенту.

...Если на борту «Адмирала» волнение в прибрежных водах не ощущалось вовсе (точнее говоря, пока не ощущалось), то катерок, напротив, швыряло немилосердно — океан просыпался, потревоженный судорогами агонизирующего Атара. Натуженно тарахтел паровой двигатель, упрямо толкающий хрупкую посудину в сторону суши наперекор серым бурунам и барашкам, ветер по-собачьи трепал цепочку флагов на короткой мачте, сигнализирующих всем желающим, буде таковые окажутся поблизости, что катер-де сохраняет полный нейтралитет и противоправных целей не преследует. Парламентеры мы, иначе говоря.

Играющий флагами ветер был удушлив. К запаху гари и дыма примешивалось зловоние гниющей плоти — под киль то и дело попадали качавшиеся на волнах останки всевозможных животных. Какое-то время назад влекомые инстинктом, охваченные ужасом хищники и травоядные, волки и агнцы бок о бок, все животные Атара — кроме разве что самых тупых, неспособных почувствовать дыхание приближающейся смерти, — бесконечным потоком неслись к океану, прочь от Тьмы. И бросались в его мутные волны, слепо надеясь там найти спасение от сошедшей с ума тверди... Вот такие вот последствия стемпида в планетарном масштабе, господа. Время от времени катер старательно огибал и тлеющие мачты, куски шпангоутов, фрагменты фальшбортов и прочие обломки кораблей деревянного тоурантского флота. Враже-

ский флот был расстрелян кабелотами в пяти слева по траверзу, и если здесь плавают столько дряни — интересно, что же творится там...

Пресветлый Тарос, что же творится с миром?!

Рабан перевернулся, пряча нос в воротник подбитой мехом форменной накидки.

Можно было, конечно, спуститься вниз, в крохотную каюту на корме, под прикрытие железа и стекла, присоединиться к компании трех угрюмых карабинеров, но он упрямо стоял на носу катера. Вцепившись в леера и щурясь от ветра, соленых брызг и валящего с небес серого «снега», Рабан смотрел на медленно приближающийся сумеречный берег. Ненависти к Ксэнгу он отнюдь не испытывал. В конце концов, старая гнида Ксэнг — командир, а приказы не обсуждаются, не правда ли? И пока не будем думать о том, что грам-капитан (согласно букве столь любимого Ксэнгом Кодекса мореплавания) не имеет права покидать борт без крайней на то необходимости — каковую необходимость он, что характерно, определяет для себя сам. Пока не будем думать и о превышении власти шторм-капитаном — пусть офицерский суд чести разбирается. Ксэнг ведь командир только в море. А на суше (или, для данного случая, в конвое — за неимением суши как таковой) он всего лишь барон, тогда как я — граф, граф Тратт, титулованный самолично королем Трагором. На суше и в конвое царят другие законы, там другие люди правят бал. Найдется управа и на Ксэнга. Мог бы и автоматчиков дать, скотина, а не жалких карабинеров...

Наконец мотор заглох, под днищем раздался протяжный скрежет, несколько каймов катер по инерции еще волокло по песку, и двое карабине-

ров в бригадинах и морионах, неизвестно, как и когда оказавшиеся на палубе, дружно спрыгнули в грязную прибрежную пену. Моментально приняли оборонительную позицию, направив в сторону берега стволы короткоствольных доказательств нейтралитета, а третий помог спуститься Рабану... Хотя — не столько помог, сколько сдержнул грам-капитана вниз, в воду, и мигом закрыл от берега своим телом, но, надо признаться, проделано это было столь быстро и настолько пиететно по отношению ко второму на корабле офицеру, что иначе, как «помог спуститься», сие действие назвать было трудно.

А спустя секунду Рабан понял, в чем причина такой прыти: на песчаном берегу обнаружился еще один персонаж. Причем явно ждущий их прибытия.

На усыпанном пеплом берегу, едва различимый в задымленном воздухе, опираясь на сучковатый посох, стоял человек.

Более того: женщина. С перемазанным копотью лицом, с развевающейся на ветру гривой светлых волос. В изодранном, вроде бы полувоенном зеленом костюме. Она стояла неподвижно и терпеливо ждала, когда гидернийцы соизволят выбраться на сушу. Совсем юная, смазливенькая. На первый взгляд, безоружная. На тот же первый взгляд — одна... Хотя вон за той дюнкой можно, пожалуй, укрыть с десятков вооруженных до зубов съерконов*. Ну да делать нечего, придется рисковать...

* Съеркон-Кист — легендарный герой Трехцветной войны (483—485 гг.), арбалетчик, легендарный снайпер-одиночка, воевавший на стороне Шадтага и за три года военных действий уничтоживший более ста офицеров противника. Его имя стало нарицательным не только в Шадтаге.

Высоко поднимая ноги, чтобы голенищами сапог не зачерпнуть воду, подобрав подол накидки, Рабан двинулся вперед. Молчаливые карабинеры не отставали ни на шаг, держа пальцы на курках карабинов и слаженно сохраняя фигуру «клешня», коя, по мнению штабных высокоученых лбов, с семидесятипроцентной вероятностью защищает объект от поползновений со стороны потенциальных злопыхателей. Однако, заметим в скобках, против настоящих злопыхателей троица охранников с карабинами — как слепые мышки против голодного кота...

Девушка на берегу, когда стопы грам-капитана коснулись суши, наконец пошевелилась: подняла руку и произвела пальцами несколько быстрых движений — которые были бы напрочь непонятны простому обывателю, но для человека посвященного обозначали: «Я свой». Рабан непроизвольно дернул щекой. Ага, успокаивает, чтоб, значит, стрелять с дуру не начали. Ладушки, пока стрелять не будем. Вот только кто ж тебя, милая, надоумил приказывать боевому гидернийскому кораблю? Мала ты еще для таких словечек, чином не вышла... Кто же тогда?

Рабан, подойдя ближе, остановился. Карабинеры замерли по бокам, поводя стволами и выцеливая возможную опасность со всех сторон.

— Я так понимаю, что это вы сигналили, — сказал он, ворохнув носком сапога две обгоревшие ветки у ее ног.

Взгляд девчонки скользнул по нашивкам на правом плече Рабана, выглядывающим из-под накидки.

— Да, я. Благодарю, что откликнулись, мастер грам-капитан, — ответила она и с достоинством

наклонила голову. Прядь грязных волос упала ей на лицо, она нетерпеливым движением откинула ее назад. Тот факт, что на берег по ее зову прибыл лично грам-капитан, девчонку, казалось, ничуть не удивил и не смутил. Как будто так и должно быть. — Свободный агент Отдела последнего рубежа безопасности на территории Тоуранта, — отвесила она легкий поклон. — Личный номер три—ноль—три—восемь—пять—три—ноль, кодовое имя «Филин».

— Я вас слушаю, — холодно сказал Рабан.

Представляться он не спешил. Она могла назваться кем угодно, хоть самым адмиралом Фрас-том, — прекрасно понимая, что проверить ее слова на месте невозможно... Впрочем, она знает код для тайных сообщений и секретную жестикуляцию, знает количество цифр в личных номерах агентов, разбирается в гидернийских знаках различия...

— Вы обязаны взять нас на борт, — сказала она.

И заявлено это было столь безапелляционным тоном, что Рабан помимо воли ухмыльнулся. Но тут же вновь стал серьезным и быстро огляделся. Берег был пустынен в обе стороны.

— Нас? А позвольте полюбопытствовать, кого это — нас?

Из-за давешней дюны, той самой, где, по логике, прятался взвод съерконов, донесся приглушенный лай.

— Я не одна, — быстро проговорила девчонка, мимолетно оглянувшись в ту сторону. — Со мной... Нет, мастер грам-капитан, лучше вам самому посмотреть. Словам, у меня такое ощущение, вы не поверите...

Неожиданно пошел дождь, горячий, почти кипяток, и вперемешку с пеплом получалась настоящая каша, валяющаяся с неба. Видимость сократилась до полного неприличия, дальше вытянутой руки совершенного ничего не было видно, к тому же с земли стал подниматься густой туман — в общем и целом раздолье для противника, стреляя себе по силуэтам, как в тире, сам оставаясь невидимым и необнаружимым.

Рабан невольно поежился.

Хорошо хоть, что дождь, а не булжники с неба...

— Агент, я надеюсь, вы понимаете, что...

— Я-то понимаю, — с неожиданной резкостью перебила чертовка. Только теперь Рабан заметил, что она находится на грани истерики, с превеликим трудом себя сдерживая. — Я очень хорошо все понимаю, мастер грам-капитан. В частности, то, что и у вас, и у нас мало времени. То есть времени нет совсем. Если б я была не той, за кого себя выдаю, — уж поверьте, я бы нашла более действенный способ причинить вам вред... Идемте же, мастер грам-капитан. Ваша охрана пусть тоже идет с нами. Клянусь Гидернией, вам ничего не грозит.

Земля под ногами качнулась, загрохотало где-то совсем рядом, и в лицо ударил порыв ветра — такой сильный и неожиданный, что Рабан едва устоял на ногах. Накидка взлетела за спиной, хлопнула, как парус, рванула грам-капитана назад, и застежка больно впилась в горло. Назвавшаяся Клади уцепилась за его рукав.

— Быстрее, грам-капитан. Пока в самом деле не стало слишком поздно. Нам нужна ваша

помощь. Помощь соотечественников и соратников...

И опыт Рабана, и его интуиция, ни разу не подводившая за десять лет службы в Отделе ПРБ, оба верных помощника безмолвствовали — по причине недостатка информации. Но в одном девчонка была безусловно права: если это и ловушка, то слишком уж сложная и ненадежная. Попади грамм-капитан в плен, никто и не полезет выручать его, что бы там ни проповедовал Кодекс мореплавания: безопасность всего корабля всегда дороже жизни одного человека... Впрочем, возможно, захватчикам это неизвестно. Возможно, они надеются таким манером отвоевать себе место на борту — в обмен на жизнь грамм-капитана...

Но тогда откуда они столько знают?

А может быть, в Отделе предатель?! Ну и vremena...

Рабан и сам не заметил, как двинулся следом за девчонкой, его рукав не отпускающей. Тройка карабинеров, сохраняя фигуру «клешня», неотступно брела рядом.

За дюной их было двое: один человек полулежал на песке, бессильно привалившись спиной к поросшей сухой травкой кочке, другой, совсем юный, чуть старше, может быть, девки, наклонился над ним, держа развернутый плащ на вытянутых руках — прикрывал от дождя. Прикрывать получалось плохо: ветер рвал плащ из рук, и тяжелые капли воды пополам с пеплом то и дело смачными плевками вlepялись в тело лежащего. К его ноге жалась здоровенная, напоминающая волка собачина — которая имела бы весьма устрашающий вид, если б не мокрая, слезавшаяся

шерсть и не трусливо поджатый хвост. Опять-таки, кажется, никто не вооружен. Впрочем, это еще ни о чем не говорило.

Они подошли ближе.

Тот, что держал «навес», на гостя даже не посмотрел, зато собачка приветствовала грам-капитана жалобным поскуливанием.

— Ага, значит, явились все-таки... — Лежащий с трудом принял сидячее положение. — Я уж думал, бросите меня здесь подыхать... — На вид ему было лет шестьдесят — одутловатое лицо, тяжелый подбородок с глубокой складкой, огромный нос, голубые глаза под кустистыми бровями — пронзительные даже здесь и сейчас, даже невзирая на то, что один глаз заплыл большущим синяком. — Молодцы. Кто посудиною командует? Ну ты ближе-то подойди, голубь, не укушу...

Рабан смурно глянул на агентессу. Та неопределенно передернула плечами.

— Не узнает! — вдруг хрипло засмеялся лежащий, потом закашлялся и сплюнул в песок кровь. Утер ладонью мясистые губы. — Немудрено, я бы сам себя не узнал, если б не... А вот мы как сейчас сделаем...

Он ухватил край прикрывающего его плаща и несколькими отрывистыми движениями стер грязь с лица. Потом надменно вскинул подбородок, сжал губы в упрямую линию, сдвинул брови и устремил гордый взор куда-то в бесконечность.

— А так тоже не узнаешь?

За спиной грам-капитана потрясенным шепотом выругался карабинер, после чего все трое охранников как по команде опустили стволы ружей. И даже вытянулись по стойке «смирно».

Рабан взгляделся... И вдруг словно лампу включили. На миг даже захотелось зажмуриться, перехватило дыхание. На миг показалось, что все окружающее лишь дурной сон. Потому что такого не могло быть. Черты лица пузатого незнакомца, вроде бы действительно напоминающее кого-то, вдруг, как в головоломке, сложились в один-единственный образ. Никакой ошибки, увы, быть не могло. Это выражение лица, этот поворот головы знал каждый гидерниец — по портретам и рисункам в учебниках.

Перед Рабаном лежал кронг-адмирал* Вазар, гроза морей, бесстрашный и беспощадный флото-водец. Вазар, который пять лет назад спланировал и осуществил дерзкую операцию, в результате которой подводные залежи угля у берегов Вильнура достались Гидернии в безраздельное пользование. Вазар, который семь лет назад с помощью жалкого парусного дивизиона подчистую уничтожил флотилию Багрового Шкипера — до той поры считавшегося неуловимым пиратом, за чью голову во всех без исключения государствах Атара было назначено неслыханное вознаграждение (по слухам, оную голову Вазар, начхав на деньги, собственноручно забальзамировал и повесил над камином в своем кабинете). Вазар, который десять лет назад организовал кругосветное плавание с эскадрой каравелл и составил одну из подробнейших карт Димереи (из всей эскадры вернулась одна-единственная каравелла; надо ли говорить, что ею командовал кронг-адмирал?). Человек, которого прозвали Непотопляемой Задницей, чью биографию учат

* Высшее гидернийское флотское звание.

дети в гимназиях, чья судьба стала мечтой для всех гидернийских моряков...

И этот человек сейчас лежал перед Рабаном — на пустынном, сотрясаемом землетрясениями берегу, раненый, грязный, с пропитанной кровью повязкой на ноге, в каком-то красно-сером рванье, ждущий помощи...

— Узнал, вижу, — удовлетворенно заметил кронг-адмирал, внимательно следя за выражением на его лице. И вздохнул: — Вот такие дела, дружок. Подстрелили меня.

— Как... — только и смог выдавить грам-капитан. Из его головы мигом вылетели все предписанные Кодексом приветствия. — Как вы... здесь... Я думал, вы давно в конвое...

— Секретная операция, — сурово проговорил кронг-адмирал Вазар. — Настолько секретная, что в курсе были только трое: я, король и начальник Адмиралтейства... Ну, теперь еще и эти знают, — кивок на спутников, — иначе было никак, иначе было не справиться... Вишь ты, как не повезло, не успел я предупредить, не успел на твой корабль, враг хитрее оказался... Ну и мы тоже не дурни, да? — Он подмигнул Рабану и вдруг гаркнул: — Да убери эту тряпку, мразь! Толку-то от нее, и так промок, как килька!

Псина заскулила еще испуганнее и сунула морду кронг-адмиралу куда-то под коленку.

— Спокойно, Мухтар, спокойно, все уже закончилось...

Человек, который держал над ним плащ, попытался было пискнуть что-то протестующее, но кронг-адмирал вырвал плащ из его рук, скомкал и отбросил в сторону. И снова зашелся в приступе кашля.

— Мастер кронг-адмирал, — почтительно наклонилась к нему агентесса, — я бы не советовала вам...

— Молчать, дура, — беззлобно отмахнулся Вазар. С трудом встал на ноги, тяжело опираясь на плечо спутника, припадая на замотанную ногу. Девчонка рыпнулась на помощь, подхватила с другой стороны. Вазар повернулся к застывшему столбом Рабану: — Видишь, как меня шандарахнуло, а? Это магия, милый мой, не бирюльки детские, даже Мухтар испугался, а он, уж поверь, не из трусливых... Спасибо этим ребятам, без них я не добрался бы даже сюда... Короче, так. Кто главный на твоём корыте?

Рабан наконец сумел совладать с обалдением. Он выпрямил спину и отчеканил:

— Командир эскадренного броненосца «Адмирал Фраст» шторм-капитан Ксэнг. Доложил грам-капитан Рабан.

— Ксэнг... — призадумался Вазар. — Знаю такого. Сойдет. И даже сам грам-капитан прибыл по мою душу, честь-то какая для старика... — Он пристально посмотрел на Рабана. — Твое лицо мне знакомо. Мы с тобой не встречались?

— Нет, к моему сожалению...

— Точно?

— Увы, да...

— Ладно, теперь встретились. — Он помолчал и негромко заговорил: — Вольно, малыш, вольно, сейчас не до условностей... Дело вот в чем, грам-капитан. Я должен немедленно связаться с Адмиралтейством. Весь поход гидернийского конвоя к Граматару под угрозой. Заруби себе на носу, Рабан, я сейчас рассказываю то, что знают только трое, если не считать этих ребят, и если об этом узнает

кто-нибудь пятый — я тебя лично на мачту задней посажу. Усекаешь?

Рабан опасливо покосился на охрану.

— Наплюй, они тоже будут молчать, уж поверь мне, — нетерпеливо скривился кронг-адмирал. — Запоминай, передашь адмиралу Канарису, если со мной что-нибудь... В общем, передашь слово в слово так: «Серый Рыцарь на борту „Адмирала Фроста“. Нейтрализовать не удалось. Готовит акцию возмездия. Подпись: Юстас». Все. Запомнил? Повтори.

Рабан снова чуть было не впал в ступор:

— На чьем он борту, простите?..

— На твоем он борту, дубина!!! Глухой?! Проглядел врага, сволочь!!! — И неожиданно адмирал успокоился. — Ты не виноват. Этот Рыцарь... он умеет очень хорошо прятаться. Слишком хорошо. Магия. Даже меня чуть было не провел, но я-то выкрутился... Повторить задание!!!

Под пристальными взглядами троицы на берегу грам-капитан повторил почти без запинки.

— Молодец. Дальше. Канариса в лицо знаешь?

— Даже не слышал о таком...

Вазар довольно хмыкнул.

— Хитрый черт, ведь управляет половиной тайных операций — а никто о нем и не слышал... Ерунда. Скажешь в Адмиралтействе, что у тебя весточка от Юстаса — мигом проводят куда надо... Теперь так. Катер здесь, обратно не ушел? Мне нужно срочно попасть на корабль. Нужно выявить этого чертового Рыцаря, пока он не добрался до конвоя...

Совсем рядом опять что-то рвануло, особенно громко, небеса на наудере озарились багровой вспышкой — и вдруг замерцали часто-часто: це-

лый каскад молний соединил землю и клубящиеся в вышине тучи. Рабан ничего не замечал, голова уже шла кругом. Он с тоской оглянулся на темнеющий вдалеке «Адмирал» и шепотом спросил:

— А... кто он?

Дождь заглушал звуки, но Вазар услышал.

— Это очень опасный человек, друг мой, — проникновенно сказал кронг-адмирал. — Очень... — И, повернувшись к своим спутникам, спросил: — Ну как?

— Браво, адмирал, — почтительно ответил юнец. — Вы гений.

— А то, — довольно сказал Вазар. — То ли еще будет... — И кивнул Рабану: — Хочешь верь, хочешь не верь, но дела именно так и обстоят. Надо попасть на корабль. Надо убедить шторм-капитана, что среди высших офицеров корабля притаился враг... И я знаю, как его найти. — Кронг-адмирал хищно оскалился.

...Все происходило быстро. Ксэнг встретил кронг-адмирала у трапа, выслушал взволнованный доклад Рабана и распорядился немедленно отвести раненого в лазарет, но раненый категорически этому воспротивился. Необходимо как можно быстрее собрать всех высших офицеров в помещении, максимально защищенном от подслушивания. Есть на борту такое? Разумеется, не долго раздумывал шторм-капитан, — адмиральский салон на юте. Адмиральский — это хорошо, кивнул Вазар, с наслаждением прихлебывая поднесенный чай. Через десять минут все — слышите, все! — высшие офицеры должны собраться там. Без оружия. Это обязательное условие. Серый Рыцарь — хитрая и ко-

варная тварь, он может пронести автомат даже в собственной заднице... Простите, кронг-адмирал, а вы уверены, что среди моих людей...

— А это вас не убеждает? — Вазар достал из кармана сложенный во много раз лист бумаги, развернул, показал Ксэнгу. Ксэнг посмотрел — и обомлел еще больше, хотя, казалось, удивляться дальше за сегодняшний день у него уже не получится. Кронг-адмирал держал в руках Бумагу Вагранана. Ту самую. Никаких сомнений — подпись настоящая, видно невооруженным глазом. — За ней Рыцарь и охотится. Так что извольте выполнять приказ. У вас осталось восемь минут.

Возразить было нечего. Ксэнг судорожно перевел дух и распорядился объявить об экстренном собрании офицеров в адмиральском салоне. Неучтенный фактор, чтоб ему...

Под почетной охраной двух карабинеров хромающий Вазар был препровожден на ют, куда уже стягивались офицеры. Человек пятнадцать общим числом. «Старший артиллерийский офицер Патро, маркиз Цард, входит в адмиральский салон! — выкрикивал охранник у дверей. — Штурман Гугор, барон Римм, входит в адмиральский салон!» Кронг-адмирал нахмурился: каждый из входящих офицеров-дворян был при кортике — кортик, судя по всему, оружием на флоте не считался, а считался деталью военно-морского парадного камзола. Это несколько усложняло дело...

— Собака со мной, — резко бросил он охраннику, вознамерившемуся было преградить дорогу Мухтару. Потом оглянулся по сторонам и негромко спросил: — Тебя как зовут?

— Матрос Алмак, мастер кронг-адмирал!

— Тише, тише... Вот что, матрос Алмак. Среди высших офицеров есть изменник... Тихо, я приказал! Готовится бунт. Враг пока не подозревает, что я раскрыл его, но когда поймет, то может случиться все что угодно. Возьми надежного парня и займи пост за дверью. Не входи, что бы ни случилось, что бы ты ни услышал. Возможно, он уже переманил на свою сторону кого-то еще, предстоит драка. Шторм-капитан сам позовет тебя, если понадобится. Тебе все ясно?

— Так точно, мастер кронг-адмирал!

— Лады.

— Кронг-адмирал Вазар, герцог Лимба входит в адмиральский салон!

Вазар и его спутники вошли в адмиральский салон, огляделись на пороге — нет ли зеркал, зеркал не было — и заняли место за столом у стены. Высшие офицеры «Адмирала Фраста», включая Ксэнга и Рабана, расположились напротив — с застывшими, напряженными лицами. Дождавшись тишины, Вазар не торопясь размотал повязку на ноге, достал из-под нее какой-то предмет и положил перед собой на стол. Оглядел присутствующих.

— Господа офицеры, — очень серьезно начал он. — Я собрал вас для того, чтобы сообщить неприятнейшее известие. Командир данного корабля низложен, и командование всецело переходит ко мне.

Никто еще ничего не понимал. Физиономии присутствующих еще оставались внимательными и серьезными, как у страдающей запором овцы.

Вазар поднял руку ко лбу, медленно провел сверху вниз — и случилось невероятное.

Глава вторая
**Далеко не последний,
но весьма решительный бой**

Если честно, то с самого начала это была авантюра чистейшей воды — дикая и безумная по своей наглости, а потому, как это зачастую и бывает, имеющая все шансы на успех. Наскоро обсудив способ связи и детали предстоящей операции (все же назовем ее так), пожелав остающимся скорой встречи на борту «Адмирала», Пэвер и Гор Рошаль бегом отправились на агитацию тоурантцев, а Сварог принялся лепить личину Вазара, воздаваемую со слов Клади — единственной из бравого экипажа, кто видел хотя б одного из ныне здравствующих гидернийских адмиралов. О том, что она видела Вазара исключительно на портретах, Сварог старался не думать — подозревая, что во всех мирах придворные портретисты стараются не столько отобразить реальность, сколько выставить изображаемого царедворца в выгодном для него свете (ну, и для себя тоже в выгодном, разумеется, куда ж без этого). Впрочем, что выйдет не очень похоже, он особо не беспокоился: фингал под глазом, распухшая скула, пара царапин — и поди в сумерках разберись, наспех ли это сработанная копия или настоящий адмирал, каким-то чудом добравшийся до берега... А вот гораздо хуже будет, если Ксэнг и Вазар окажутся давними знакомыми — тогда итог встречи старых приятелей может случиться и вовсе уж непредсказуемым, тогда придется в игру вступать магическим способностям Клади, а внушение большому числу людей дело сложное и ненадежное... Придирчиво осмот-

рев результаты Свароговых стараний и нервно вздохнув: «Ну, что-то есть...» — боевая подруга бегом отправилась на берег подавать сигнал броненосцу, а Сварог улегся в живописной позе за дюной и принялся терпеливо ждать, повторяя в уме инструкции бывшей гидернийской агентессы.

Как это ни удивительно, но до сих пор все прошло без сбоев — настолько то есть хорошо все прокатило, что Сварог даже позволил себе крохотное отступление от плана, этакий театральный жест. Разумеется, можно было выхватить шаур и не произнося исторической фразы, не сдирая с себя чужую личину. Однако Сварог предпочел поднять забрала. Или, если понятнее, открыть карты. Пускай в этом поступке было нечто от страсти к мелким эффектам, да и с военно-практической точки зрения разумнее начинать стрельбу без предупреждения, не давая противнику ни единой возможности подготовиться и осознать происходящее... Но, судари мои, ведь мы же дворяне, черт нас побери! Хоть и выросли в стране пролетарской диктатуры, однако происхождения-то самого что ни на есть аристократического, отцовская кровь — это кровь графов Гэйров! К тому же целая пирамида благоприобретенных корон венчают нашу буйну голову. Успели мы, знаете ли, вжиться в дворянско-королевскую роль, успели впитать замашки родовитой знати. Так что нет-нет да и возьмет свое новоявленная дворянско-королевская сущность, потянет сыграть в благородство... Сварог-десантник, может быть, и пошел бы по пути голой целесообразности, но лорд Сварог, прежде чем вступить в бой, открыл врагу свое истинное лицо. Можно сказать, послал официаль-

ный вызов на поединок. Можно считать, пошел на вы...

Хотя, вполне вероятно, он решил просто-напросто сбить противника с панталыку, ввергнуть в секундное замешательство.

И это ему удалось. Премьера спектакля «Восстание на броненосце „Адмирал Фраст“» состоялась. И немая сцена, воследовавшая за тем, как Сварог сбросил личину Вазара, растянулась аж на три удара сердца.

Стало слышно, как бьется о стекло абажура бабочка. Из-за стен адмиральского салона, обшитых лакированным деревом, доносился гул дрожащей земли, с которым за сегодняшний день совершенно свыклись, как с досадной, но неизбежной помехой. Гул прерывали опять же уже привычные разрывы — то недра Атара выдавали очередной огненный залп раскаленной лавы. Внизу, под салоном, прогромыхали по железным ступеням чьи-то тяжелые ботинки.

А потом недоуменная тишина в зрительном зале лопнула, взорвалась овацией: «Враг!», «Подмена! Колдовство!», «Взять их!», «Измена!». Принимающая гостей сторона вмиг ошетибилась кортиками. Позолоченные и изогнутые гидернийские клинки блестили как золотые клыки фантастического зверя.

Да и вообще, фантастическое это было зрелище — разодетая по моде времен всяких там Людовиков толпа в расшитых золотой нитью камзолах и роскошных шляпах с плюмажами и пряжками — на борту сплошь металлического, тяжело вооруженного броненосца... В другое время и при других обстоятельствах Сварог непременно бы поди-

вился сему вопиющему анахронизму, но теперь ему было не до того.

Россыпь серебряных звездочек, как горсть монет из щедрой руки филантропа, с неслышным в суматохе шелестом брызнула навстречу офицерской волне. Безотказный шаур, до того прятавшийся под липовой повязкой на ноге, исправно выплевывал серебряную смерть. Зазубренные края блестящих кругляшей вспороли несколько камзолов, вонзились в плоть, разметали в пух несколько фиолетовых перьев со шляп...

Для Сварога время остановилось. Уже потом, проигрывая в уме схватку в адмиральском салоне, он в который раз поразился, как много человек успевает заметить и увидеть, когда на кону простенький выбор: или ты — или тебя...

...К двери, отделанной волнистыми золотыми полосами, бесшумно метнулось продолговатое тело трусливой адмиральской собачки: та, как и было оговорено, отрезала выход из адмиральского салона. Волк сорвался с места, не промедлив и мига, и поспел вовремя: некий офицерик, с ходу сообразивший, что к чему, рыпнулся было к люку.

Прижав уши к голове, могучий зверь в серой с белыми подпалинами шерсти растянулся в прыжке, растеряв по дороге всю свою трусость. Раздвинулась в оскале пасть, обнажив клыки...

Челюсти сомкнулись на человеческой шее, когда ладонь офицерика уже накрыла витую ручку, и сбитого на пол гидернийца придавила туша собаки не собаки, волка не волка — но уж точно не безобидной домашней шавки.

Когда зверь вздернул голову, кровь пузырилась на его белых клыках, красные струйки змеились

по серому меху на вытянутой морде и неслись каплями вниз. Вокруг черных крапин зрачков в собачьих глазницах полыхало бардовое пламя — словно темные вкрапления, портящие драгоценную чистоту крупных рубинов.

А из распоротого горла гидернийца толчками выплескивалась густая багровая жидкость.

Непросто, трудно, невозможно было совместить эту клыкастую, со вздыбленной на загривке шерстью боевую махину с черноволосой и черноглазой женщиной по имени Чуба-Ху.

Однако это была именно она.

И пока Чуба справлялась: взвившись в прыжке, грудью сбила с ног очередного офицера, коренастого и бритоголового — и одного этого оказалось достаточно. Моряка отшвырнуло на увенчанную стеклянным колпаком тумбу, на которой красовался макет броненосца, ударило виском об острый угол — и вот гидерниец уже сползает по лакированному дереву, оставляя на сверкающей поверхности кровавый след.

А Чуба совершенно молча разворачивается к новому противнику в распахнутом камзоле, с золотым амулетом в виде расколотого круга на белой кружевной рубахе...

...Фиксируя происходящее краем глаза, Сварог делал свое дело: серебром в лоб встретил перепрыгнувшего через поваленный стол гидернийца, отскочил, чтобы не быть сбитым с ног летящим и умирающим на лету офицером, отбил стволом шаура направленный в шею клинок, подсек носком сапога голень нападающего и ребром стопы с разворота послал гидернийского морячка под ноги новой волне атакующих. Тут же развернулся, чтобы оче-

редью встретить двух офицеров, огибавших стол с другой стороны...

Бой в ограниченном пространстве стремителен и скоротечен, язык просто-напросто не поспевает за событиями. Любое описание схватки будет значительно дольше и скучнее происходящего в реальности...

...По левую руку от Сварога Клади, отскочив в угол и прижавшись к стене, по одному встречала гидернийцев — больше чем одному к ней было не подобраться — точными ударами посоха.

Того самого, который самолично выстругала из сосновой ветви, снимала лишнюю древесину, выверяя балансировку, взвешивала на руке и крутила в пальцах, заточила один конец до копейной остроты, подработала другой конец под свою ладонь... И управлялась она с незатейливым оружием так ловко, будто обучалась под руководством мудрых сенсеев в каком-нибудь Шао Лине. Приемный ли отец передал дочери тайны боя на палках, или некий стражник в замке из бывалых и повидавших от скуки натаскал, или постарались те же гидернийцы — неизвестно, однако зеленоглазая чертовка сейчас наглядно демонстрировала преимущества заостренного посоха, направляемого умелыми руками, перед коротким клинком в ближнем бою.

И недавним соратникам в борьбе за владычество Гидернии над всеми прочими народами доставалось по первое число.

Сварог тем временем продолжал кружить вокруг стола. Отскакивал, уклонялся, бил ногой, рукой, бил рукоятью шаура, отступал, нападал, уворачивался и стрелял, стрелял, стрелял.

А по правую его руку... черт, по правую руку дела обстояли не столь блестяще.

Олес скрещивал с морскими кортиками свой длинный обоюдоострый кинжал, на чьем лезвии был выгравирован фамильный герб Саутаров. Кинжалом он орудовал, надо признать, умело. Держа «пустую» руку за спиной, стоя вполоборота к противнику, Олес отклонялся корпусом влево-вправо, совершал обманные маневры, молниеносно менял хваты с обратного, удобного для защиты, на прямой, более сподручный для атаки. Ощущалась, в общем, выучка. Молодому князю удалось ввязать гидернийцев в академический бой на коротких клинках, в котором он имел несравненно больше преимуществ перед морскими офицерами, привыкшими командовать бортовой артиллерией или, на худой конец, управляться со стрелковым оружием. И это преимущество работало: то один, то другой офицер выбывал из схватки после стремительных вылетов вперед княжеского кинжала...

Но — сказывалось численное превосходство гидернийцев. Олес устал от мелькания клинков и уже не так твердо блокировал наскоки. И вот лезвие кортика соскочило с подставленной под него кинжальной гарды, чиркнуло по пальцам. И сразу за тем Олес напоролся на сильный секущий удар по тыльной стороне ладони. Ему пришлось сделать поспешный шаг назад, переложить клинок из правой руки в левую. Правда, как тут же выяснилось, обеими руками он владеет одинаково неплохо...

Одинаково-то одинаково, но Сварог понял, что счет пошел уже на мгновения.

Князь из последних сил отражал натиск. Против него сейчас стояло три гидернийца, они тес-

нили князя и действовали грамотнее, чем прежде: поочередно отвлекали внимание каждый на себя, потом следовал выкрик «Эгой!» («Не иначе, боевой клич, вроде „банзай“ или „форвард“, ишь как быстро чертовы мареманы учли ошибки в своей тактике...» — мелькнуло у Сварога), и они нападали одновременно.

Олес позволил достать себя в плечо. Вслед за тем он лишь каким-то чудом ушел от размашистого, сабельной техники удара. Достиг цели и хитрый выпад третьего гидернийского офицера: упав на колени, гидерниец выбросил вперед руку — и ему удалось позолоченным острием ужалить молодого князя в бедро... Последнее ранение было самое чреватое. Олес, прихрамывая, спешно отступил, прижался к переборке. Князь уже не успевал за ритмом схватки.

Следующая слаженная атака гидернийцев, скорее всего, окажется для него последней.

Далее медлить было невозможно. Сварог, рискуя повернувшись спиной к своим собственным противникам, сорвался с места.

— Лягай!!! Всех покрмсаю!!! — Тут главное не что кричать, а чтоб выходило надрывнее и грознее. Главное переключить гидернийцев на себя или хотя бы на миг отвлечь от князя. Стрелять ведь нельзя — заденешь Олеса. — На пол, духи!!! Руки к стене!!! Смирно, стоять!!! Руки за голову!!! Пожар!!! — Зато можно на бегу поливать паркет перед собой зубастым серебром из шаура. Вдруг да подействует...

Подействовало. Один из гидернийцев, что называется, стремнулся. Его подвели рефлексy, толкнули в сторону, он отвалился от группы, и в том была его ошибка — уйти с одной с князем линии огня.

Щадить его Сварог не стал — перейдя с бега на шаг, вскинул метатель звездочек и напшиговал оплошавшего моряка серебром.

Двое супротивников Олеса, как и следовало ожидать, разделились: один продолжал наступать на князя, другой переключился на фальшивого адмирала. Совсем юный офицер с одним ромбиком на нарукавной нашивке, наклонившись вперед и поводя клинком, мелким осторожным шагом подбирался к Сварогу.

Ну, тут все было понятно. Простейшая самбарумба против человека с ножом: носком ноги садануть по клешне с кортиком, крутанувшись юлой, подсесть под лодыжки, свалить на пол и покончить с проблемой сочным ударом кулака, вложив в него всю массу тела. Граф Гэйр перешел на пружинистый, «танцующий» шаг, который подсказал бы искушенным в единоборствах, что за сюрприз готовит боец...

— Сзади, граф!!!

Граф упал, перекатился, выстрелил из шаура в силуэт над собой, повинувшись инстинктам, извернулся змеей — и вовремя. Со смачным хрустом в паркет вошел золоченый «зуб» кортика, пробив пол в том месте, где только что находилась голова графа Гэйра. Вслед за кортиком на пол повалился его хозяин, который на последней искре бытия попытался утащить за собой к Верхним Людям и Сварога.

Сварог вскочил на ноги. Вскочил, чтобы увидеть, как схватка, пережив переломный момент, стремительно движется к развязке. Клади, управившись с выпавшими на ее долю гидернийцами, пришла на подмогу и взяла на себя грам-капитана, до которого Сварог так и не добрался. Олес, слов-

но подзарядившись от Сварога боевым духом, пробивал защиту своего противника серией точных выпадов. Чуба рычала и скребла когтями паркетины возле трех гидернийцев, замерших посреди адмиральского салона.

Схватка встала. Живые переводили дух — в том числе командир броненосца и два офицера рядом с ним.

Шторм-капитан Ксэнг, барон Пальп, беспомощно озирался на дверь. Теперь-то, задним числом, он наверняка видел единственно верный и, увы, упущенный тактический ход — скомандовать офицерам: «На дверь!». Был же, был шанс длиной в три удара сердца, когда следовало прибирать ничейные поводья в командирские руки. Бросить все силы на дверь — тогда бы схватку удалось перенести на палубу, и вскоре корабль, как пожар, охватила бы тревога. Горстку авантюристов мигом смели бы за борт.

Сейчас же командир гидернийского эскадренного броненосца «Адмирал Фраст» лихорадочно искал выход — и не находил.

— Вы можете сдать, капитан, — тяжело дыша, помог ему с раздумьями Сварог. — И если сумеете оказаться полезным, вы сохраните надежду на жизнь. В противном же случае...

Но капитан, даже не дослушав ультиматум, выбрал именно противный случай.

— Отродь! Сын скверны! — подхватив с полу крупный осколок стекла (видимо, ношение кортика уставом ему не предписывалось), он бросился на Сварога...

...и упал с простреленными серебром ногами. Но осколок из пальцев все же не выпустил. При-

встал, затравленно оглянулся, набрав в легкие побольше воздуха, выпалил: «Димерея для Гидернии!» — и с самурайской решимостью воткнул себе в горло кусок бледно-зеленого стекла.

Последний оставшийся на ногах офицер бросил на пол кортик: «Сдаюсь, сдаюсь» — и, демонстрируя полную покорность, опустился на колени, завел руки за голову. Предпоследнему офицеру покалечили руку волчьими зубками, он стонал на полу и пытался ладонью остановить кровь. Грам-капитан Раган, успокоенный посохом по темечку, валялся в углу, как тряпичная кукла, и не жужжал...

Короче говоря, получилось.

Но это был еще не конец.

Кивком приказав сподвижникам занять места у дверей, Сварог перевернул капитана на спину, взгляделся в мертвое лицо, прошептал нужные слова... и дверь в коридор открыл тяжело раненный в шею, но живой шторм-капитан Ксэнг.

— Алмак, ко мне!.. — прохрипел он, тяжело привалившись к косяку. — Бунт подавлен... уведите арестованных...

И стал заваливаться назад. Двое карабинеров — Алмак и какой-то насмерть перепуганный мичман — рванулись было подхватить командира, но серия коротких ударов — слева от Олеса и справа от Клади — уgomонили и их. Сварог быстро глянул за порог. Никого. Металлический коридор пуст в обе стороны. Он прикрыл дверь и от греха подальше задвинул защелку. Обернулся, оглядел поле брани.

Вот теперь конец. Конец первого тайма.

«Да-с, первый тайм мы уже отыграли, — холодно и отстраненно подумалось Сварогу, когда он прятал славно потрудившийся шаур за спину, за

пояс. Ни на какие эмоции сил уже не было. — Осталась сушая ерунда: завладеть кораблем от палубы до трюма. Или, как это там принято говорить, от клотика до киля. Ну и при этом, чуть не забыл, усмирить, или укокошить, или переманить под свои знамена оставшихся гидернийцев. Сколько их там, голубчиков, осталось? Триста минус полтора десятка... Терпимо».

Глава третья

Второй тайм

— Добить этого? — Клади ткнула посохом в плечо сдавшегося офицера.

Сварог покачал головой.

— Связать. Мы ж не убивцы. Раненых тоже связать, от греха. Олес останется здесь. Куда ему теперь, хромоту-то, вот и присмотрит...

Сварог жадно затягивался первой после долгого перерыва сигаретой. Адмирал, которого он — чего уж там жеманиться — сыграл недурственно, к несчастью, попался некурящий, так что приходилось терпеть.

С сигаретой в зубах он обходил поле боя, методично выдергивал из брючных петель широкие поясные ремни и вязал ими гидернийцев. Хор-рошие ремешки, к слову говоря, выдают гидернийскому офицерью: из мягкой кожи, с двузубой пряжкой и золотой прошивкой по краям. Одно удовольствие стягивать ими запястья и, заводя руки за спину, приматывать к лодыжкам. Управились быстро: живых оказалось всего пятеро.

Тайм-аут после такой заварушки был нелишним. Совершенно незачем, едва покончив с составом броненосца, ядром из пушки выскакать на палубу. Если поднята тревога, то ее, как горную лавину, уже ничем не остановишь. Если же не поднята — короткая передышка не повредит, как не вредит привал солдату на марше.

— Это вам не по тоурантским рыболовам из пушек садить, — Клади ни к кому не обращалась, говорила сама с собой. Перенапряжение боя выливалось в чрезмерную разговорчивость — ничего не подделаешь, стресс требует, чтобы его снимали. — Димерея для Гидернии, ха! А дно морское для Гидернии не хотите? Плевала я на ваши висюльки. Гальвикарий Первой степени с алмазным крестом, Валтан Второй степени с черным бантом! Кого они спасали от разжалования или публичной казни? И красивого в них ничего нет, вульгарщина, ни с одним платьем не наденешь...

Пеленая своего последнего гидернийца — грам-капитана Рагана, ныне изволившего пребывать без сознания, Сварог бросил взгляд на Чубу... И попал на научно-популярный фильм ужасов «Преображение оборотня». Чуба-Ху меняла обличье. Только зачем ей, скажите на милость, потребовалось возвращать себе человеческий облик, когда операция по захвату еще далека от завершения?

Сварог не мог бы себя назвать чрезмерно впечатлительным человеком, но вот, вишь ты, не мог свыкнуться с этими... метаморфозами. Пусть не раз наблюдал, но, хоть тресни, не мог принимать с индифферентным спокойствием переход человека в зверя и наоборот. Что-то противилось на клеточном уровне. Удовольствие выходило ровно такое же,

как, ну скажем, от созерцания чьих-то рвотных спазмов.

Волк поднялся на задние лапы, укрупняясь ввысь и вширь. Выгибались колени, передние лапы вытягивались, менял форму череп, гас рубиновый блеск звериных глаз. Когти уходили в подушки лап, сами лапы превращались в ладони, на них отрастали тонкие пальцы. Шерсть на морде, шее, ладонях словно бы растворялась, открывая бледно-розовую человеческую кожу, а к торсу прилипла и словно бы из ее ворсинок сама собой ткалась коричневая жилетка со шнуровкой. Ноги на миг окутало матовое серое облако, и вот — не успеешь как — оно преобразилось в юбку серой материи. Обращению удачно аккомпанировал едва слышный скрип изменяющих форму костей...

Сварог запоздало отвел взгляд и увидел клок волчьей шерсти, отхваченный кортиком и валяющийся среди обломков макета броненосца. Серый комок тоже мутировал: растекаясь лужицей по наводщенному паркету, затуманился и превратился в лоскут серой ткани. «Ах вот оно даже как!» — невнятным возгласом откликнулся мозг Сварога на этот осколок мозаики.

— Слушай мою команду, орлы и орлицы! — негромко воззвал Сварог и бравым шагом прошествовал на середину захваченного адмиральского салона. — Не обольщаться. Никакая это не победа. До победы нам как до Граматара... гхм... спиной вперед. Так что никакой самодеятельности. Напоминаю. Я — на прожектор, Чуба — вдоль левого борта, Клади вдоль правого. Олес...

Произнося речь (ни дать ни взять Кутузов, бля, в день Бородинской битвы), он обвел взглядом

свою боевую дружину. Клади, поигрывая посохом, слушала своего полководца, на щеках ее играл румянец нетерпения. Появившаяся на Чубе серая юбка зияла треугольным вырезом, сквозь него белело бедро, которое эротических желаний вкупе с фантазиями у Сварога почему-то не вызвало. Может быть, вызвало бы у Олеса, который, помнится, не скрывал своего мужского внимания к женщине-оборотню, но князю сейчас было вовсе не до любования женскими ножками. Князь занимался своей ногой. Не стесняясь дамского присутствия, наследник гаэдарского трона приспустил штаны и перевязывал рану на бедре разорванной нижней рубашкой. Возле него присела Чуба. Ах вот в чем дело! Вот чего ей в волках не ходится! Ну конечно, в собачьем обличье не очень-то сподручно помогать в перевязке. Всякие нежные чувства — это, конечно, прекрасно, но когда не во вред делу. А сейчас во вред...

— Олес! Остаешься здесь. Присмотришь — раз, покопаешься в бумагах — два! Отставить, испытуемый! — шепотом рявкнул Сварог, увидев, что князь готовится к возражениям. — Без детского сада мне! Пороешься в бумагах, поищешь план этого парохода — должен пригодиться. Клади, на левый борт. На тебе, как помнишь, два вахтенных поста. Чу, на тебе ходовая рубка и вахта правого борта. Придется тебе вновь вернуться в... прежний вид. Ну, вперед, гвардейцы кардинала...

— С головой на месте, с кишками на копье! — ответил вслед Олес. Видимо, напутствовал по-гаэдарски уходящих на ратное дело.

Сварог пропустил дам вперед, а сам задержался на пару секунд в салоне. Оставалось у него еще

одно небольшое интимное дельце. Он окинул взглядом поле боя, подошел к одному из погибших охранников, наклонился...

И на верхнюю палубу, под теплый проливной дождь, Сварог ступил уже в личине гидернийского моряка. Его плечи, обтянутые военно-морским форменным камзолом, мигом промокшим, теперь украшали эполеты с короткой серебристой бахромой и с двумя ромбиками посередине. Звание, присвоенное Сварогом самому себе, по-гидернийски звучало как бертольер, что примерно соответствовало званию мичмана на российском флоте. Ну не адмиралом же карабкаться к матросу, в самом-то деле... А вот мичман в самый раз. Трудностей с доступом к прожектору возникнуть не должно, если, конечно, не предусмотрен особый пароль, — но это было бы уж прямо-таки параноидальным перебором в бдительности и секретности...

Короче говоря, перебора не случилось и убивать матроса липовому бертольеру не пришлось. Сварог вскарабкался по скобам, одна над другой приваренным к стене палубной надстройки («по скоб-трапу», — услужливо подсказала память вычитанное где-то название), и без лишних разговоров ткнул «клювом ястреба» в сонную артерию промокшего до костей матроса — когда тот, задрав подбородок к черному небу, отбарабанивал рапорт, перекрикивая вой ветра:

— Мастер бертольер, за время несения службы...

Вот беда-то, так и не узнал Сварог — может, чего и случилось за время несения...

Матроса он связал и вдобавок прикрутил к поручням, ограждающим площадку вокруг корабельного прожектора. Аккуратненько снял с его шеи

подзорную трубу. Похлопал по плечу («Извини, дружок»), выпрямился, поглядел в сторону берега. Сквозь нагретый пожарищами дождь, сквозь туман, поднимающийся с палуб, сквозь мрак видно было, прямо скажем, хреново, однако и увиденного было достаточно, чтобы оценить размах катастрофы.

Материк Атар погибал. Атар отмучивался в последних, агонических судорогах. Атар задышался в дыму.

Отсюда материк представал адским скопищем черных клубов. Таким же, как небо над головой. Небо, заваленное смоляными тучами, полосовали грозовые всполохи, будто наверху велись грандиозные сварочные работы. А дымовую завесу над землей пробивали гигантские огненные фонтаны, в появляющиеся иногда просветы удавалось разглядеть красные языки раскаленной лавы, стекающей с гор. Даже здесь грохот стоял такой, что аж зубы ломило, а что делается там, на суше, и представить себе невозможно...

«За такую погоду вешать надо», — некстати припомнился Сварогу один из афоризмов незабвенного капитана Родимчика.

Обзор был преотличный, как с «чертова колеса» — площадка с прожектором была одной из самых верхних точек корабля... Которая, конечно, никакая не площадка, а что-нибудь заковыристое, по-моремански сочное — вроде бом-брамс-перестаксель, в акулу душу твою мать... Эх, несилен он в военно-морской терминологии, что поделать. Трап лестницей, понятно, не обзовет, фальшборт оградкой тоже, даже военный корабль судном не обругает, но всяких там брамселей и салингов мы

не проходили, что сие такое, нас не спрашивай, брам-бакштагов от брам-гинцев не отличим...

А вот стопор, как ни крути — он и в море стопор. Точь-в-точь такой же конструкции, как на лебедках, которыми корчуют деревья трудолюбивые садоводы планеты Земля... Ах, раскудрить вперехлест, весь птичьим дерьмом перемазан...

Убрав зажим с зубьев проворотного механизма, Сварог развернул прожектор к берегу. Ага, ага, система простенькая, чтоб в ней разобраться, вовсе не обязательно задействовать полумагическое умение ларов осваивать незнакомые механизмы. Даванул рычажок вниз — шторы опустились, поднял рычажок кверху — шторы поднялись, луч света понесся в темное царство. Так и будем отбивать условленный код. Три коротких, два длинных, три коротких, два длинных... Да и чтоб засветить прожектор, не надо быть доктором магических наук. Всего две кнопки на панели. Первая не сработает, надавим на вторую.

В коробке с кнопками шваркнуло, щелкнуло, что-то прожужжало в прожекторном чреве, и под боком у Сварога, заставив его зажмуриться, зажглось маленькое личное светило. Шарахнувший в пространство луч, пробив дымы и сумерки, уперся в мутную прибрежную воду. Сварог взялся за скобу, приподнял морду прожектора и, сам себе напоминая инженера Гарина, повел лучом по береговой кромке. Сползающий в море лес, обрушившиеся скалы, выплевываемые волнами обломки и трупы... Отсвет прожектора падал на воду залива, где все еще догорали тоурантские парусники, где какие-то животные все еще плыли, сами не зная куда, но прочь от земли... И дым, пепел,

копоть... Конец света живописен только в книгах и кинофильмах.

Сварог поставил поворотный механизм на стопор, доведя луч до устья реки Улак. Если они появятся, то только оттуда. «Отставить „если“», — сам себе скомандовал Сварог. Неужто суб-генерал не подготовит простейшую десантную операцию, а ас контрразведки Гор Рошаль живо не пресечет панику и не направит пароксизм народного испуга на достижение общей победы!

Ну и поехали. Сварог взялся за рычажок, управляющий шторками. Шторки-то небось тоже бронированные, раз мы на броненосце. Три коротких, два длинных...

В луче прожектора черными чертями задержались тени. Под гвалт, визги и хлопанье. Птицы, чтоб им пусто! Пернатые, повинаясь своему идиотскому инстинкту, устремились на яркий свет и принялись самозабвенно носиться в иссиня-белом пучке, словно дети в аквапарке. Три коротких, два длинных... Еще не хватало, чтоб начали долбаться в стекло. И тут же — так сказать, реагируя на мысленную просьбу трудящихся, — некая воронаобразная тварь впилилась клювом в прожектор. Но не свалилась замертво Сварогу под ноги, зараза, а каркнула и живехонькой взмыла вверх.

— Водяная смерть, потроха Наваки, вас только не хватало! — от прилива чувств Сварог потянуло ругаться по-местному. — Шило вам под перья!

Три коротких, два длинных... Кто его знает, как справились Клади и Чу, где они сейчас. Оружейной пальбы нет, что непременно сопровождало бы всеобщему переполоху, и на том спасибо...

Хрясь! В бронированные шторы вмазалась очередная крылатая дура. Еще раз три коротких, два длинных...

А ведь прожектор пашет-то на электричестве! Весьма любопытно, господа хорошие. Чего ж мы про него не слышали? Вроде и покрутились на Атаре, и с умными людьми беседовали, и на распоследнем атарском чуде летали, а ни намеков, ни слова похожего, ни описания, ни упоминания в легендах-сказаниях — ни следочка электрического. Выходит, крепко гидернийцы охраняли секрет. И вот вопрос: есть ли это потолок, в который гидернийцы уперлись в своем развитии, или до чего-нибудь еще додумались? И не имеют ли все-таки гидернийскую подкладку разговоры об аппарате, способном открывать Тропу?

Но этот вопрос и все остальные, к нему прилегающие, — на потом, на потом. А сейчас — три коротких, два длинных...

Ну, где, где, сколько можно ждать?! Где ответные сигналы, где, что еще лучше, лодки? Луч, повинусь Сварогу, заметался по устью. Может, они пойдут какой-нибудь протокой? А из-за дыма ему не видно ответного сигнала с берега? Где вы, черти, так вас разэтак?!

И это что еще за хрень?

Над Атаром горела яркая зеленоватая звездочка. Неподвижная, как огонек маяка. Судя по всему, очень далекая. И каким-то образом светящая сквозь плотную пелену дыма, пепла и пламени. Сварог недоуменно пожал плечами. Какая только ерунда не происходит...

Стоп, это что? Они? Они! А кто ж еще-то...

Он раздвинул подзорную трубу, рукавом протер окуляр, вскинул к глазу.

Сквозь дождь, одна за другой, растягиваясь цепочкой, из-за мыса в месте впадения реки Улак в Редернейский залив выбиралась флотилия весельных лодок. Вот именно такая картинка, что характерно, всегда рисовалась Сварогу, когда он слышал «Из-за острова на стрежень». Разве что обрамление нынче подкачало. Ни тебе волжских просторов, ни расписных челнов под ясным солнышком и звона свадебных чарок. Есть одна лишь молчаливая гребля сквозь завихрения дыма и пепла.

Гребли слаженно, сильно, рук не жалеючи, подгоняемые жаждой жизни и стоном погибающей земли за спиной. Наверное, на эти рыбацкие лодки можно ставить незамысловатый парус, но дул встречный ветер и приходилось полагаться только на мускульную силу.

Годится. Нечего тут больше делать. Сварог вырубил прожектор. А то высунет какой-нибудь хмырь свое хайло в иллюминатор — бляха-муха, лодочная атака врагов гидернийской нации! То-се — и тревога. А броненосная громада гребцам и так видна: бортовые огни, свет в иллюминаторах. Увидят, в общем, если жить хочется....

Закинув трофейную подзорную трубу за спину, Сварог еще раз посмотрел на загадочный огонек и осторожно, чтоб не сверзиться с мокрых скоб, соскользнул по скоб-трапу на палубу. Так, теперь люки над жилой палубой... Вокруг, хвала Аллаху, ни души: попрятались за броню от греха. Или капитан всех загодя согнал вниз — чтоб панорама гибнущего материка боевой дух не снижала. Это хорошо. Это нам на руку... Держа шаур стволом вверх и пригибаясь, как под артобстрелом, наконец-таки чувствуя себя в родной стихии — это

вам, ребятки, не на троне скучать, — он припустил к носу вдоль правого борта. Артобстрел не артобстрел, но гремело очень даже похоже: грозовые раскаты, гул сотрясаемого материка, удары волн о борт... да и птицы, которых тут чертова пропасть, развели галдеж, будто хорек в курятник забрался... Оскальзываясь на мокрой палубе, Сварог добежал до трапа, ведущего к рубке. Из-за ящика, в коем можно предположить наличие противопожарного песка, с одной стороны торчали одеревеневшая рука со скрюченными пальцами и ствол карабина, с другой — высовывалась нога в форменном ботинке. Ага, понятно: вахтенный матрос вахту сдал.

Сварог приблизительно мог себе представить, что произошло. Из темноты беззвучно возникла бегущая собака. Ну собака и собака, выловили какие-то раздолбаи из воды, пустили побегать по верхней палубе — или не уследили, и та удрала. Повода поднимать тревогу вахтенный уж точно не усмотрел. Может, забормотал нечто успокаивающее, вроде обычного «хороший песик»... Но вот к чему матрос оказался совершенно не готов, так это к стремительному, без рыка и прочих собачьих ритуалов, к не по-собачьи выверенному прыжку — чтоб сразу в горло, чтоб сразу насмерть...

Сварог поднял взгляд на скупое освещенную рубку. Человеческих фигур вблизи залитого дождем ветрового окна (то бишь иллюминатора) не маячило. Выходит, здесь порядок.

Интересно, рубка была заперта? Да уж конечно, не распахнута настежь, а дверную ручку поди поверни собачьей лапой. Наверняка Чу, поднимаясь по трапу, обернулась человеком. Открыла дверь и человеком вошла внутрь. Можно себе представить

обалдение вахты, когда уверенно, как к себе домой, в святая святых эскадренного броненосца заходит женщина, коей вообще не место на корабле, и, не дав ни мига на осмысление, вдруг прыгает на тебя, в полете превращаясь в нечто. Тот счастливчик, что стал первой жертвой, надо думать, даже не успел разобрать, что именно сшибло его с ног и клещами перекусило горло...

Броневые люки на носу Сварог обнаружил без труда. Военному человеку их назначение было понятно с первого взгляда: чтоб в случае аврала, не создавая заторов, морячки быстренько выкарабкались наверх.

Затягивая ворот последнего люка, Сварог услышал за спиной шлепанье, скрежет и частое дыхание. Отпрянул в сторону, выхватывая шаур, обернулся.

Чуба! Тьфу ты, блин, напугала... Женщина-волк подкралась почти вплотную — умеет, однако. Он вытер мокрое лицо, улыбнулся... да так и застыл.

Чуба стояла неподвижно, на напружиненных лапах, буравя его полыхающими рубиновым светом глазами, и помимо воли и разума Сварогу сделалось как-то... в общем, как-то не по себе. Зашевелились в подкорке обломки суеверий, из глубин потянуло сквознячком мыслеобразов, смутных и размытых, с заплесневелым душком ветхости: треснувшие зеркала, свечи, кладбищенские кресты, бородатые старцы с книгами из человеческой кожи, полнолуние и волчий вой... Чего она смотрит-то? Облик бертольера, который Сварог так и не скинул, псине не понравился, что ли? Так ведь по запаху должна определить, что перед ней с в о и... И как прикажете вести себя с оборотнем, когда он... она... когда о н о в

ипостаси волка? Поговорить не поговоришь. Почесать за ухом, благодаря за службу? Сотворить, что ли, из воздуха кусок сахара?.. Вдруг вспомнилось, что шаур-то — с безмерным запасом серебра...

Чуба-Ху сама разрешила сомнения и безотчетные тревоги Сварога: тявкнула глухо, резко повернулась и, шкрябнув когтями по палубе, мигом скрылась за завесой дождя. Будто и не было ее.

А граф Гэйр, к своему стыду, испытал даже отчетливое облегчение. Черт те что... Он выпрямился, перевел дух, огляделся. Никого. Чуба наверняка лишь прибегала показать, что, мол, все нормально, капитан, все идет по плану. Наверняка... А что, обежать верхнюю палубу по кругу — это для нее раз плюнуть... Если только волки умеют плевать. Получается, все спокойно, а раз спокойно — Клади тоже справилась и сейчас должна находиться на левом борту, держать под контролем выходы на палубу...

Сварог заковыристо выругался, помотал головой, отгоняя неприятные и, главное, ненужные в этот момент воспоминания. Прибежала, посмотрела и убежала, делов-то...

Итак, верхняя палуба в наших руках. Но особых причин обольщаться нет. Первая часть их плана, рассчитанная на внезапность, на смятение в рядах противника, на спонтанные и оттого непродуманные вражеские действия, исполнилась, однако совершенно неизвестно — самая легкая или самая трудная.

Сварог, крадучись, спустился на палубу ниже и скользнул к штурмтрапу, тому самому, по которому сто лет назад взошел на борт броненосца в образе адмирала Вазара. Посмотрел вниз — и аж при-

свистнул. На представительной гребной регате этим парням светила бы золотая медаль. Страх смерти, господа, — вот лучший стимул для гребца...

Тоурантские лодочки, отсюда — размером со спичку, не больше, уже терлись бортами о бронированный корпус «Адмирала Фраста». На нижнюю площадку штормтрапа запрыгнула фигурка, легко узнаваемая и в сумерках, и в дождь. Человек, несмотря на внушительную комплекцию, одолевал узкий трап проворно, по-молодецки юрко, будто торопился на винное угощение или в объятия к юной распутнице.

Сварог шагнул было навстречу — и вдруг ша-рахнулся в сторону, в тень. Водяная смерть и кальмара в печень! Личину бертольера-то он ведь так и не скинул! Как нацепил, так в ней и расхаживает. Недолго и пулю схлопотать от неосведомленного человека, а лишний шум нам ни к чему...

Заклинанием он быстро освободился от чужой видимости, и отставного суб-генерала у верхней балясины штормтрапа встретил уже несомненный граф Гэйр, мастер Сварог.

— Обстановка? — кратко и без приветствия осведомился запыхавшийся Пэвер.

— По плану.

Суб-генерал кивнул, перегнулся через фальш-борт и помахал рукой. Потом вновь повернулся к Сварогу:

— Все живы?

— Все. Олес ранен.

— Я вижу, у вас тоже...

— Царапины.

Суб-генерал облегченно перевел дух и позволил себе слегка расслабиться. Даже улыбнулся грустно:

— Ну, капитан, я вам доложу: лучше самому голыми руками рубиться с сотней вооруженных до зубов головорезов, чем в отдалении ждать приговора, — рукавом прожженного в нескольких местах френча Пэвер вытер пот, в изобилии стекавший по лицу вперемешку с дождевыми каплями. Лицо боевой раскраской покрывали подтеки копоты, ежик на голове сейчас напоминал шерсть помойной кошки.

— Ну, возможность порезвиться в схлестке с головорезами я вам предоставлю, слово дворянина... — серьезно сказал Сварог.

— Согласен. Но до того мне нужно избавиться от сухости в горле. Если я сейчас не приму внутрь бокальчик-другой, то за себя не отвечаю...

— Где наш милейший Рошаль?

— На лодках. Поднимается.

По штормтрапу споро потянулась бесшумная цепочка.

— Как там?

Пэвер судорожно, как-то затравленно вздохнул и сказал очень тихо:

— Земля трясется — стоять невозможно, — голос его сливался с шорохом дождя. — Ветер с гор раскаленный, как из топки. Пожары... нет, пожар, один, всего лишь один пожар, мастер капитан, он накатывается, он уже рядом... Даже я начал шептать молитвы Пресветлому. А представляю, каково тем, кто остался в городах... Впрочем, городов, наверное, уже нет...

Один за другим на палубе появлялись тоурантские «десантники», беззвучно распределялись вдоль фальшборта и застывали в ожидании приказов под проливным дождем. Сварогу их лица, в общем-то,

понравились: собранные, решительные... лица людей, готовых рвать врага зубами. Никто из них пока не проронил ни звука. Дисциплинка на высоте, молодцы...

Логика отбора очевидна: старых и немощных среди первого эшелона тоурантцев не было, только молодые, крепкие мужики, примерно столько же — молодых, крепких женщин, столько же — подростков никак не младше двенадцати. Женщины и дети тоже при оружии, держат его умело и занимают места в одном ряду с мужчинами. И дети выбраны не иначе по одному от фамилии. Логично, мысленно согласился Сварог. Генофонд Тоуранта, по крайней мере, имеет шанс на сохранение...

— Арсенал, — негромко доложил Пэвер, — два автомата, один исправный мушкет, два пистоля, семь арбалетов, полтора десятка луков, из холодного оружия в основном кинжалы и охотничьи ножи. Все остальное оружие пошло на дно, вместе с кораблями...

— Плюс один карабин вахтенного, что лежит за ящиком по правому борту. По левому борту тоже что-то да отыщется, у баронетты надо спросить.

Сварог перегнулся через фальшборт. Лодки, одна за другой деловито и без суетоки высадив боевые отряды на штормтрап, быстро разворачивались и брали курс обратно на берег: на всех спасшихся пассажиров разгромленного флота лодок не хватало. Остальным предстоит заплыв во вторую очередь, и в третью, и в четвертую... Пока берег не накроет огнем.

— Бойцы разбиты на взводы. Один род — один взвод, — пояснил Пэвер. — И командовать проще, глава рода — взводный. А малыцы будут вестовы-

ми. Надо же держать связь с командованием и между взводами... — и добавил: — Рошаль придумал. А ведь понимает, стервец...

— Кто у них главный?

— Дож на берегу остался, будет уходить последним, когда всех перевезут... Старик — а силища о-го-го, ни в какую... Так что самого главного у нас пока...

— И сколько их всего? — перебил Сварог: люди по трапу все поднимались и поднимались.

Пэвер на секунду запнулся, посмотрел на Сварога почти беспомощно.

— Примерно тысячи четыре, мастер капитан...

Сварог вцепился в поручень фальшборта так, что хрустнули костяшки. Этого он не ожидал. Сотен пять-шесть — еще куда ни шло, но — четыре тысячи, мать твою! На корабль с экипажем в триста душ! А запасы провианта, а дети, лекарства, жилые отсеки, топливо?..

— Не потонем, а?..

— Ерунда, — Сварог мотнул головой, из всех сил стараясь выглядеть уверенным и в завтрашнем дне, и в послезавтрашнем. И вообще в светлом будущем. — Да на такую громадину и десять тысяч влезет...

Он вдруг почувствовал беспричинную злость и до хруста сжал зубы. Нет, врешь, всех возьмем и всех довезем как миленьких, никто, бляха-муха, не уйдет обиженным...

Когда дождь прекратился — столь же неожиданно, как и начался, — и вновь повалил густой пепел, на борт «Адмирала» поднялся последний из прибывших в первом эшелоне: Гор Рошаль собственной персоной. Он ступил на мокрую палубу достой-

но и гордо, будто с докладом в кабинет к князю Сатуру, окинул собравшихся презрительным взглядом и, запахнув полы истерзанного плаща, замер в сторонке. Ожидал, должно быть, пока мастер Сварог соизволит обратить на него особое внимание. Держался сей профессионал контрразведки великолепно, надо признать, — вот только, увы, лицо несколько подводило бесстрастного охранителя короны не существующего отныне княжества Гаэдаро. Лицо Рошаля было серым, с красными пятнами на скулах, со сжатыми в белую нитку губами...

Пэвер тем временем подманил к себе высокого жилистого тоуранца с отломанной на треть шпагой, просунутой за пояс:

— Рорис, собери взводных вон у той будки.

— Это надстройкой называется, — поправил Сварог.

— Да какая разница...

— Женщина и собака? — спросил названный Рорисом.

— Так точно, — кивнул Пэвер. — Сыну скажи, чтобы слушался этого человека.

— Граф Гэйр? — Рорис повернулся к Сварогу.

— Он самый, — поклонился король трети Талара.

Рорис осмотрел Сварога с головы до ног и проговорил монотонно:

— Вы спасли жизнь нашим женам и детям. Понятия не имею, кто вы и зачем помогаете несчастному домену Клаустон, но вы должны знать: отныне наши тела и души в ваших руках, мастер Гэйр. Можете распоряжаться ими по своему усмотрению.

И он, на секунду приложив руки к левой стороне груди, вытянул раскрытые ладони в сторону

Сварога. Не иначе клаустонский жест благодарности.

— Его сын поставлен командовать над детьми... — сказал Пэвер, когда Рорис отошел. — Ну, мастер Сварог, пора.

— Ну, мастер генерал, глядишь, еще покалякаем когда-нибудь.

— По заранее разработанному? Или последуют новые вводные в диспозицию и тактическую схему?

— По заранее разработанному. Без шума и пыли...

— Как говорили в шестом гвардейском полку имени короля Макария — или лопнем, или наедемся.

— Как говорили у нас — или грудь в крестах, или голова в кустах...

Пэвер — наплевать на испачканный и прожженный френч, на загвазданные сапоги и лицо в копоти — сейчас смотрелся действительно, а не отставным генералом, он казался стройнее, шире в плечах, серьезнее, что ли, глаза кипели азартом предстоящего боя... В общем, Пэвер тоже был на своем месте.

Разношерстное войско народных тоурантских мстителей пришло в слаженное движение. Суб-генерала, шлепая по лужам, сразу обступили, видимо, те самые предводители родов, они же — ком-взводов.

Подошел Гор Рошаль и с места в карьер спросил о своем, насущном:

— Пленные есть?

Он сутулился больше обычного, под глазами набухли черные круги. Да уж, подкосили силы глав-

ного чекиста княжества Гаэдаро испытания последних дней, укатали сивку крутые горки.

— Пленные офицеры в адмиральском салоне — знаете, что это такое? Их Олес стережет...

— Этот балбес вряд ли чего-нибудь добьется, — с неожиданной страстностью перебил Сварога охранитель Рошаль.

Даже приход апокалипсиса не уменьшил давнюю, дипломатично выражаясь, напряженность в отношениях между молодым князем и ближайшим помощником старого князя. Не утихали бывшие гаэдарские страсти, хотя само княжество наверняка уже исчезло с поверхности Атара, исчезло вместе с городом Митрак, замком Саутаров, вместе со слепцами, пикейными жилетами и брошенными на произвол судьбы обывателями. Такие дела...

А эти если и помирятся, то уже на Граматаре, не раньше. Эх, где ты, Граматар...

— А что, мастер охранитель короны, — участливо спросил Сварог, — вы морской болезни, часом, не подвержены?

Рошаль, должно быть, вспомнил дирижабль и надменно поджал губы.

— Не смешно, мастер Сварог. Смотрите, как бы сами не захворали... Я так понимаю, что в морском ремесле вы разбираетесь не лучше моего, а?

— Отнюдь. Капитанствовал я, помнится, на одном корабле... — Он не стал вдаваться в подробности, что кораблик тот был речной, а командовала им, по большому счету, одна славная боцманша, и примирительно заметил: — Не обижайтесь, Гор, шучу...

— Плевал я на ваши шутки, — резко оборвал Рошаль. — Я серьезно спрашиваю, мастер капитан, вы с морским делом знакомы?

— Ну, постольку поскольку...

— Так я и думал. — Рошаль хмуро прищурился в темноту. — Что такое ватерлиния, вам известно?

— Допустим... — Сварог напрягся. — И?

— Эта посудина собирается совершить рейс через полпланеты. Значит, углем должна быть забита в такой перегруз, что сидеть в воде будет по самую палубу.

Сварог секунду подумал, потом опять перегнулся через фальшборт.

Рошаль был абсолютно прав. Борта броненосца были покатыми, отчего корабль издали напоминал утюг, и отсюда Сварог прекрасно разглядел темную полосу краски, которую лизали свинцовые волны вдоль всего корпуса «Адмирала». Ватерлиния. Торчащая из воды кайма на три. Значит, нагружен кораблик едва-едва, ну никак не на океанский марш-бросок.

— И что получается? — с толикой растерянности спросил он. — Мы сели не на тот пароход?

Рошаль передернул плечами.

— Обратно играть все равно нет никакого смысла. Продолжаем. А я бы хотел побеседовать с пленными, может, что и удастся вывести...

— С пленными после разберемся, когда лоханку целиком захватим... Мне вот что пришло в голову. На лодчонках оставшихся тоурантцев быстро не вывезешь. Катера. На борту два катера. Мы с вами спустим их на воду, отправим на берег кого-нибудь из тоурантцев — какая-никакая, а подмога. Вперед, мастер Рошаль.

Гор Рошаль поморщился: какие-то мечущиеся на берегу тоурантцы его, понятное дело, не волновали. Не терпелось заняться пленными: и для дела

важнее, и по его прямой специальности. Однако возражать Сварогу он не стал.

Они уже подошли к подвешенному за бортом катеру, накрытому какой-то плотной непромокаемой тканью, уже взялись за тросы, а пустые лодки, остервенело загребаящие веслами воду залива, прошли уже полпути до берега, когда...

Наверное, это можно было красиво сравнить с закатом. С закатом, скатывающимся с гор, с быстро разбухающим закатом, с закатом, устремившимся в море. Да вот только никакой это был не закат.

За спиной Сварога раздался единый многоголосьный вздох — тоурантцы тоже увидели это. Он рывком раскрыл подозрную трубу, направил на берег...

На берег хлынула лава. Хлынула по всей береговой полосе. Деревья не успевали вспыхивать, их корни сгорали мгновенно, они валялись в кипящую массу и становились ее переливающейся белым и красным, булькающей частью. Темная прибрежная полоса озарилась ровным неярким светом, будто заработала гигантская подсветка театральной рамп. И в этом свете по пляжу люди бежали прочь от жидкого огня, бросались в воду, плыли. Но лава стекала в залив, и тот закипал. Вода взбурлила пузырями, ее вмиг накрыло густое облако пара — и из этого облака не выплыл ни один человек... И над всем этим спокойно светила зеленая проклятая звездочка.

Лишь две лодки вновь повернули к кораблю. Прочие, слепо уповая на невозможное чудо, курс не меняли, гребли, рвались в пар. А пар продвигался к ним навстречу. И вместе с порывом горячего сухого ветра до корабля докатилось отдален-

ное шипение, будто из разорванного пневмопровода...

Доменна Клаустон более не существовало. Как не существовало всего сюзерената Тоурант. Да и всего Атара...

— Вот и конец. Быстро. Не успеем, — отдельно и бесстрастно, словно методично посылал пулю за пулей в чей-то затылок, проговорил Рошаль.

— Одно радует, — мрачно сказал Сварог, отпуская трос ставшего бесполезным катера, — что раньше смерти не помрем.

Глава четвертая

«Корабли без парусов — нонсенс!»*

...В общем, и второй тайм был сыгран с не менее разгромным счетом, а в запасе у них еще оставалось время. Сколько неизвестно, волнение на море усилилось, «Адмирала» раскачивало, как щепу, однако и только: с тревогой ожидаемых Сварогом цунами и исполинских водоворотов пока не наблюдалось. Даже удивительно, тьфу-тьфу-тьфу... Успевший взойти на корабль тоурантский десант, человек сто, взял под контроль всю верхнюю палубу и выходы на нее.

План корабля — вид сверху, вид сбоку и в продольном разрезе — особо старательно искать не пришлось: тот висел над столом в адмиральском салоне, прикрытый плотной занавесочкой. Занаве-

* Так ответил Наполеон Роберту Фултону — изобретателю колесного парохода.

сочку сорвали, план вынесли наружу и расстелили прямоком на металлической палубе, борясь с ветром, стремящимся вырвать бумагу из рук и унести в темноту. Десять невыносимо долго тянувшихся минут ушло на отработку деталей операции; субгенерал, даром что сухопутная крыса, мигом разобрался в паутине коридоров, трапов и внутренних помещений броненосца и теперь на скорую руку распределял основные направления удара между отрядами тоурантцев. Олес, перепоручив стеречь пленных вновь прибывшим, с перевязанным бедром стоял рядом и давал неожиданно дельные советы по тактике боя в ограниченном пространстве. Ну да, ну да, редкий наследник трона не интересуется военным делом...

Феерическая это была картина, надо заметить, не хуже, чем плюмажи на фоне главного калибра. На пустынной палубе, как снегом заваленной серым невесомым пеплом, почти в полной темноте, изредка прорежаемой сполохами со стороны издыхающего континента, тесной толпой стояли хмурые небритые мужики плечом к плечу со своими боевыми подругами и внимали отрывистым репликам отставного генерала. Ни дать ни взять — повстанцы Фиделя перед решительным боем, блин. Хотя женщина на корабле — это, конечно, не дело, но тут уж ничего не попишешь...

Сварог несколько секунд полюбовался на повстанцев, ободряюще подмигнул стоящей среди них Клади и поспешил в ходовую рубку. Как ни хотелось десантному майору самому принять непосредственное участие в зачистке — а ведь способности ларов, заметим без ложной скромности, стоят целого отряда захватчиков, — но у бравого

командира есть и другие немаловажные дела... А эти справятся. Должны справиться. Волна народного гнева, как нас учит история — это вам, господа хорошие, не хухры-мухры. Особенно если этот самый народ только что стал свидетелем массовой гибели четырех тысяч человек — своих друзей, родителей и детей. Особенно если в их гибели виноват экипаж «Адмирала».

Итак, Рошаль остался в адмиральском салоне, чтобы вплотную заняться пленными, Пэвер и раненый Олес с палубы руководят операцией, Чуба в ипостаси волка-разведчика крадется по внутренним помещениям и отсекам, в авангарде боевых отрядов, высматривая, вынюхивая и по возможности бесшумно устраняя опасность, следом Клади под прикрытием вооруженных тоуранцев посылает направо и налево мыслеимпульсы о том, что, мол, все хорошо, мы свои, нас бояться не надо, поэтому грабли кверху и лицом к стене... Никого не забыли? Вроде никого. Что ж, цели поставлены, задачи определены. За работу, товарищи.

А командир пока займется своим делом.

В рубке, освещенной вездесущими «китайскими» фонариками, было тихо и было уже прибрано — по распоряжению сына дожа двое расторопных мальчишек выволокли трупы вахтенных на палубу, присыпали лужицы крови пеплом и теперь с обожанием смотрели на Сварога, ожидая дальнейших приказаний. (Покойников, судя по всему, они не боялись ни капли. И не того навидались, судя по всему, в последние дни перед наступлением Тьмы...) Он мельком огляделся. Штурвал, на переборках — какие-то приборы, напоминающие барометры, циферблаты в медных, украшенных за-

витушками корпусах, штурманский стол с рулонами карт, уже знакомый Сварогу компас, стрелки, деления, непонятные пояснительные надписи... Лады, будем разбираться.

Страхнув с плеч проклятуший пепел и мимо-летно потрепав гаврошей по головам, Сварог шагнул к скромно застывшему в уголке матросику в рубке. Матросик был бледен — не иначе устал, бедолага, стоять навывтяжку с закинутыми на затылок руками. Но ничего, к своему величайшему сожалению, поделаться с этим не мог: ему в грудь внимательно и недвусмысленно смотрело дуло внушительного пистоля. Пистоль держала обеими руками хрупкая симпатичная девчонка лет пятнадцати в изодранных бриджах, и в ее взгляде даже близорукый запросто прочитал бы, что она, в случае чего, нажмет на курок без малейших колебаний и раздумий. Ну а про то, что пистоль не заряжен, матросику, увы, знать не полагалось.

Сварог встал перед гидерийцем и неторопливо, смакуя, оглядел с головы до ног — напустив на себя брезгливый вид отца-командира, распекающего доставленного пред его ясны очи прямиком из комендатуры похмельного солдата. Спросил кратко:

— Рулевой?

Матросик часто закивал. Не нужно быть психологом, чтобы понять: у бедняги до сих пор перед глазами стоит стремительная клыкастая смерть, вихрем промчавшаяся по рубке... Молодец Чуба. Быстро поняла, что рулевого трогать не надо. И наверняка, для пущего эффекта вновь оборотясь женщиной, еще и дружески посоветовала рулевому рубку не покидать, ждать дальнейших распоря-

жений — иначе матросик давно бы уже сиганул за борт с перепугу...

— Имя?

— Старший матрос Д-дикс, мастер капитан...

Поняв, что теперь и без нее разберутся, соплюшка тихонько отошла к ребятам. А Сварог хищно улыбнулся. С офицером было бы разговаривать не в пример тяжелее.

— Правильно мыслишь, рулевой Дикс. Отныне я — твой капитан. Времени на разговоры у нас мало, так что я буду краток. Объясняю. «Адмирал Фраст» захвачен ударной группой Антигидернийской коалицией «Руки прочь от Граматара». Шторм-капитан Ксэнг мертв, высшие офицеры мертвы, личный состав броненосца перешел на мою сторону. Те, кто не перешел, — опять же мертвы. Кораблем отныне командую я: шторм-капитан Сварог. Это ясно?

Лихорадочные кивки. Сварог продолжал отрывисто и напористо, развивая наступление и не давая пленнику ни секунды передышки:

— Опустите руки, рулевой. Вот так. Дальше. Скрывать не стану: среди трех тысяч моих бойцов, что сейчас находятся на борту «Адмирала», есть колдуны, маги и представители нечистой силы — с последними ты уже имел удовольствие познакомиться. Есть и люди, великолепно разбирающиеся в морском деле. Однако. На то, чтобы изучить управление гидернийским кораблем досконально, потребуется время. А времени, как я уже говорил, мало. Сам видишь, что на берегу творится. А пленных мы не берем, вот такое вот несчастье. Стало быть, рулевой Дикс, у тебя есть два пути: или отказаться выполнять мои приказы и шагнуть за борт — или...

Броненосец резко осел на левый борт, распахнулась дверь на палубу, и внутрь ворвался холодный мокрый ветер. Откуда-то снизу донесся гулкий удар, в иллюминаторы шваркнули злые брызги. «Адмирал» приподняло, потом бросило вниз — аж дыхание перехватило, и чтобы удержаться на ногах, Сварог уцепился за одну из предусмотрительно укрепленных вдоль переборки скоб. С черных небес сорвалась толстенная изломанная молния, с оглушительным шипом вонзилась в море совсем рядом с кораблем, и в ослепительно белой вспышке из-под днища «Адмирала» выкатилась, понеслась к берегу, на глазах вздымая увенчанный белой пеной горб, исполинская волна. Что произошло с волной там, на берегу, видно уже не было... Зато было слышно: громовой удар, больно врезавший по барабанным перепонкам, возвестил, что она благополучно встретилась с наползающей на берег лавой, и теперь в небо рванулся очередной фонтан раскаленного пара...

Детишки-тоуранцы прилипли к иллюминаторам. Да уж, такое зрелище увидишь не каждый день. Будет что потом рассказать друзьям-приятелям...

— ...или подчиниться моим приказам, — по возможности невозмутимо закончил Сварог. — И решать тебе советую побыстрее.

В глазах матросика, тоже увидевшего волну в иллюминатор, вдруг загорелся неподдельный ужас. Сварог напрягся: повода паниковать еще больше он пока не углядел — куда дальше-то пужаться после того, что творится на берегу, и после знакомства с женщиной-волком...

— Что еще такое?!

Дикс хлюпнул носом и прошептал:

— Корабль... корабль стоит лагом...

— Отставить сопли! — рявкнул Сварог и пинком ноги захлопнул дверь. — Отвечать как положено! Чем стоит корабль?

— Лагом, бортом к волне... — затараторил рулевой. — Волна может опрокинуть...

Сварог нахмурился. Этого он не знал, запомните, ваше величество... Но пока надо узнать другое, более важное.

— Как осуществляется общекорабельная связь?

— Что?.. — Парнишка начал отчетливо дрожать всем телом и вроде бы даже сделался меньше ростом.

— Наваково семя тебе в глотку, как приказы до отсеков доходят?!

— А... Так это... Вестовые передают, боцман командует...

Сварог мысленно вздохнул с облегчением. Значит, при всей своей технической продвинутости гидернийцы до проволочного телефона пока не додумались. И вряд ли вестовые сейчас бегают по кораблю, докладывая, что имеет место быть нападение. А до беспроволочной дальней связи гидернийские очкарики недотумкали и подавно — иначе Клади бы сказала, ее передатчик был жутко секретной моделью, штучная работа, да и сам Сварог не углядел на борту броненосца ничего, что напоминало бы антенну. Значит, связи с конвоем у «Адмирала» нет. И на том спасибо. Хорошо бы еще спросить, есть ли на борту система самоуничтожения в случае захвата броненосца неприятелем, да откуда ж простому матросу такие тонкости знать-то...

Дверь распахнулась вторично — но на этот раз ее открыла не стихия, а человек. На пороге нари-

совался очередной гаврош из тоурантских, взъерошенный и мокрый, как цыпленок: ошметки волны, надо понимать, задели его краешком. Он с восторгом огляделся — надо же, настоящий, боевой гидернийский корабль, вот повезло-то! — и фыркнув, чтобы сдуть со лба налипшую челку, звонко доложил:

— Мастер капитан, мастер Пэвер передает, что вторая палуба, мортиры и средние пушки, арсенал и эта... крют-камера освобождены!!!

— Молодец!!! — в тон ему гаркнул Сварог. — Можете идти, боец! — и добавил поспокойнее: — И это, слышишь, передай своим, чтоб пока носа на палубу не высывали. Еще смоем за борт кого-нибудь...

— Есть!!!

Хлопчик исчез, и Сварог вновь повернулся к матросику, развел руки:

— Вот так-то, рулевой Дикс. Продолжаем. А машинное отделение? Туда тоже вестовые приказы передают?

— Н-нет... Вон — голосоотвод...

Сварог обернулся. Неподалеку от огромного, в половину человеческого роста штурвала с бронзовыми рукоятями из палубы торчал частокол изогнутых коброй металлических трубок, увенчанных воронками. Ага. Ну это мы понимаем, это мы в кино видели — да и на незабвенной «Принцессе» одна из таких фиговин была. В одну командуешь «полный вперед» — и в машинном отделении все дружно бросаются выполнять приказ... А в другую кричишь: «Пива в рубку капитану, быстро!!!» — и нате, пожалуйста. Голосоотвод, знача. Запомним.

Дальше пошло проще. Кто командует машинному отделению? Вахтенный офицер. Есть ли какое-нибудь кодовое слово для приказа? Нет. В глаза смотреть!!! Правда нет, мастер шторм-капитан. Броненосец стоит на якоре? Тоже нет — под парами, в любой момент готов отходить. И когда Ксэнг собирался отходить? Да вот уже — лавина разрушений совсем близко, уже докатится до берега, вода вскипит, океан обрушится в образовавшуюся воронку, и тогда выйти в океан будет невозможно, давно пора...

— Что ж, на первый раз достаточно, — перевел дух Сварог. Матросик не врал, все так и было на самом деле. — Поздравляю, б е р т о л ь е р Дикс. Вы зачислены в личный состав броненосца. Встать к штурвалу.

На негнувшихся ногах, совершенно обалдевший от всего происходящего, матросик двинулся на свое место. Сварог встал рядом, посмотрел в загаженный лобовой иллюминатор. Мысленно перекрестился, наклонился к переговорной трубе. Рывкнул в полную силу легких:

— Машина, по-олный вперед!!!

В ответ из трубы донеслось гулкое и напрочь неразборчивое «бу-бу-бу», долженствующее, как очень надеялся Сварог, означать «будет исполнено». Вряд ли там, в машинном отделении, различали офицеров по голосам — шум от паровых котлов стоит нешуточный, да и труба искажает голос так, что и родная мама не узнала бы...

— Ну давай, что ли, разворачивай корабль, чтоб не опрокинуло, — приказал Сварог.

— Какой курс, мастер капитан? — напряженно спросил рулевой, привычно кладя ладони на рукояти штурвала.

Мастер капитан малость подумал, потом, ничто-же сумняшеся, ткнул пальцем в правый иллюминатор — в противоположенную от берега сторону.

— В том направлении мели, рифы и прочие неожиданности имеются?

— Никак нет.

— Значит, вот туда и рули. Главное — подальше от Атара.

— Принято подальше от Атара. — Оказавшись на родном посту, Дикс немного успокоился, даже стал собранным и внимательным.

Сварог похлопал его по плечу, на всякий случай отвернул воронку переговорной трубы в сторону и повернулся к детишкам. Сказал громко, чтоб и рулевой ни слова не пропустил:

— Глаз с него не спускать. Если шевельнется — стреляйте. Понятно?

— Так точно! — очень серьезно ответила девчонка и подняла пистоль.

— Мастер шторм-капитан... — не глядя на него, подал голос рулевой, лихо крутя колесо штурвала.

— Что еще?

— Согласно Кодексу, о факте отхода корабля положено извещать двумя короткими ревунами...

— Н-да?..

Дикс вроде бы говорил правду. И вроде бы никаких шалостей, типа на полном ходу направить броненосец на берег, совершать не собирался.

— Ну, положено — значит, положено. Дуди.

Матросик, пардон, уже бертольер поднял руку и дважды потянул за проволочную петлю, торчащую из переборки. Ночь прорезали два отрывистых вопля корабельного ревуна: «Уиау-у-у!.. Уиау-у-у!..»

— Молоток. Если не подведешь — скоро в люди выбьешься...

Так, еще одно дело сделали. Оставалось еще, конечно, навигационное оборудование, но с этим можно и попозже разобраться, когда (и если) отойдем на безопасное расстояние.

Палуба встретила Сварога пронизывающим ветром, темнотой и летящим в лицо вездесущим пеплом. Качка все усиливалась, на скрытом в клубящейся мгле Аtare продолжало гроыхать, но уже приглушеннее. То-то еще будет... А как поживает наша зеленая звезда над Атаром? Звезда никуда не делась, горела себе спокойно и ровно. Отчего-то вызывая у Сварога чувство тревоги. Словно это огонек лазерного прицела, и ищет он именно его, Сварога... Он задействовал «кошачий глаз» и быстро огляделся. Адмиральский салон, кажется, там, туда вели раненого кронг-адмирала Вазара. Хватаясь за что попало, чтобы не упасть, он двинулся по ходящей ходуном палубе к кормовым надстройкам, темнеющим в отдалении — и нос к носу столкнулся с давешним парнишкой-вестовым.

— Мастер Сварог, мастер Пэвер докладывает, что освобождены жилая палуба, кубрик и...

Не сбавляя шага, Сварог уцапал пацана за шиворот и поволок за собой. Рыкнул, даже не играя раздражением:

— Я тебе говорил, сопля неразумная, чтоб вы на палубу не высывались?!

— Так ведь я это, мастер капитан...

— А ну марш вниз!!!

Парнишка испуганно охнул, юркнул в сторону и нырнул в распахнутый люк, за которым угады-

вался ведущий в недра броненосца узкий трап. Сварог выругался сквозь зубы. Дети, етить их. Глаз да глаз... Он с натугой открыл броневой люк и нырнул в упоительно сухой и теплый колодец. По скоб-трапу спустился на палубу ниже. Движения броненосца не ощущалось, но Сварог на сей предмет беспокоился не особо: пока неповоротливая махина развернется, пока наберет ход...

Гор Рошаль, можно сказать, уже заканчивал. По-хозяйски расположившись за поставленным на место столом и постукивая пальцем по столешнице в такт словам, он негромко, скучным голосом вещал:

— ...И шестое. Самое последнее и самое простое. Деваться-то вам некуда. Вы сдались в плен — в отличие, кстати, от своего шторм-капитана, не струсившего покончить с собой, вы верили свою бесценную жизнь милости победителя, стало быть — вы изменили присяге. Вы — предатель, друг мой. Изменник. Думаете, если вам удастся чудом добраться до своих, кто-нибудь поверит сказке про горстку разбойников, захвативших броненосец? Про их главного предводителя, как две капли воды похожего на адмирала Вазара? Про женщину-волка и про то, наконец, что вы сами, собственноручно, доставили их на борт? В последнее, впрочем, поверят охотно. И если вас не расстреляют на месте, то остаток дней вы проведете в смиренной рубашке, тут и думать нечего... Мы же с вами оба профессионалы и оба прекрасно понимаем, что вы проиграли. Так найдите в себе мужество признать поражение... А вот, кстати, и главный предводитель шайки разбойников...

Гор Рошаль резво вскочил на ноги, бросил руки по швам и приветствовал вошедшего Сварога четким поклоном и громким докладом:

— Мастер шторм-капитан, продолжаю работу на вверенном мне участке!!!

Субординацию демонстрирует, шельмец. Это правильно.

— Продолжайте, грам-капитан, — снисходительно махнул ладошкой Сварог. Привалился спиной к переборке. Немного рисуясь, достал из воздуха сигарету, прикурил от пальца. И, прищурившись, посмотрел на стоящего перед ними человека в форме высшего офицера гидернийского флота. Посмотрел без гнева и презрения. Как экспериментатор смотрит на препарированную мышь. Подыграл, иными словами, «грам-капитану» Рошалю.

В адмиральском салоне тоже успели навести порядок: трупы высших офицеров, равно как и офицеры плененные, исчезли, следы недавнего побоища были кое-как замечены, теперь у двери остались неподвижно стоять только две пожилые женщины-тоурантки с карабинами наперевес. Караул, надо понимать.

— Где остальные? — спросил Сварог.

— Пленные заперты в кубрике, мастер шторм-капитан, и находятся под охраной. До вашего особого распоряжения. Все, кроме этого, с которым я разговор не закончил... Пока не закончил.

— А вам это надо? — поинтересовался Сварог, с ленцой разглядывая струйку сизого дыма от сигареты. — Может, лучше сразу за борт? Чего время-то терять...

Рошаль равнодушно пожал плечами.

— Можно, конечно, и за борт. Просто хотелось было бы поговорить по душам, узнать что-нибудь интересненькое. Он же парень насквозь непростой, коллега мой, можно сказать. Мало ли секретиков у секретной службы. А вдруг да встретимся с гидернийскими кораблями?..

— Сомнительно. Колдун Гудвин, великий и ужасный, сообщил, что операция по захвату на других посудинах проходит успешно, к рассвету весь флот должен быть нашим.

— Тогда, пожалуй, лучше за борт, — вздохнул старший охранитель. — А что у вас?

— Порядок. — Они обменивались репликами вяло и небрежно, словно находились на загородной прогулке и никого рядом не было. — Мы уже движемся. В открытый океан, прочь отсюда. Слышите?

Действительно, палуба под ногами едва заметно вибрировала. Пленный, только сейчас поняв, что эта дрожь означает, наконец-таки вскинул голову. Теперь-то он начинал верить спектаклю, который разыгрывали перед ним двое захватчиков. Лицо его было мокрым от пота — холодного, даже на расстоянии чувствовалось. Сварог, будто только сейчас заметив присутствие еще кого-то в салоне, повернулся к нему и вполне дружелюбно спросил:

— Курить хотите, мастер Рабан?

Гидерниец чем-то неуловимым напоминал старшего охранителя: такой же худощавый, с бледным лицом и водянистыми глазами — в другое время наверняка цепкими и внимательными. Ну да, они ж коллеги...

— У вас все равно ничего не получится, — глядя куда-то поверх Свароговой головы, гордо пообещал он равнодушным голосом. Настолько,

впрочем, равнодушным для сложившегося положения, что даже неискушенному в психологии постороннему слушателю, буде таковой оказался б в адмиральском салоне, стало бы ясно: Рабан уже сломался. Еще чуть надавить — и он примется либо унизительно брызгать слюной и сыпать проклятиями в том смысле, что врагу не сдается наш гордый «Варяг», либо ползать перед Сварогом на брюхе, со слезами вымаливая пощаду. Что, в общем-то, унизительно не меньше...

— Фу, как примитивно, — поморщился Сварог. — Еще скажите, что мы все будем болтаться на реях, когда гидернийский флот догонит нас и отомстит... Вы же сами прекрасно понимаете, голуба, что уже получилось. Еще немного, еще, как говорится, чуть-чуть — и корабль будет полностью под моим контролем. Так что ситуация складывается насквозь прозаическая, недвусмысленная и не в вашу пользу. Я — победитель, вы — военнопленный. И, как победитель, я волен поступить с вами так, как мне заблагорассудится... А благорассудится мне, уважаемый, с вами почему-то не церемониться, — помолчав, раздумчиво продолжал Сварог, покачиваясь на задних ножках в креслице. — Вы мне и не нужны. С управлением корабля мои люди справятся, да и ваши помогут — те, кто понимает, что жизнь дается человеку лишь раз и прожить ее нужно... Но если грам-капитану Рошалю вы за чем-то понадобились, то пусть он и решает.

— Кто... — Раган невольно пустил петуха. Кашлянул и повторил хрипло: — Кто вы такие?

— Объединенная Антигидернийская коалиция, — учтиво ответил Сварог. — Слыхали о такой? Вот и я думаю, что нет. Поэтому выбор у вас...

Он осекся, враз подобравшись, как перед броском, — в душе пронзительно заголосило чувство опасности. Непонятно откуда исходящей.

Палуба вновь ушла из-под ног — но на этот раз в сопровождении надрывного воя, как от авиабомбы. Полное создавалось впечатление, что по кораблю вlepили из миномета. Сварог быстро переглянулся с Рошалем — тот ничего не понимал. Рабан, что характерно, понимал еще меньше, по лицу было видно.

Опять вой, очередной удар, на палубе кто-то пронзительно закричал... Сварог опрoметью бросился наверх. Едва не упал, когда «Адмирал» содрогнулся в третий раз, грубо оттолкнул кого-то из тоурантцев, попавшегося на пути, взвинтил себя по винтовому трапу и, распахнув люк, выкарабкался наружу, на палубу — аккурат в тот момент, когда на корабль обрушился очередной удар.

Большущий сгусток не пойми чего, похожий на плевok великана, но светящийся нутряным зеленым светом, стремительно, с надсадным свистом прилетел откуда-то из темноты, вмазался в корму, вспыхнул ослепительно — и погас, исчез. Удар швырнул Сварога к фальшборту, с клацаньем захлопнулся люк. За этим плевком последовал еще один, и еще, и еще...

Стреляли прицельно, кучно и часто. Вдогон набирающему ход броненосцу. И стреляла та самая зеленая звездочка над Атаром — именно из нее одна за другой, без перерыва, вылетали светящиеся кляксы. Красивое зрелище это было, черт возьми, в другой раз обязательно полюбовался бы... Вот еще один сгусток на излете врезался в крайнюю трубу, облепил ее как щупальцами и пропал во

вспышке света, однако не бесследно: труба смялась гармошкой, дала трещину, из трещины повалил густой дым...

Он непроизвольно втянул голову в плечи. Машинально включил магическое зрение...

Разумеется, это была магия. Причем самого гнусного пошиба. И еще понял Сварог: стреляли не по броненосцу — стреляли персонально по нему. Лазерный прицел таки нашел его. Он почувствовал, кожей ощутил злобу и горечь, исходящую от неведомого наводчика, — тот столько времени искал Сварога, но захватил цель слишком поздно. И теперь яростно палит вслед уносящемуся на всех парах в океан графу Гэйру, зная, что тот уже далеко, что он не успеет...

Не успеет?! Ну знаете ли... Да если такой плевочек попадет в гребной винт или провалится в трубу, в топку... Сварог до головной боли напрягал «третий глаз», но так и не смог разглядеть, кто поднял на него меч в этот раз. Личность стрелка скрывалась за все тем же зеленым свечением — и это не был Великий Мастер. Это был кто-то другой. Причем кто-то, кто знает Сварога в лицо, и Сварог его знает в лицо, и лицо это... Но тут и стрелок увидел Сварога. Увидел и навел прицел.

А, бля!!!

Завыло над самой головой. Он успел прыгнуть под защиту броневого козырька над какой-то надстройкой, успел произнести заклинание, ставящее щит против магических происков, — но больше не успел ничего. Зеленая клякса шлепнулась на палубу, на то самое место, где секундой раньше стоял Сварог, вспыхнула — и погасла. И вместе с ней погас окружающий мир.

Глава пятая

Ты морячка, я моряк...

Сварог тонул. Погружался все глубже и глубже в вязкую морскую воду, вокруг становилось все темнее, все большее давило на уши, но пошевелиться, забарахтаться, рвануться вверх, к воздуху и свету, он почему-то не мог — ноги и руки его не слушались. Хотя он дышал, это бесспорно. На секунду возникло недоумение — как же это так, господа хорошие?! — а потом он вспомнил: есть у него такая способность, дышать под водой. Страх не было. Было интересно, чем все это кончится, и немного тоскливо — жаль, что все кончилось именно так...

А потом мир немного сдвинулся, и Сварог без всякого удивления обнаружил, что стоит на каменистом берегу, у самой кромки воды. Ленивые волны прибоя с шорохом наползают на гальку и откатываются, наползают и откатываются... Океан простирался до самого горизонта. Ни солнца, ни луны, ни прочих небесных тел на небе не наблюдалось, однако откуда-то свет все же исходил — раз он явственно видел камни и берег без всякого «кошачьего глаза».

Позади раздалось вежливое покашливание. Сварог захотел оглянуться, но ничего не вышло: тело по-прежнему его не слушалось. И тогда он понял, что все-таки утонул и ныне пребывает на морском дне — совсем как приснопамятный Садко. А океан под ногами — это... это... вот бляха-муха, что ж это за океан под водой, а?..

— Не забивайте себе голову всякой ерундой, граф, — сказали за спиной. Голос был мужской.

Спокойный и уверенный. — Океан как океан. Не в нем дело.

— А в чем? — спросил он.

Сзади хмыкнули.

— Вы нас, право, удивляете, граф. Ни страха, ни паники, ни агрессии... Впрочем, это даже хорошо — что удивляете. Значит, на карте судеб появляются новые варианты, ранее неучтенные. Преопределенность может быть изменена...

— Полагаю, спрашивать, кого это «вас» я удивляю — излишне?

— Пока да. Вы не готовы.

— Так я умер?

— Это с какой стороны посмотреть, — не задумываясь, ответил человек сзади. — Возможно, что смерть есть лишь рождение для другого мира... Впрочем, это тоже не важно. Вы, кажется, хотели найти дорогу в свой мир?

— Типа того...

— Это можно устроить.

— Условия?

Искренний смех. И непонятный шорох, будто огромная птица расправила крылья.

— «Условия»! Великолепно, честное слово, великолепно.

— Просто что-то слишком часто мне в последнее время обещают помочь и отнюдь не бескорыстно, — заметил Сварог. — Это, знаете ли, наводит на размышления...

— Ну, о наших условиях, с вашего позволения, поговорим в другой раз. Вы, повторюсь, еще не готовы. Сначала вы должны понять, что собой представляет мир этот. Увидеть его целиком — и тогда, возможно, наши условия не покажутся

вам... скажем так: странными. Ведь если странное — значит, непонятное. А непонятное всегда пугает, не так ли? А мы не хотим, чтобы вы пугались, граф.

— Да я как-то особо и не пугаюсь...

— Это потому что вы еще не видите. Даже о своих друзьях вам известно только то, что они сами позволяют вам знать.

— Так умер я или нет? Уж это-то я имею право знать?

— Да что вы, в самом-то деле... Живы, живы, успокойтесь. Вас несильно задело, корабль был уже далеко — а поражающая сила тех славных плевков прямо пропорциональна квадрату расстояния до цели, это же школьный курс...

— И кто в меня стрелял?

Некто за спиной тяжело вздохнул, и на этот раз совершенно точно зашуршали крылья.

— Да какая разница?!. Нет, все же вы еще не готовы. Прощайте, граф. До, надеюсь, скорой встречи.

Воздух прямо перед Сварогом распался, раскрылся, как трещина в орехе, и оттуда, из бездны, хлынул ослепительно черный свет, настолько черн^ый, что Сварог непроизвольно зажмурился.

...И открыл глаза не сразу. Сначала прислушался. Человеческих голосов не услышал. Равно как и иных звуков, указывающих на чье-либо присутствие: посвистывания там, посапывания, шевеления, скрипа стульев или шарканья подошв. Вместе с тем не наблюдалось и полного, тотального, в своей абсолютности завораживающего и пугающего беззвучия, как давеча в океанской пучине. Эфир отнюдь не молчал. Откуда-то издали доносились

то ли хлопки, то ли шлепки, следовавшие друг за другом через равные и короткие промежутки. Словно с методичностью робота выбивают белье... или... или забортная вода оглаживает корпус рассекающего ее судна. Из того же далека долетал ровный беспрестанный гул, напоминающий жужжание рассерженного жука. Намного ближе к Сварогу раздавалось мерное (и мерностью своей несовместимое с человеческими действиями) поскрипывание. Причем поскрипывало, что называется, в разных местах: и над головой, и слева, и в ногах. Короче говоря, все вместе взятое наводило на мысль о плывущем корабле. Ну, слава Богу...

И еще в звуковую картину вкраплялся гораздо более близкий, чем шлепки и гул, шум. Что-то до боли знакомое... Льющаяся вода? Во всяком случае, похоже. А это что? Показалось, или действительно что-то приглушенно звякнуло и за этим последовало неразборчивое восклицание?..

К анализу ситуации подключилось обоняние. Пахло, надо сказать, недурственно. Приятственно пахло, надо сказать. Над Сварогом плавали ароматы крепкого мужского парфюма, свежего белья, слегка припахивало хорошим табаком... а еще ноздри щекотал тот трудно поддающийся описанию, но всегда безошибочно отличаемый от прочих запахов моря.

Тело же чувствовало комфорт. Мягко снизу, удобно голове, до подбородка прикрывает нечто одеялоподобное. И еще тело ощущало едва заметное, ласковое покачивание.

Значит, все-таки корабль. Будем надеяться, тот самый. Впрочем, и «тот самый» может находиться в разных руках...

Кстати, о руках. Сварог легонько пошевелил конечностями. Ну да, свободен. Это отрадно, хотя тоже не повод прыгать от счастья: «Мы победили, мы победили!» Попутно Сварог сделал еще одно открытие, и оно... нет, не удивило, не озадачило... скажем так: самую малость смутило. Оказывается, он был гол, как Адам до сотворения Евы.

Вот теперь рекогносцировка посредством четырех из пяти органов чувств завершена. Вывод — не отыскивалось причин, чтоб и дальше притворяться колодой. Сварог поднял веки.

Сперва, как и ожидал, он увидел потолок: низкий, светло-серый, посередь которого на крюке болтался до омерзения знакомый гидернийский фонарь. Разве что этот, в отличие от попадавшихся Сварогу ранее, был раза в два крупнее, горел ярче и помещен, навроде попугая, в клетку-жалюзи. Ну да, выключатели одноразовым светильникам не полагаются, фитильков, которые можно прикрутить, чтоб не коптили, нет, значит, затемнение обеспечивают металлические створки.

Он резко сел — и, как выяснилось, сел на кровати, в белоснежном ворохе постельного белья. Белья, следует признать, отменного качества. Прямо как в графской опочивальне фамильного манора. А на подушках с пижонским размахом вышит шелковыми нитками вензель — переплетение букв «К» и «Д». Еще отметим, что кровать явно чрезмерных для военно-флотских нужд размеров. Уж никак не матросский рундук, к радости моли и жучков-короедов набитый нехитрым скарбом, а полномасштабное, годное для нешуточных плотских утех ложе в стиле какого-нибудь сластолюбивого Людовика номер такого-то. Сварог резко свесился вниз,

заглянул под ложе. Злобные морские демоны, пиратствующие ниндзя и всяческие гидернийские партизаны там не обнаружались. Под кроватью в ряд стояла оставшаяся в наследство от прежнего владельца батарея пустых бутылок. «Надо будет распорядиться, чтоб убрали, а то позорит, понимаешь», — хмыкнул Сварог и вновь сел.

От резкого движения помутилось в глазах и запыл ушибленный о палубу затылок. Сварог ощупал голову — внушительная шишка. И, как хор в древнегреческой трагедии, нытье в затылке подхватили все наличествующие болячки: ушибы, ссадины, царапины. Ну это ерунда. Это мы заклинаниями быстренько подлатаем. Главное — живы. Главное — зеленый плевок задел только краем, как совершенно справедливо заметил некто из сна. Нет, блин, ну и приснится же такое... Или здесь сны тоже вещие? Очень, знаете ли, похоже. Вот только вопрос: о чем они вещают?

Взглядом он пробежал по переборкам, как и в адмиральском салоне, обшитым лакированным коричневым деревом. С двух сторон смотрят друг на друга картины в толстых золоченых рамах: работа кисти местного Айвазовского, изобразившего трехмачтовую шхуну, которая среди бурных волн угодила в объятия гигантскому осьминогу и безысходно заваливалась набок, и портрет. А-а, знакомая физия! Довольно похоже намалевали, хотя мягкому подбородку, погрешив против истины, придали волевые очертания и переборщили с романтическим блеском очей. Правый нижний угол портрета пересекали строчки, утопающие в восклицательных знаках и оканчивающиеся разудалой хвостатой подписью. Не иначе дарственная надпись ху-

дожника, ошастливленного заказом от его знаменитости шторм-капитана Ксэнга, командира одного из самых грозных кораблей Великой Гидернии.

Недалече от портрета прижата скобами к лакированной панели какая-то неразумно длинная шпага в исцарапанных, древнего вида ножнах, под ней пристроен календарь... Хм, весьма любопытный, надо отметить, календарик. В том, какой сегодня на дворе день, помогают разобраться жирные черные крестики, которыми бывший обитатель этих хором зачеркивал прожитые дни... Прямо как солдат-срочник, изнывающий по дембелю. Так вот: перечеркнутые числа позавчера как закончились. Новые цифры во главе с красной единицей (можно догадаться, что день высадки непременно станет воскресеньем) ждут своего часа в «подвале» длинного, как плавание через океан, листа. А между старыми и новыми числами, между зачеркнутыми и нетронутыми — в большом количестве заготовлены пустые клетки. И две пустышки уже перечеркнуты — ага, следует так понимать, идет второй день увлекательного плавания в нулевом году. Мы окунулись, согласно гидернийскому времяисчислению, в безвременье, где нет ни дней недели, ни чисел месяца. Какой-то неправильный подход, дорогие товарищи, вы не находите? И нам придется ждать нового временного цикла до тех пор, пока гидернийцы не соизволят высадиться на Граматаре? А ежели мы несогласные?..

И еще один предмет удостоился быть вывешенным на стену: карта под стеклом. Старинная — если, конечно, не умелая подделка под старину. Бумага в трещинах и разрывах, с одного угла обгорелая. Нарисован на ней материк незнакомых

очертаний, а вокруг всюду резвятся намалеванные звери самого что ни на есть фантастического пошиба. Целый зоосад невиданных тварей. Иные тесно сплетены, иные заслоняют друг дружку, рычат, грызутся, бодаются. Зверюшки все больше незнакомые, разве что вон дракон или козел, правда, с заячьим хвостом, — а вот дальше пошла такая жуткая помесь всех со всеми, что невольно закрадывается подозрение: уж не карта ли острова доктора Моро висит тут на видном месте? Ну а если серьезно... если серьезно, то наверняка неведомый топограф фантастическими гибридами аллегорически обозначал течения, ветра, впадины, мели, а также рельеф, ландшафты и прочее — похоже, по-другому обозначать не обученный. М-да, чтоб прочесть такую карту, поди, мало быть просто топографом и в придачу зоологом — еще надо знать вивисекцию и разбираться в древней мифологии не пойми какой страны...

Карта, как и шпага фамильная — небось реликвия, что-то вроде от прадеда к деду, от потомственного моряка к продолжателю династической традиции.

Каюта — а дедукция, завещанная мистером Холмсом, подсказывает, что перед нами капитанское обиталище — располагала двумя дверьми. Та, что напротив кровати, несомненно вводит в коридор, а куда ведет вторая, которая значительно уже и ниже первой, Сварог, в общем-то, тоже догадался.

За спиной — он оглянулся — иллюминатор, открывший графскому взору полную морскую лепоту, усладу для мариниста. Бледно-зеленая океанская равнина, покрытая кружевами «барашков», не ходила ходуном, не обдавала девятыми валами,

а размеренно перекатывалась невысокими горбами. Впору самому хватать пастельные карандаши и запечатлевать бугры морские...

Стоять. Из какой такой шкатулки выскочили эти «бугры»? В высшей степени неслучайные... Ну да, как же, как же. «Не ходи на бугры морские», — некстати или, наоборот, кстати пришли на ум слова, вернее, бредни юродивого, которого они с Клады повстречали на пути в город Митрак...

Так, шаур здесь. Вон он, поблескивает на прикроватной тумбочке. А за его рукоятью багровеет рубин. Бумага Ваграна где? В кармане. Значит, что? Значит, вокруг с в о и?

Сварог соорудил себе утренний набор джентльмена — кофе и сигарету. Вполне допустимо, поправился граф, не утренний, а дневной. Кстати, проникающего в иллюминатор света хватало и без гидернийского светильного чуда. Что, уже день? Интересно, сколько ж он провалялся в забытьи? Судя по отсутствию грохота тонущего континента и дымов снаружи, корабль отделился от опасного берега на изрядное расстояние. Теперь бы выяснить — на какое. И куда это мы направляемся. Скорость, судя по всему, не очень большая... Но выяснять ничего не хотелось. Тело окутывала ласковая истома, душу — спокойствие и умиротворенность, а разум — абсолютный пофигизм. После, все после. А вот фонарик можно было и затемнить, просто кому-то лень было морочиться с залезанием на стул и с кручением рычажков. Понятно — кому именно лень, вон знакомая одежда брошена на кресло...

Сварог, попивая кофеек, свесил ноги с постели с той стороны, где к кровати притулилась тумбоч-

ка. На тумбочке, помимо шаура, рубина и карты, лежала раскрытая тетрадь. Ее, а не оружие взял в руки Сварог и положил на колени. А на место тетрадки определил кофейное блюдо, превращенное в пепельницу.

Мягкая, явно дорогая кожа переплета ласково и приятно, как холеный кошка, терлась о ладони. Да и бумага на тетрадь ушла не из дешевых, не из макулатурной переработки — белее белого, с хрустом перелистывающаяся, одно удовольствие на такой писать.

Бегло просмотрев записи, сделанные образцовым, как шеренги прусских солдат, почерком, Сварог уяснил, что он держит в руках. Не судебной журнал, как он сперва подумал, — личный дневник капитана, пардон, шторм-капитана Ксэнга. Наверное, мастер Ксэнг открыл для себя истину, что он живет в судьбоносное время великих перемен-переломов и потому не может не оставить потомству, будущим Ксэнгам, увлекательного рассказа о последних днях одной великой эпохи и первых днях эпохи еще более великой.

Сварог раскрыл тетрадь на последней записи.

«Сегодняшний день вновь наполнил меня небывалой гордостью за свою страну. Прими, Тарос, мою благодарность за то, что мне выпал счастливый жребий стать по праву рождения подданным Великой Гидернии. Однако не в первый раз я задаю себе вопрос: одно ли везение тому причиной? И все больше склоняюсь к тому, что не одно... Сегодняшний день снова навел меня на размышления о теории астроморфизма. Отбор вершится на небесах. Там выносят приговор, кому быть, кому не быть. Решают, глядя на дела отцов и мате-

рей. Мы зарабатываем для своих детей право быть гидернийцами. Дети достойных родителей, получающие их кровь, дети, которых ждет воспитание в добродетельных семьях, где живет подлинный гидернийский дух, — они и только они допускаются быть рожденными. Мертворожденные младенцы, дети, которым суждено прожить недолго, — вот отбраковка в этом отборе. А также рожденные больными, уродами, умственно неполноценными (думаю, это специальная кара за особо тяжкие преступления родителей) — то есть те, кого справедливо и мудро двести тридцать лет назад повелел „вывозить на глубины и топить вместе с щенками, кошками и прочей мусорной грязью“ своим указом король Инруан. Право же, я не буду удивлен, если в недалеком будущем теория астроморфизма найдет научное подтверждение. Читая эти строки я порекомендовал бы обратиться к трактату основоположника астроморфизма Прата Брольтэнга „Откровения, написанные облаками“.

— Всенепременно, — пробурчал Сварог.

«Возвращаюсь к дню сегодняшнему, — писал далее образованный гидернийский капитан. — Наблюдая, как горят деревянные тоурантские башмаки, на которых в глупой самонадеянности эти людишки мечтали одолеть океан, глядя, как неразумно они ведут себя, предпочитая мучительную смерть в береговом огне легкой и быстрой смерти от пули, я представил себе, что было бы, доплыви они до гидернийского Граматара. Не надо быть Акумелой-Придумщиком, чтобы вообразить ту картину. („Что за Акумела такая, почему не знаю?“ — подумал Сварог.) Эти существа стали бы воспроизводить ту убогую жизнь, что вели на Аtare. Для чего

каждый из них живет? Жрать, пить, спать, испражняться и плодиться. Ничего более. Жизнь без Цели оправдывает лишь существование тварей неразумных и бессловесных. Человек без Цели пуст, как соломенная кукла. Зачем тогда ему жизнь и чем она отличается от небытия? Такая же пустота. Цель же очевидна для любого развитого человека — общее дело, общее величие. Кто называет Гидернию злодейским государством, забывает о том, что Гидерния раз в столетие неизменно предлагала свой патронат всем без исключения странам. Подчинение нашему королю, соблюдение гидернийских законов позволили бы со временем потомкам ныне живущих не-гидернийцев стать полноправными подданными нашего короля... Но никто не согласился. Так кто же виноват, что им не суждено ступить на землю Граматара? Если тонущему человеку протягивают руку, но он за нее не хватается, то кого следует винить в его гибели? Неужели протянувшему руку — за то, что, видите ли, не вытащил утопающего силком из воды? Этим атарским существам не суждено достигнуть величия, им не суждено испытать счастья приобщенности, когда твоя капля, сливаясь с тысячами других капель, образует море. Приблизить, а может быть, и самому дожидаться восхода истинного Величия: достижение долголетия, а вслед за ним бессмертия, возвращение умерших из Океана-Без-Берегов, странствия по тропам, где никто никогда еще не был...»

— Так, так, — пробормотал себе под нос Сва-рог, — уже теплее. Если это не метафора, то капитан явно имеет в виду не простые тропы, а те самые — Тропы. В тетрадошке, пожалуй, есть смысл покопаться на досуге. Глядишь, Ксэнг где

и проговорился об аппарате, пусть просто намекнул на его существование — а это уже ниточка, или намекнул на существование какого иного подступа к Тропе...

«Не долее чем через час, когда вернется с берега мастер Р., я отдам приказ на отплытие. Что я буду ощущать, оглядываясь на уходящий под воду Атар? Наверное, то, что план „Гидерния без скверны“ близок к завершению...»

На этом последняя запись заканчивалась. Тетрадь была исписана на треть, и больше уж ей не суждено пополниться измышлениями мастера Ксэнга. Сварог полистал капитанские мемуары, выискивая взглядом ключевые слова. Ага... Глаз наткнулся на небезынтересное слово «острова». Уж не о тех ли самых речь идет?

«...Человека за бортом заметил баковый наблюдающий. В подзорную трубу я разглядел голову над водой, накрытую, как капюшоном, черной материей, и руки, которые до запястий облегала все та же материя. Недалеко от места, где был замечен человек за бортом, растеклось по поверхности радужное пятно, напоминающее масляное. Иных признаков кораблекрушения, если пятно можно отнести к таковому, осмотр в трубу не выявил. Человек плыл, плыл умело и плыл не в сторону острова. Остров, обнаруженный нами по системе Вахлонда, перемещался с той же скоростью и в прежнем направлении. Посовещавшись с мастером Р., я приказал изменить курс. Мы сошлись на том, что остров, единжды обнаруженный, сможем отыскать и вновь. Пловец же мог утонуть или пасть жертвой хищной рыбы. А человек за бортом мог сообщить нам ценные сведения о тех же островах. Тем более — откуда

он мог взяться в открытом океане, если не с одного из островов?

Я приказал готовить к спуску на воду катер. Расстояние до пловца в момент обнаружения составляло около четверти кабелота. В одной десятой кабелота от человека я намеревался дать „самый малый“ и спустить шлюпку.

Меня сразу заинтересовало не только то обстоятельство, почему человек плывет не к острову, а еще и то, что человек плыл быстро, работал руками и ногами изо всех сил, словно честолюбивый матрос, бьющийся за главный приз на водных состязаниях дивизий. Заметив наш корабль, не мог же он всерьез рассчитывать скрыться от него?

Мы преодолели первые каймы дистанции между кораблем и человеком, когда человек ушел под воду. Совершенно в том уверен — он сознательно нырнул.

— На градус выше, мастер шторм-капитан, — вдруг произнес мастер Р., который тоже не отнимал от глаза подозрную трубу.

Я переместил окуляр в указанном направлении и увидел примерно в пятнадцати каймах от места, где только что находился пловец, погружающийся в воду предмет. Скорее всего, хвост подводного существа. Но изогнут он был под прямым углом, с утолщением на конце, и утолщение это блеснуло, как стекло на солнце. Пловец над водой так и не показался...»

«Подводная лодка? — изумился Сварог. — Во дела! Здесь же и обнаружение островов по какой-то хитрой системе. Короче говоря, загадки ходят косяками. Касаемо подлодки, если предположить...»

Дверь ванной распахнулась. Она перешагнула порог, ступила босыми ногами на черно-красный ковер капитанской каюты. Полотенце, по обыкновению всех помывшихся женщин всех стран, народов, планет, цивилизаций и миров, обвивало голову наподобие чалмы. Было и другое полотенце, закрывавшее тело от груди до колен.

— Ага, мы проснулись, — произнесла Клади с загадочной интонацией.

Сварог — все-таки не пристало дворянину и королю встречать даму совсем уж в неподобающем виде — подтянул одеяло, прикрывая наготу.

— Я смущена, мастер граф, — потупив взор, произнесла баронетта невинным голоском. Видимо, не от чего-то, а от чрезмерного конфуза Клади не совладала с нижним полотенцем, и оно соскользнуло с необсохшего тела. — Видите, как я волнуюсь. Одна, рядом с раздетым до полного неприличия мужчиной...

Не слишком спеша, Клади попыталась вернуть полотенце на прежнее место. Уж лучше бы не прикрывалась вовсе, потому что — ну конечно же, так вышло совершенно случайно, — заново обернувшись полосатой льняной тканью, она оставила Сварогову взгляду (который никак не хотел перебегать на иные предметы — скажем, на портрет капитана Ксэнга) белый бугорок с коричневой виноградинкой соска, скульптурно безукоризненный изгиб бедра, капли воды, прочерчивающие мокрые дорожки на нежной коже живота... Да, выходит, не сумела мужская братия сберечь от женщин великую тайну: что не так распялет сама нагота, как полуобнаженность, будоражащая воображение... и не только воображение.

— Моветонно для незамужней баронетты очутиться в такой пикантной ситуации, вы не находите? Бросает тень. Могут пойти толки, начаться пересуды в сферах... — Мелкими, покорными шажками японской женщины Клади приближалась к кровати. — Пострадает женская честь. — Она тяжело вздохнула. — Вам, мужчинам, конечно, все равно. Для вас это лишь очередное забавное приключение, которое можно потом рассказывать вашим друзьям за бокалом вина, а те при этом будут громко гоготать.

Отлетело в сторону второе, верхнее полотенце, выпуская на волю светлые шелковистые волны.

Сварог тайком вздохнул, поняв, что не начать ему день с обстоятельных расспросов: «Где мы, куда плывем? Какой держим курс? Каковы потери? Как наши орлы? Кто рулевой и где поселились тоурантцы?» Потому что на его дурацкие вопросы она ответит своим женским вопросом: «Кого ты больше хочешь, меня или новостей?» И не ответишь же женщине: «Я умираю, дорогая, хочу новостей». Проще уж самому себе исцарапать лицо. И стало быть, не проще ли вообще обойтись без ненужных разговоров? Тем более все меньше и меньше его интересуют новости. Что поделать, инстинкт, понимаете ли, который не заглушило касательное попадание магического плевка, берет свое со всевозрастающей силой.

— Пропала честь, пропала юная баронетта, совсем пропала в объятиях коварного обольстителя, — сказала юная баронетта, отбрасывая одеяло с чресел коварного обольстителя и опускаясь на колени.

«Кто из нас пропал, это еще вопрос», — подумал Сварог, прежде чем забыл думать обо всем.

...Полетела на пол тетрадь капитана Ксэнга. И Сварога утянуло в теплый водоворот, которому не хотелось сопротивляться. Он опять тонул — но на этот раз в теплых и влажных касаниях, в шепоте и столах, в переплетении пальцев и тел, в изгибах и жаре ее тела, в сладкой пустоте...

«Интересно, сколько ж я проспал...»

— Скажи-ка мне, — произнес Сварог, когда понял, что вновь обрел дар речи.

Клади приложила к его губам палец.

— Подожди. Ты же проголодался? Или, — ее зеленые глаза блеснули озорными искрами, — мастер граф не сумел нагулять аппетит? Я, между прочим, голодна, как тысяча тигриц. Не соблаговолит ли мастер граф отзавтракать вместе с юной баронеттой? Только давай обойдемся без твоих дурацких булочек.

Не дожидаясь согласия Сварога, Клади вскочила, подбежала к двери и несколько раз дернула за витой шнурок, подвешенный у косяка.

— Как в замке барона Таго, — вздохнула она. Обернулась. — Сейчас вы получите свой завтрак, мастер граф. Завтрак для героя.

Глава шестая

Завтрак для героя. Версии и открытия

Сварог встретил их, как и подобает капитану: одетым, выбритым до синевы, застегнутым до последней пуговицы, подтянутым и серьезным, стоя в позе капитана Немо — со скрещенными на груди руками, под картиной с гибнущим парусни-

ком. Разве что трубки в зубах недоставало для полноты образа да грозно насупленных бровей.

Боевой подруге капитана пришлось облачиться в свой зеленый охотничий костюм — пусть старательно очищенный от грязи и пепла, однако все же таки несколько поизносившийся в походах; Клади в нем смотрелась этакой амазонкой, с тяжелыми боями вырвавшейся из плотного кольца окружения... Увы, ничего подходящего для нее во встроенном шкафу не отыскалось — там были прописаны только походные и парадные мундиры шторм-капитана Ксэнга да затесавшийся среди них Сварогов камзол, потрепанный и изорванный значительно больше зеленого охотничьего костюма. Надо сказать, Сварога наряд спутницы вполне устраивал, однако известно, что у женщин с одеждой особые отношения.

— Я скоро возненавижу себя в этих зеленых тряпках, — сказала Клади, закалывая собранные в хвост волосы невесть откуда добытой заколкой. — Сколько можно разгуливать Политеей-охотницей*!.. Тебе, между прочим, тоже не мешало бы сменить костюмчик. Во-первых, как в других мирах, не знаю, а у нас на Атаре боевыми кораблями священники обычно не командуют. Мы-то, конечно, привыкли, а вот неподготовленные тоурантцы будут, мягко говоря, в недоумении. И во-вторых, мы теперь моряки, а не охотники и не летатели по воздуху, стало быть, и костюмчики должны подходить к обстановке. — Она ненадолго задумалась,

* Политея-охотница — героиня множества народных газдарских песен, дочь колдуньи, изгнанная людьми в леса. Большинство песен заканчивалось тем, что Политея становилась женой князя.

прикрыв глаза. — Что-то сапфировое или бирюзовое, с вкраплениями желтого. Или лазурное с оранжевыми вставками.

Сварог вынужден был признать, что некая правда в ее словах присутствует — во всяком случае, в пункте первом. Священнослужителей тоурантцы, возможно, тоже офигенно уважают, но уж точно не за умение командовать броненосцами. К тому же возможны всякие глупые недоразумения. В горячке, дыме с пеплом и полумраке схватки на цвета его камзола, конечно, никто внимания не обращал. Сейчас же, пока не разберутся, еще и проходу, того и гляди, давать не будут, начнут бухаться в ноги: «Батюшка, дозвожь исповедаться, грехи отпусти, окрести ребеночка, освяти наш брак...» Ладно, решил Сварог. И переоделся в наименее навороченный из мундиров шторм-капитана.

В дверь постучали, и, без положенного «добро на войти», дверь распахнулась от доброго толчка извне.

— Салют мечом, кронг-адмирал Сварог! — в проем порывистым ветром ворвался радостно скалящийся наследник гаэдарского престола Олес, в каждой руке сжимая по плетеной корзине.

— Молокосос и невежа. Привык в своих замках вламываться куда захочет без спросу... — раздалось следом знакомое ворчание, и в каюту чинно ступил суб-генерал Пэвер. — В штрафники бы тебя на месяц, да меня командиром...

Но извиняться за младшего по званию суб-генерал не стал, вместо того зычным голосом командующего парадом поприветствовал Сварога:

— Здравия желаю, мастер раненый граф! Ага, вижу, идете на поправку, отлично. Ну да, с вашими-то способностями... Так, так... — И Пэвер завертел головой, видимо, любопытствуя, как же выглядят покои флотского военачальника.

Сухопутный вояка осмотром остался заметно недоволен. Что-то, видать, не сошлось с его представлениями об апартаментах, подходящих командиру боевого корабля. Он неодобрительно покачал головой и раздраженно поправил пояс с оружием (там, слева, красовался прежний меч, справа был подвешен штык, справа же просунут кремневый пистоль).

Звякнуло в корзинах, которые молодой князь определил у стены под откидным столом, тут же его и откинув. Из навалов снеди, из залежей фруктов, как головы гадюк из мха, торчали горлышки винных бутылок. Их-то первым делом под одобрительный кивок Пэвера принялся извлекать Олес.

— Нога как? — спросил Сварог.

— Отлично! Вы бы видели здешний лазарет, капитан — мертвого поднять можно...

— Это точно, — подтвердил Пэвер. — Нам бы такой в шестой полк — и еще не известно, чем бы война закончилась...

— А вы-то как, мастер Сварог? — поинтересовался князь. — Мы и вас хотели в лазарет определить, но баронетта изволила воспротивиться...

— Капитана в капитанской каюте и стены лечат, — бросила Клади. — Сам видишь, здоров командир.

— Ну, вроде да... — Олес оглядел Сварога с ног до головы. — Как думаете, чем это по нам шарало?

— Да пес его знает, — искренне ответил Сварог. — Какие-то магические штучки... Корабль-то цел?

— Слава Пресветлому, хранит нас Господь... Трубы лишились, но и на трех идем уверенно. Больше никаких повреждений. Что это было, не знаю, но оно сгинуло.

«Не уверен», — мрачно подумал Сварог.

Молча поклонившись на пороге, в каюту зашла черноволосая женщина, Чуба-Ху. Последним, чуть запоздав, появился Рошаль, еще раз выглянул в коридор и тщательно запер за собой дверь. Был он в неизменном, некогда роскошном коричневом балахоне, будто его в теплой каюте пробирает озноб. «Да уж, — подумал Сварог, — свою хламиду он поменяет лишь точно на такую же — с потайными карманами и карманчиками...» И констатировал:

— Нуте-с, вся команда в сборе. Потерь нет, никто серьезно не ранен. И, судя по вашим довольным лицам, кораблик наш. — Он подмигнул своему бравому экипажу. — Что-то не слышу заверений в собственной гениальности и прирожденном таланте флибустьера.

— Лично у меня нет слов, граф, — только развел руки суб-генерал. — Преклоняю колена...

— Зато у меня есть, — высокомерно перебил Рошаль и повернулся к Сварогу. Удивительное дело, но в его рыбьих глазах появилось нечто, что с натяжкой можно было бы назвать человеческими эмоциями. — Мастер капитан, до последнего момента я, каюсь, не верил, что ваша затея с захватом этого...

— Ладно, голуби мои дорогие, отставить, — великодушно махнул рукой король далеких стран. —

Я понял. Давайте к делу. Вопрос первый: кто в лавке остался? Мы ведь, я так понимаю, плывем?

— Как поплыли, так и плывем, остановок не делаем, — Олес разворачивал завернутые в бумагу бокалы. — А в рубке сейчас дож распоряжается.

— Дождь? — повернулась к нему Клади. — Мне отчего-то казалось, что он остался на берегу.

— Это другой дождь, — Пэвер остановился перед шпагой, потрогал ножны. — Они без дождя не могут. Сразу выбрали нового. Едва закончили с ритуалами... Следует признать, тоуранты поступили мудро. Подобрали самого подкованного в морском деле — некоего Тольго, который пять лет ходил по Руане старшим матросом на «Герцоге Джунгаре».

Выборы дождя, ритуалы, курс, которым следует «Адмирал»... Гроздь вопросов — выбирай, с чего начать. Да, многое Сварог пропустил...

— А дождь не... — Пэвер многозначительно посмотрел на Рошаля, присевшего на стул в уголке каюты.

Бывший княжеский охранитель, уловив недосказанное, скупо ухмыльнулся:

— Тольго под присмотром, не беспокойтесь. При нем помощником приставлен Рорис из рода Бамо — рода, который всегда соперничал с родом Тольго за власть в Клаутэне. Рорис и на этот раз стал бы дождем, если бы выбирали, как обычно — исходя из заслуг фамилии перед доменом...

Браво, выходит, и охранитель времени не терял, занимался прямым своим делом. Поди ж ты, уже установил, кто на кого зуб имеет, кто за кем приглядывать станет... Из сказанного получается, что

он этого Рориса из семьи Бамо уже вербанул в агенты, сыграв на противостоянии родов. Неплохо.

Пусть, как челн, грозой гонимый,
Пляшет ворон в бурной мгле, —
Рад он пристани родимой
На незыблемой скале... —

негромко пропел Олес, увлеченно вкручивая штопор в матовую бутыль.

— Хватить орать, испытываемый, — сказал Пэвер, снимая со стены шпагу. — Я и так уже оглох от пальбы, землетрясений и воплей храбрых тоурантцев...

— Которых я бы не рекомендовал в глаза именовать тоурантцами, — бросил Рошаль. — Мне удалось установить...

(Пэвер рекомендаций Рошалья не слушал. Он отошел в сторону, держа шпагу обеими руками на уровне груди, будто намеревался вручить ее кому-то в качестве именного оружия. Остановился точно под фонарем, наполовину вытащил клинок из ножен и внимательно, как энтомолог в засушенную бабочку, вглядывался в потемневшую сталь, бормоча себе под нос то удовлетворенно: «так, так», то загадочно: «ага, ага», а то и потрясенно: «ах, в этом смысле...». Клади тихонько заглянула ему через плечо.)

— ...что ввиду исконно натянутых отношений между Тоуром и доменом Клаустон, жители означенного домена считают намеренным оскорблением, когда их называют тоурантцами. Их следует звать клаустонцами или клаутэнцами. Чревато, знаете ли... — не обеспокоенный уменьшением количества слушателей занудно продолжал Рошаль.

— Да ладно вам, Рошаль, лекции читать! — поморщился Олес, взмахнув штопором с навинченной на него пробкой. — Не в Гаэдаро. И папаша мой, чтоб ему в адских подвалах пожарче горелось, колпаком уже не прикрывает.

«А у нас все по-прежнему, — умилился Сварог, взяв со стола бутылку вина и разглядывая этикетку. — Как они без моего присмотра умудрились не перестрелять друг дружку, ума не приложу. Видимо, были заняты очень посторонними делами...» Он сознательно отпустил разговор — чтобы почувствовать, какие произошли изменения и сдвиги в климате вверенного ему обстоятельствами экипажа. Так настройщик бренчит на пианино незатейливую мелодийку, при этом сосредоточенно вслушиваясь, где какая клавиша западает и какая нота фальшивит. Однако хватит оперных арий, импровизаций на тамбуринах и прочих сольфеджио, все уже ясно. Сварог поставил на стол бутылку, на чьей этикетке стояла печать военно-морского интендантства Гидернии. Вино называлось «Звезда Граматара», под названием имелась приписка: «Из личных погребов мастера Гроха, королевского флота Гидернии поставщика со времен короля Малдага Светоносного».

— Ну вот что, непобедимая Первая морская конница! — сказал Сварог уже другим голосом. Внутренне сказал. Чтоб сразу уяснили требуемый настрой. — Отставить балагурить, слушай сюда! Праздничные завтраки, «гром бокалов раздавайся», «лейся песня» и «за победу мы по полной осушили» — все отставить до поступления команды «можно». Сейчас же последовательно и четко... Мастер суб-генерал!

Пэвер не слышал, с головой уйдя в изучение шпаги, и увлек за собой Клади — что-то показывал, что-то нашептывал.

— Мастер суб-генерал! — еще раз воззвал Сварог.

А с мастером суб-генералом творилось неладное. Вот он прикрыл глаза ладошкой, отвел руку театральным жестом, поднес шпагу к самому лицу, едва не касаясь носом клинка, и уверенно произнес, будто гвозди вбивал:

— Да, да, да.

— Не может быть, — выдохнула Клади.

— Она. — Пэвер отбросил в сторону пустые ножны, вскинул шпагу над головой, словно вел батальоны на штурм бастионов. — Она, чтоб моим яйцам болтаться заместо флага! Простите, баронетта, но чугунное ядро и двадцать тысяч разрывных патронов мне в зад, если это не она!

Пэвер опустил шпагу, уткнул острием в ковер, перехватил за трехгранный клинок под эфесом. Обвел каюту слегка помутненным взглядом.

— Вы хоть понимаете, что у меня в руках! Кроме того, что это шпага придурковатого адмирала Фраста!

Такого Пэвера Сварогу видеть не доводилось. Даже когда суб-генералу был предъявлен шаур, даже когда суб-генерал узнал, что порог его дома в Митраке переступил человек, совершивший путешествие из другого мира, мастер Пэвер выглядел менее потрясенным.

— Это клинок Лано-Безумца! Гидернийские задницы, конечно, ни о чем не подозревали, ха-ха... А я нашел! Ради одного этого стоило удирать из Митрака, шваркаться об землю в железном ящике и едва не поджариться в лаве!..

Бросив раскладывать фрукты, молодой князь бросился к Пэверу и чуть ли не вырвал у того шпагу.

— Чушь собачья, — отрезал Рошаль, но тем не менее и он поднялся, с явственным любопытством вытягивая по-куриному шею.

Сварогу стали вдруг близки ощущения учителя, вернувшегося в класс после болезни и обнаружившего, что детей как подменили. Оставалось только подойти к суб-генералу и отобрать у него игрушку, как учитель отбирает какую-нибудь плевательную трубочку у заигравшегося хулигана. Да еще и линейкой по затылку треснуть... Сварог и Чуба, единственные, кто ни рожна не понимал. Чуба-Ху подошла к столу и продолжила славное дело молодого князя: доставать провизию из корзин, расставлять, нарезать...

Сварог налил себе «Звезды Граматара», отпил. Недурно. В меру терпкое, чуть сладкое, букет не без изысканности.

Со стороны шпаги раздавались возгласы и комментарии:

— И что с того!..

— Строка из «Прощания Рогнега»...

— А помните еще это:

Зверь морской, что в океане
Крова мирного лишен,
Спит меж волн, но их качанья
Он не чувствует сквозь сон...

— Ну да, ну да... Ведь по заказу Фраста...

— Ты на клеймо глянь, бестолочь княжеская, да родители прапрапрабабки Фраста тогда еще в куколки играли...

— Да, это точно его клеймо, я листала «Историю оружия», мне Линар читать давал...

— Не поминайте в приличном обществе, баронетта, этого лихоимца, Навакова груша ему вместе яйца...

— Мастер Пэвер!..

— Молчу, баронетта, виноват, взволнован...

— Ты когда-нибудь встречал такую сталь?

— Древние предметы...

— Стал бы мастер Лано ставить клеймо на древний предмет...

— Перечитайте «Архивы Оружейной палаты Трех башен»...

— Странно. Люди зачастую относятся к оружию как к живому существу, — негромко сказала Чуба-Ху.

— Очень верно подмечено, — согласился Сва-рог. — Люди — они вообще звери странные, малоизученные... — Отставив бокал, он направился к стихийному клубу любителей древностей. — Ну и что означает сие кипение безудержных страстей, мастера и баронетты?

— Ты что, не слышал о Битве Начала? О Звере? О Лано-Безумце? — изумилась Клади, полыхнув изумрудом широко распахнутых глаз. Но тут же спохватилась: — Впрочем, да, конечно, откуда...

— Шпага из костей Зверя, — доложил Пэвер, нежно поглаживая эфес.

— Похоже на правду, — признал Рошаль. И скривился, как от зубной боли: — Еще и это...

— Так, а теперь без прыжков под потолок и таинственных недомолвок. Конкретно и предметно, как на утреннем разводе, — потребовал Сва-рог. — В чем дело?

Рассказывали сообща. Главную партию вел Пэ-вер, но его постоянно дополнял Рошаль, тоже неплохо разбиравшийся в истории Атара, Олес приводил строки из баллад, Клади, когда дело доходило до версий, прямо-таки засыпала версиями. А Сварогу приходилось дирижировать этим хором, чтобы добиться связности и вразумительности.

Ну, в общем, рассказали. Поведали историю, которая скорее могла бы сойти за вымысел, за плод коллективного мифотворчества, если бы не набиралось прямо-таки в избытке прямых и косвенных доказательств событиям пятисотлетней давности.

...Все народы Атара сохранили! память о тех сорока днях всеобщего ужаса (число дней варьировалось от дюжины до сотни, но большинство историков сходилось именно на цифре сорок). Разные народы нарекли эти четыре димерейские недели по-разному: Битва Начала (Гаэдаро, Шадтаг), Проклятые Дни (Бадра), Приход Зверя (Нур, Вильнур) — и так далее.

Прошло приблизительно лет пятьдесят со дня высадки на Атаре первых беженцев с Граматара. Еще только успели возвести дома, на скорую руку обнести зачатки городов частоколом, отогнать нечисть подальше от поселений, первых детей народить, уладить кое-как отношения с соседями, наметить первоначальные, еще сотни раз потом перекраивавшиеся границы... когда явился Зверь.

Чудовище, ставшее кошмаром для едва оправившихся от бегства с Граматара людей, прозвали Зверем. Зверем оно и было, но очень-но непростым.

И что любопытно. Не наблюдалось расхождений в том, откуда Зверь явился. Хотя, казалось бы, вот

тебе, народная фантазия, простор для предположений. Скажем, Зверь с Атаром поднялся со дна и до поры до времени скрывался в каких-нибудь пещерах. Допустим, создан и послан Ловьядом. Наконец, пучиной морской рожден. Однако дружно сходились на том, что Зверь перебрался на Атар (или, как вариант, был переправлен на Атар) с одного из Блуждающих Островов. Либо виной всему общая и стойкая нелюбовь атарцев к гипотетическим островитянам, которые-де живут припеваючи, горя не мыкая, особенно обостряющаяся с приходом Тьмы, либо действительно что-то определенно указывало на островное происхождение Зверя. Правда, что именно указывало, народная память не сберегла.

Если отбросить поэтические преувеличения, оставив лишь всеми источниками подтверждаемые данные, то Зверь выглядел так: высотой двадцать-тридцать каймов, туловище схоже с медвежьим, густая белесая шерсть свисала до земли, передвигался на шести лапах, впивавшихся в землю когтями, что твои крючья лесосплавщиков, голова на необъятном тулове казалась маленькой, морда плоская, безносовая, из пасти торчали огромные металлические клыки, не просто сабельной формы, но и заточенные тем же манером и до той же остроты, как затачивают сабли.

Зверь перемещался на удивление быстро, легко догонял бегущего человека. Он обходился без сна, но ночью двигался значительно медленнее, ночью замечал людей, лишь когда те попадали в свет, излучаемый его огромными, круглыми, немигающими глазами.

Зверь пришел убивать. Причем только людей, напрочь игнорируя зверей и нечисть, даже если

последняя принимала человеческий облик. При чем он не питался людьми, не грабил их, он просто убивал их — и шел дальше. Шел наобум, выискивая следы человеческого присутствия (дороги, вырубки, поля, печные дымы и дымы костров, не говоря уж о деревнях и городах), а их он определял безошибочно. За сорок дней он успел обойти весь материк.

Убивал он, догоняя человека и наступая на него. Клыками пользовался как вспомогательным средством: для разрушения преград и домов. Пасть не задействовал вовсе, хотя в некоторых преданиях, главным образом в песнях, Зверь предстает изрыгающим огонь, сжигающим все на сто кругов.

Люди бились со Зверем как могли. Но могли они, как сразу стало ясно, немногое. Пули и стрелы его не брали, каменные ядра, пушенные из катапульт, не причиняли Зверю никакого вреда. Впустую пропадали выстрелы из баллист, метающих пятикаймовые копья. Копья застревали в туловище или лапах Зверя, он обламывал древки о камни и бульдозером пер вперед как ни в чем не бывало. Предания утверждают, что и магия (а люди, плюнув на запреты Пресветлого не заниматься колдовством и не якшаться с колдунами, призывали на помощь магов) оказалась бессильной перед Зверем.

Некоторые в панике грузились на корабли и покидали Атар, но, кроме как в Гидернию, плыть было некуда, а Гидерния к своему острову никого не подпускала, тех же, кто подбирался и тайком высаживался, уничтожали карательные отряды гидернийской армии.

Когда улеглась истерика, посеянная Зверем в первую неделю своих кровавых блужданий по Ата-

ру, то паника постепенно перешла в злость, а злость заставила людей как-то организовываться и думать. После чего они принялись вести на Зверя расчетливую охоту.

Однажды удалось со всех сторон поджечь лес, в который вошел Зверь, но тот выбрался из огня.

Шерсть его сгорела, Зверь превратился в обугленное черное страшилище, но страшилище живое и лютное. Люди стали заманивать Зверя в ямы, предварительно врывая в ее земляное дно затесанные колья. Заманивали так: один доброволец показывался Зверю, тварь начинала преследование, ступала вслед за дичью на прутья, прикрывающие отверстие в земле. Человек, разумеется, погибал в той же яме, в которую проваливался Зверь. Тварь из ловушек выбиралась, впиваясь в стены своими невероятно длинными и сумасшедше цепкими когтями, но, напарываясь на колья, все же пропарывала себе шкуру и внутренности. Люди устраивали камнепады, когда Зверь оказывался в горах. Тут-то и стало выясняться, что Зверь, кем бы он ни был на самом деле, истребим. Уже не так он был проворен в беге, часто останавливался, замирал и бывало подолгу выстаивал этакой статуей посреди равнины или леса.

И однажды не смог выбраться из очередной ямы.

Яму забросали землей и камнями. Но чертова тварюга сумела как-то подобраться к краю и высунуть наружу голову. На голову обрушилось все, что принесли с собой и держали в руках люди. Когда Зверь перестал шевелиться, его полностью откопали и разодрали в клочья.

Нутро Зверя поглотило людей в суеверный ужас. О подобном им доселе даже слышать не доводи-

лось. Шкура тварюги по прочности оказалась несравнимой ни с одной кожей. Кости Зверя были сделаны из сплава, неизвестного на Аtare, лишь похожего видом и некоторыми свойствами на сталь, но все же сталью не являвшимся. С металлических костей содрали обыкновенное мясо, красно-белое кровоточащее мясо животного. А вот жилы, опять же немыслимо прочные, привели людей того времени в полное замешательство — их описания предельно туманны, тут тебе и «серебро в оболочке», и «сверкающие нити в смоле». Еще из Зверя извлекали («выковыривая из мяса, вытряхивая из ливера, отделяя от костей») простые камни, драгоценные и совсем неясно какие, которые фольклор сохранил как «смешные капли» или «смешные камни».

В яме над останками Зверя развели гигантский костер и поддерживали его, по некоторым легендам, аж до годовщины победы над Зверем.

Конечно, каждый народ окончательную победу над Зверем приписывал своим предкам. И Тарос его ведает, чей народ в самом деле заслуживает называться народом-победителем. Зато место, ставшее могилой Зверя, было известно всем — в Запретных землях, недалеко от границы Бадры. Страх перед Зверем сохранило лишь поколение, видевшее его воочию. Следующее поколение атарцев к останкам Зверя относилось уже без прежнего священного трепета. Начиная с этого времени и задолго до того, как странной тварью всерьез заинтересовались конторы, могильник не раз разрывали, не раз вновь закапывали (взвалить на себя обязанности могильщиков пришлось бадрагцам). Что не сгорело в огне, разворовали и растащили по разным

странам. Кстати, по слухам, конторам уже мало что досталось.

С тех пор останки Зверя всплывали то там, то сям. Их пристраивали не только в коллекции, но и пускали в дело — ну кому в хозяйстве не сгодится сверхпрочная кожа или полосы нержавеющей металла? Не говоря уж про драгоценные камни...

И жил в Фагоре такой малость чудаковатый кузнец по прозвищу Лано-Безумец. К нему, как до того ко многим кузнецам, попали кости Зверя. И Лано-Безумец додумался... Или кто свыше фагорца надоумил, или, что называется, осенило, или, как часто происходило в истории, случай помог (случайно уронил в молоко, случайно облил кипятком, случайно помочился на заготовку — глядь, и получилось) — но вот додумался, как перековывать Зверины кости, как придавать им свою форму. Лано стал единственным, кому за пятьсот лет, удалось укротить неподатливый металл.

Раскрытым секретом кузнец, понятное дело, ни с кем не делился, даже подмастерьев тут же из кузницы всех повыгонял, чтоб ничего не пронюхали. И, как это часто случается с единоличными обладателями тайн, счастливая звезда его быстро закатилась. Неустановленными личностями Лано был похищен и запытан до смерти. Фагорский кузнец успел выковать из Звериного металла лишь браслет и шпагу.

Личное клеймо Лано-Безумца и обнаружил субгенерал на клинке. Конечно, кузнец выковал массу шпаг из обыкновенной стали. Но Пэвер выявил, по крайней мере, три серьезные причины, позволяющие считать, что к нему попало легендарное изделие легендарного кузнеца.

Во-первых, обыкновенную шпагу адмиралу Фрасту не поднесли бы. А поднесли ее адмиралу в числе прочих даров жители прибрежного фагорского города Конверума, когда эскадра адмирала дымила под окнами конверумских домов на набережной, наводя фагорцев на невеселые думы о прямой наводке. Провинились же фагорцы перед гидернийцами тем, что ограбили торговый пароход, шедший по Руане из Гидернии в Бадру. Когда выяснилось, чьих рук работа, король Фагора быстренько открестился от щекотливого дельца, официально заявив, что гнусный и подлый грабеж — наглое самоуправство властей города Конверум, которые, дескать, давно разглагольствуют об отделении их провинции от Фагора и давно столичным приказам не подчиняются. Вот и был отправлен адмирал Фраст с эскадрой в придачу в Конверум — разбираться со сложной проблемой репараций и контрибуций.

Поскольку шпага золотом-серебром и камнями-алмазами не украшена, то ценность ее в ином. В чем именно, косвенно указывает надпись, выгравированная на эфесе: «Достойнейшему адмиралу Фрасту от Конверума, да обогатишься храбростью людей Начала».

Во-вторых. На самом клинке Пэвер разглядел не только клеймо Лано-Безумца, но и строку из «Прощания Рогнега» — фагорского эпоса, посвященного борьбе со Зверем: «Храбрых повел, а трусливых погнал».

«Надпись сделана самим Лано, разорви меня кабан, — уверенно заявил Пэвер. — Обратите внимание на написание апострофа после литеры „эспато“: его отменили в начале второго века, то есть задолго до рождения придурковатого Фраста».

В-третьих. Пэвер провел ногтем по темному металлу, и на клинке отчетливо проступила полоса синеватого отлива. Это совпадало с описаниями свойства таинственного металла, из которого сотворены были кости Зверя.

Все предметы, сохранившиеся от Зверя, будь то обрывки шкуры или камни из утробы, или что угодно еще, — обладали неведомой природы силой. Если два предмета соединятся вместе — любые предметы, из того, что составляло некогда единое целое по прозвищу Зверь, — то эта сила всегда, не и з м е н н о проявляла себя. Достаточно произойти соприкосновению останков, чтобы сила вырвалась наружу и... И одним лишь Таросу с Кайкатами и Наваками ведомо, что могло произойти потом. Выброс силы проходил каждый раз по-разному.

Некий Торний из Локузора написал книгу, в которой собрал случаи воссоединений частей Зверя. Конечно, трудно сказать, насколько Торний был скрупулезен в перепроверке историй, от кого-то слышанных, где-то прочитанных, но что точно — чтение получилось захватывающим благодаря детективной непредсказуемости каждого случая соединения частей. Пэвер и Рошаль привели несколько эпизодов из книги Торния. Например, браслет, выкованный Лано-Безумцем, достался в наследство брату Лано, а тот продал его некоему коллекционеру. А у последнего в собрании занятых вещей уже хранился кусок шкуры Зверя размером с ладонь. И коллекционер как-то придумал обернуть кожей запястье, а поверх нее надеть браслет. В результате чего новый владелец браслета получил для своей руки силу Зверя. Этой рукой он мог раскалывать камни, заваливать вековые дере-

вья, крушить стены, однажды стянул с мели корабль. Довольно скоро коллекционер (разумеется, нечаянно) перепутал желудочный отвар с крысиным ядом, браслет с его руки пропал, дома его не нашли, и след еще одного изделия фагорского кузнеца Лано-Безумца потерялся. Торний осторожно намекает в конце главы, что к несчастью с коллекционером приложила руку одна из служб, каковым предписано печься о том, чтобы новейшее оружие пополняло родные военные склады, а вовсе не склады потенциального противника.

Или вот еще: некий крестьянин, наслушавшись историй о чудесах, связанных с останками Зверя, и зная, что дома у него служит вешалкой Звериная кость, купил на ярмарке камень якобы со следами Звериной крови. Отдал за него половину денег, вырученных от продажи двух возов пшеницы. Вернулся домой. Жена успела лишь провыть: «Горе мне, горе», успела схватиться за ухват, но выволочку устроить не успела... Был муж, держал в руках булыжник и железку, сверкнуло, как во время Порохового праздника — и нету мужа. Да и крышу дома снесло. А незадачливый крестьянин только что видел перед собой лицо дражайшей супруги, как вдруг видит совсем другое: под ним проносятся, сливаясь в зелено-сине-сери-белые полосы, леса, реки, озера, дороги, города-деревеньки. Потом внизу пошла одна синь, в которую его и ввергло, как копье в болото. Выплыл как-то мужик, утопив взрывоопасные драгоценности, огляделся и обмер. Вокруг одна океанская вода и берегов не видать. Горемыку на его счастье заметили с проплывавшей мимо рыбацкой шхуны.

Сомнительной достоверности историй, подобной последней, набиралось в книге подавляющее большинство. О шпаге же Торний написал всего лишь, что, вроде бы как, выковав, Лано-Безумец тут же продал ее некоему вельможе то ли из Фогора, то ли из Бадры.

— Ваш клык, мастер Сварог, можете не прикладывать. Он, конечно, тоже от зверя, но от зверя размером с собаку, — съехидничала Клади.

Церковь толковала приход Зверя как еще одно проявление Тьмы, ниспосланной за грехи людские и все такое прочее, и призывала держаться подальше как от самого могильника, так и от вещей, из могильника добытых и грех впитавших. На кого-то, как всегда, вразумления церковников действовали.

Для атарцев та Битва Начала, предания о которой каждый слышал с колыбели, стала не просто частью героического прошлого. Почти каждая семья в каждой стране потеряла кого-то в те сорок дней. О Битве Начала не давали забыть могилы предков. Ни одна война не наносила такого урона. Гидернийцев же беда обошла стороной, вот для них-то, всегда с пренебрежением смотревших на Атар, Зверь и связанное с ним представлялось мифами отсталых народов. Как считал Пэвер, гидернийцы так и не раскумекали, что свалилось им в руки. А уж после того, как помер Фраст, шпага превратилась не более того чем в личную вещь «великого, по их мнению, адмирала, только тем и ценную, а по моему мнению, кстати, адмиралишка этот — напыщенный и крикливый болван, флот которого разгромила бы и флотилия плоскодонок, если такую кто-то бы удосужился собрать».

Страсти по шпаге улеглись. Завершая историю, Пэвер сказал:

— А не попробуете ли гикорат, мастер Сварог? Тут кто-то очень образованный, — Пэвер, иронически вскинув бровь, покосился на Олеса, — высказал предположение, что шпага состоит в родстве с древними предметами.

Сварог пожал плечами, дескать, отчего же не убедиться, достал из кармана рубин, поднес его к темному клинку. Гикорат, иными словами — детектор предметов, созданных до первого наступления Тьмы, должен был вблизи тех самых предметов запульсировать багровым светом. Но на сей раз рубин никак не прореагировал на шпагу. Возвращая камень в карман, Сварог наткнулся пальцами на подаренный смятенным клык.

— Ну, чтобы уж снять подозрения баронетты и избавить себя от ее насмешливого язычка... — Сварог выудил из кармана подарок юродивого. Действительно, клык величиной в полмизинца на украшение пасти знаменитой зверюги никак не тянул. — Интересное занятие, с лихвой заменяющее собирание марок и рыбалку, — ходить со шпагой и прикладывать ее ко всему, что ни...

Вспышка света ослепила, словно в каюте рванула шоковая граната.

Двумя пальцами поднося клык к темной стали клинка, Сварог почувствовал изменения. Сначала в подушках пальцев началось жжение, потом в них впились невидимые иглы, и тут же включилось что-то вроде магнитного поля: кость и металл потащило друг к другу.

Если б только один клык попал под неведомое притяжение, Сварог бы успел, но и шпагу непреодо-

лимо повело навстречу. Все произошло слишком неожиданно. Клинок и зуб на мгновение соприкоснулись. Тут-то и шарахнуло светом.

И в тот момент Сварог ощутил наплыв колоссальной мощи извне, словно могучие волны взвились на дыбы и нависли над маленьким мирком каюты, и именно эта мощь помогла ему разнять касающиеся друг друга предметы. И стоило Сварогу разомкнуть цепь, как мощь, не успев захлестнуть, откатилась, как откатывается волна от пирса.

Люди в каюте проморгались, утерли слезы и принялись озираясь. Шпагу изнутри озаряло синеватое ледяное свечение, быстро тускнеющее.

Вспышка и нутряной свет шпаги оказались далеко не единственными и вовсе уж простенькими последствиями шального эксперимента. На лакированном дереве стен, на двери и потолке появились полосы, словно пьяный шизофреник прошелся по ним газовой горелкой и оставил на память о себе выверты мутного сознания: бесноватое переплетение спиралей, кругов, молний, линий разной кривизны, поляны точек, дорожки штрихов. Обе капитанские картины валялись на полу, краска на них по краям вздулась пузырями. (За парусником, кстати, обнаружилась медная дверца с весьма причудливой формы замочной скважиной.) Крепеж откидного столика выдрало из переборки, и весь завтрак рассыпался по полу, из горлышек откупоренных бутылок на ковер вытекала «Звезда Граматара». Заклепки лампового крюка вылезли из гнезд наполовину, но крюк удержали. Створки раздвижного шкафа завалились внутрь, а их ручки словно посшибали добрыми ударами молотков... И что самое то ли неприятное, то ли насторажи-

вающее — дневничок Ксэнга превратился в горстку пепла... В общем и целом, эксперимент удался.

— Водяная смерть! — пробормотал Пэвер, достал из-за пояса пистоль и принялся зачем-то внимательно его осматривать.

Слова, вырвавшиеся у графа Гэйра, присутствующим были неизвестны, однако переводить их с русского для господ, а тем более для баронетты он посчитал излишним.

— Это другое, не так... не знаю... — потрясенно проговорила Чуба-Ху, но осеклась и задумчиво замолчала.

Да, это несомненно была магия — но совершенно не та, которую знал Сварог. Совершенно другая, чужая форма колдовства...

— Ну что, подруга, — нервно рассмеялся Олес, подмигивая на Клади, — как тебе собачка с маленькими зубками? Не хочешь с такой поиграться?

— Сам-то в штаны не наложил, князек? — Баронетта, фыркнув, отвернулась от наследника газдарского трона, подошла к развалившейся на части тумбочке, носком сапожка принялась ворошить обломки.

Рошаль поднял карту, упавшую со стены, стряхнул с нее осколки стекла — краски на ней тоже не избежали воздействия, и старинная карта превратилась в абстрактную картину. Потом задумчиво воззрился на медную дверцу.

Былого беззаботного, шалопутного настроения экипажа как не бывало.

Сварог взглянул на зуб, с которым видимых изменений не произошло, и спрятал его в карман. Клык и шпага получались детонатором и взрывчаткой, держать их следует порознь. А чувство опас-

ности, что характерно, промолчало... Или накат неведомой мощи вреда людям не несет? А состоявшиеся и едва не состоявшиеся разрушения можно уподобить неуклюжести рабочего слона, который нечаянно обрушивает дерево на любимого хозяина и кормильца?.. Короче, если и возобновлять эксперименты, то делать это следует не на корабле, а на суше и когда поблизости не будут толпиться зеваки. Лучше всего и самому укрыться в бункере, как на испытаниях атомной бомбы. Черт, если шпага и клык вместе образуют оружие, то не мешало бы, конечно, научиться им пользоваться...

— Значит, так, гуси-лебеди, — сказал Сварог, обводя взглядом свой бедовый экипаж, — хватит веселых экспериментов. Повеселились, и будя. Если вы мне сейчас же не доложите, куда мы плывем, то я разнесу к чертям ваше общество обожателей Зверей, а сам, аки тот Зверь, выйду невредимым из огня.

— Мы плывем за углем, — думая о чем-то своем, произнес Пэвер. Был он бледен и подавлен — видимо, и ему на ум приходили картинки несчастий, коих им удалось избежать.

— Я был прав, — добавил Рошаль и, прикрыв глаза, помассировал пальцами переносицу. — Угля действительно в обрез. Хватит от силы на полторы земли перехода — по крайней мере, так кочегары говорят... Разумно, ничего не скажешь. С неполной загрузкой топлива кораблик сможет выжать большую скорость и максимально быстро покинуть опасную зону вблизи Атар...

— Тут остались целехоньки две бутылки, и бокалы не разбились, — привлек к себе внимание Олес, к которому быстрее всех присутствующих

вернулся легкомудрый настрой. — Давайте, что ли, отметим, как положено, а потом и о делах поговорим...

Внимания на него не обратили ровным счетом никакого.

— Все объясняется несколько проще, мастер охранитель, — с непонятной улыбкой возразила Клади, помогая Чубе собирать с пола бутылки и остатки завтрака и сваливать, за отсутствием стола, прямиком на командирскую постель. — Гидерний-цы друг другу не слишком-то доверяют, вот и перестраховываются на случай всяких «вдруг». Вдруг капитан работает на другое государство и попытается присоединить свой корабль к флоту какого-нибудь Шадтага или Крона? Вдруг капитан под влиянием катастрофы подвинется умом, в нем проснется мания величия и, кого-то заразив своим безумием, кого-то заставив, он направит свой корабль прямо на Граматар, чтобы оказаться первым человеком на новом материке, занять там лучшее место, объявить себя королем, подготовиться к встрече с остальными? Безумие тоже исключать нельзя... Или — наиболее популярный в Адмиралтействе довод к тому, чтобы недозагружать броненосцы углем — вдруг капитан есть давно внедренный или завербованный агент Блуждающих Островов и ему приказано отвести броненосец на Острова...

— Как бы то ни было, — холодно продолжал Рошаль, — угля боевым кораблям, рассредоточенным вокруг Атара, выдано ровно столько, чтобы хватило добраться до точки дозаправки.

— Ага, значит, такая точка существует. И, как я понимаю, к ней-то мы и держим путь... Где она находится?

— Вот тут полной ясности нет, — поморщился Гор Рошаль. — К великому моему сожалению, мне не удалось повторно допросить высший и средний офицерский состав.

— Это почему? — насторожился Сварог.

— Мертвецов, знаете ли, допрашивать затруднительно, мастер капитан... Это всецело моя вина, остановить их мне не удалось...

— В смысле — тоурантцев остановить, — пояснил Пэвер, угрюмо разглядывая бутылки на кровати.

— Клаустонцев, — поправил Рошаль.

— Да ну вас к Наваке в зад, — отмахнулся суб-генерал. И вновь повернулся к Сварогу. — Когда, граф, стало ясно, что корабль уже бесповоротно наш и мы со всех ног улетаем в открытый океан, к нам с Рошалем заявили целая делегация этих ребят — все серьезные, черти, как на приеме у короля. С петицией то есть пришли. Дескать, они до конца своих дней благодарны нам за то, что мы их спасли, и впредь готовы беспрекословно выполнять любые наши приказы, однако у них есть свои законы и устои, кои надлежит чтить и выполнять, иначе гордый домен погибнет, как и остальные домены. И в соответствии с оными устоями и законами возьми да и выдай-ка им офицеров, ответственных за расстрел флота и гибель сородичей, — дабы предать убийц справедливому суду через утопление...

Сварог нахмурился.

— Их было больше, мастер Сварог, — с тоской сказал Рошаль. — Их было очень много. А нас — сами знаете... Я не сумел переубедить их. Они ничего слушать не хотели — ни того, что никто из них отродясь не ходил на таких кораблях, что среди них нет штурмана, нет даже людей, которые

умеют стрелять из таких орудий... Им было все равно. У них, мол, есть свой штурман, и не один, научиться палить из этих пушек смогут... да они готовы были потопить «Адмирал» вместе с собой — лишь бы отомстить убийцам. Я ничего сделать не смог. И, короче говоря, тридцать два офицера гидернийского флота прогулялись по доске.

В каюте повисла тишина.

— Та-ак... — потрясенно протянул Сварог. — Стало быть, мы остались без специалистов. Мило... А этот грам-капитан, как его, Рабан? Он что, тоже?..

— Единственный, кого мне удалось отстоять — это грам-капитан Рабан...

— Ну, слава Богу. Уж этот-то лис должен знать курс на угольную базу — если я хоть что-нибудь понимаю в местных порядках на флоте...

Рошаль сник еще больше. Произнес едва слышно, глядя куда-то в иллюминатор:

— Я тоже так подумал... Видите ли, мастер капитан, у него в каюте был сейф — очень похожий, — он кивнул на медную дверцу в переборке. — Мне казалось, я убедил Рабана сотрудничать. Мои доводы были неопровержимы. И он согласился отдать карты, кодовые таблицы, план минных полей вокруг точки дозаправки — в общем, всю секретную документацию...

Сварог тяжело вздохнул. Он уже все понял.

— И что это было? Магия?

— Да какая магия... — махнул рукой Рошаль. — Гидернийцы всегда относились к колдовству с пренебрежением, а уж военные-то моряки и подавно. Мол, всякие там заговоры, заклинания, обереги, серебро — все это только воевать мешает... Это был пороховой заряд в дверце сейфа. Голову Раба-

ну снесло начисто... Видимо, была какая-то секретка...

— Да уж не без того. — Сварог помолчал. — И документация, разумеется, сгорела тоже?

— Разумеется.

— Действительно, чего это я спросил... — фыркнул Сварог.

Рошаль вдруг резко повернулся к нему, глаза старшего охранителя несуществующей короны горели решимостью. Он сказал громко и четко:

— Мастер капитан, я полностью осознаю свою вину. Я человек чести, и если вы решите, что я недостоин...

— Ай, да бросьте вы, — скривился Сварог. — Ворон ворону глаз выклевал, только и делов-то. Взыскание получите, когда доплывем, и так людей не хватает... А позвольте в таком случае узнать, куда это мы так целенаправленно плывем?

— Ну, п р и м е р н ы й курс известен — сто двадцать кабелотов на уздер от Гидернии, по словам некоторых низших офицеров и матросов.

— А что скажет секретный агент Гидернии?

— Доходили такие слухи, — подтвердила Клади, — что гидернийцы давно свозят уголь в определенное место в океане. Но координаты этого места — общегосударственная тайна. Да я бы все равно и не знала их, рангом не вышла...

— В общем, движемся малым ходом, наблюдающие постоянно изучают горизонт... мы нашли несколько карт и штурманских прокладок, но, однако, база на них никак не отмечена... Продолжаем искать, — подытожил Рошаль. И задумчиво посмотрел на дверцу в стене. — Капитанскую каюту, кстати, пока не трогали...

Сварог проследил за его взглядом.

— Очень похожий на тот сейф, говорите... А к этому ключ есть?

— Ищем...

— А вроде у меня есть, — неожиданно подал голос молодой князь и потянул с шеи тонкую блестящую цепочку. — Во, с дохлого капитана снял — думал, может, от сундука с семейными драгоценностями...

Сварог, прищурившись, поглядел на подавленного Рошаля, потряс изящным ключиком у него перед носом и сказал назидательно:

— Учитесь, монстр контрразведки. Молодежь-то вам на пятки наступает...

Старший охранитель зло отвернулся.

— Э, э, граф, вы что это задумали? — забеспокоился Пэвер. — Хотите, чтоб и вам голову оторвало?

— Ну, если это не магия, то не оторвет, — скромно заметил Сварог. — Я, видите ли, граф, трудноуязвимый... Короче, делаем так, орлы. Сейчас быстренько перекусим — есть охота, сил нет, — кратенько отпразднуем победу над красотой и гордостью гидернийского флота, а потом я вас всех выгоню, к лешему, из каюты и самолично пошарю в капитанских закромах. Задача ясна? Мастер Пэвер, не ухмыляйтесь столь радостно. Клади, помоги Чубе мясо и сыр нарезать. Олес, где бокалы?

...К счастью, в капитанском сейфе никаких секретов не было — что лишний раз наводило на мысль о том, что простому особисту на борту даже военного корабля известно больше какого-то там капитана.

Содержимое же сейфа, вываленное на реставрированный стол в каюте, оказалось полезным и познавательным (по крайней мере, для Сварога, который был не бельмеса в морском деле), однако, против ожидания, никаких совсем уж поразительных открытий и сюрпризов не принесло. Содержимое было именно таким, каким и положено быть открытым судовым документам — пресным и сухим. Лист принятых на борт грузов, состав вооружения броненосца, скорость хода, дальность действия, состав гидернийского конвоя — сто шестнадцать гражданских судов под прикрытием дивизиона парусных клиперов и дивизиона спецсил (читай — одиннадцати броненосцев... Одиннадцати — ого!), названия кораблей и судов, краткие характеристики, такие-то рекомендации действий экипажа при таком-то развитии событий, при другом — такие-то. При третьем. И четвертом. И так далее, и тому подобное...

— Молодцы гидернийские штабисты, ничего не скажешь, хоть и сволочи, — сказал Рошаль, разбирая бумаги. — Все просчитали. Их Адмиралтейство, должно быть, не один месяц потратило на отработку Исхода.

— Или не один год, — согласился Сварог.

Так, дальше. Зоны ответственности, базирование мобильного штаба Адмиралтейства, базирование двора короля Трагора, силуэты всех кораблей конвоя...

— Вот, мастер капитан, — смотрите, это уже интереснее.

Сварог принял из рук суб-генерала два листка мелко исписанного текста — в конверте плотной бумаги со сломанными печатями и устрашающей надписью: «Боевое задание. Вскрыть 06.04.512 в присутствии грам-капитана корабля» — и оживился.

— Ага! Ну-ка, ну-ка...

«До 09.04.512:

Регламентные работы в порту Каран, полная загрузка боеприпасами и провиантом, частичная загрузка топливом...

10.04.512:

Отход в Час Кошки ровно. Беззигзаговый пункт до устья реки Улак на экономическом ходу 150 крыльев*. Пройти за сутки...

11.05.512 — 16.04.512:

Рейд в трех кабелотах на бисту от устья реки Улак. Уничтожение скверны в пределах видимости вооружением по выбору. По исполнении — контроль за исполнением...

17.04.512 — 23.04.512:

По исполнении контроля переход до пункта дозаправки, пятьсот ходовых кабелотов от контрольной точки курсом 22. Контрольная точка — левый траверз мыса Потерянных Душ** в Час Лаплатога ровно. Прибытие на место дозаправки без потери хода не позднее полуночи 22.04.512. Оpozнaвание, сигнальные флаги по коду „С“, троекратно пароль „Стрела“ дискретом бакового прожектора. Дозаправка в авральном режиме, отдых до полуночи 23.04.512...

С 23.04.512:

Следование курсом 150 полным ходом. Догон конвоя, присоединение к нему. Доклад Адмиралтейству. Боевое дежурство до окончания похода...»

— Что это вы улыбаетесь? — подозрительно поинтересовался Рошаль.

* Соответствует примерно 30 узлам (55,5 км/ч).

** Южная (кузовая) оконечность острова Гидерния.

— Да вот, родным духом повеяло, — признался Сварог. — «По исполнении — контроль за исполнением», «Базирование двора» — узнаю милый сердцу командирский стиль. Как видно, ни в одном мире без таких перлов не обойтись...

Рошаль нахмурился.

— Стиль как стиль. Мне, например, все ясно.

— Да? А что такое «беззигзаговый пунктир», вы знаете? Я, например, нет.

— И я нет, — безмятежно сказал прощенный охранитель. — Но клаустонцы клялись, что у них есть толковый штурман — вот пусть он и разбирается. Зато теперь нам точно известно, что угольная база существует, нам известен курс...

— Так-то оно так, — сказал Пэвер, — но любопытно было бы узнать, не встретят ли нас около базы дружеским салютом из всех орудий прямой наводкой... Ведь насколько я понимаю, что такое опознавательные флаги по коду «С» и троекратный пароль «Стрела» каким-то там дискретом и прочие планы минных полей — вся расшифровка благополучно сгорела в том сейфе? Я не подначиваю, мастер Рошаль, я серьезно спрашиваю...

Рошаль на мгновение прикрыл глаза. Потом сказал раздумчиво:

— Думаю, мы будем первыми. Думаю, время отхода броненосцев после уничтожения флотов других государств назначено для всех одно и то же — когда на берегу делается совсем уж жарко и станет ясно, что больше ни один чужой караван в океан не уйдет. А мы находимся ближе всех к базе...

— Как бы то ни было, — сказал Сварог, — другого пути у нас нет? Нет. Значит, нам туда дорога.

А более ничего интересного в сейфе не оказалось — ну разве что кроме Кодекса мореплавания Гидернии и книжицы в цветастой обложке. Книжица называлась «Серебряный удар», Сварог открыл на середине, прочитал абзац вслух:

— «В голове Кирфы все помутилось при виде кошмарного зрелища. Клинок из великолепного вильнурского серебра распорол брюхо монстра от горла до паха, и едва Ларос успел отпрыгнуть в сторону, как на гранитные плиты моста хлынули черным склизким потоком дымящиеся гнилью внутренности этого порождения мрака...» — Захлопнул книжицу, посмотрел на обложку, хмыкнул понимающе: — «Брюхо от горла до паха», н-да... Ну, тут все понятно. Стиль как стиль, как выразился досточтимый мастер охранитель... И это, заметьте, только середина романа — что-то дальше будет... — На обложке некая тварь с дюжиной щупальцев и единственным глазом, торчащим из середины шишковатой головы, как изюмина из теста, похотливо обнимала полуобнаженную блондиночку. Блондиночка отчаянно вырывалась, красиво разевая рот в немом вопле. — Национальный гидернийский бестселлер, не иначе. Шторм-капитан-то, оказывается, был человек с тонкой душевной организацией...

— А название хорошее, — вступился за литературу суб-генерал.

— Классное название. — Сварог бросил книгу обратно в сейф, порывисто поднялся на ноги. — Ладно, морские волки, по коням, время не ждет. Где там этот ваш гениальный штурман? Свистать его в рубку, за работу пора. Заодно и карту Ваграны отдадим. пусть кумекает. А что на базе нас ждет — увидим...

Глава седьмая

Пролетарии секстанта и транспорта

— Так... На траверзе Каменного Пальца* тридцать градусов по Волчьим Звездам... двести пятьдесят кабелотов ниточным курсом...

— Как ты траверз-то определишь, акулья морда, — проворчал дож клаустонцев, склоняясь над штурманским столом, — потоп ведь давно твой Палец.

— И то верно... Нет, постойте, скорость-то наша известна — высчитываем время до места, а там и определимся по Звездам.

— Пожалуй. Значит, ночью надо подходить, чтоб небо звездным было.

— Ну так подойдем.

— А если облачность? Видел, что вокруг творится?..

Еще вчера новоиспеченные штурманы быстро рассчитали нужный курс на угольную базу. Оказалось, «Адмирал» отклонился от курса на несколько десятых градуса, что в масштабе океана выглядело, в общем-то, внушительно. Сварог приказал рулевому внести поправку, и теперь по всему получалось, что «точки дозаправки» они достигнут дней через пять. Если ничего не случится. Покончив с базой, штурманы вплотную приступили к Бумаге Ваграны — и погрязли в ней всеми лапами, как муха в варенье. А вот Сварог, принесший вожделенную карту в ходовую рубку, откровенно ску-

* Каменный Палец — кузовая оконечность Гаркатского хребта, высокая одиночная скала на самом берегу, видимая издали практически в любую погоду и потому являвшаяся постоянным береговым ориентиром для мореходов.

чал. В увлеченном диалоге свежесвыбранного дожа Только и юного тоурантца с шелушащимся, будто обветренным лицом он участия не принимал по причине полного неразумения в штурманском деле, а покидать ходовую рубку считал поступком политически неверным — негоже показывать подчиненным, что ты ни хрена не понимаешь в искусстве прокладки курса... Вот и приходилось сидеть с умным видом и делать вид, что ловишь каждое слово, дабы в любую секунду вмешаться с крайне ценными замечаниями.

Штурманы на мастеров шторм-капитана и грамм-капитана, слушающего их высоконаучную белиберду с не меньшим интересом, внимания не обращали: обложившись картами, они самозабвенно орудовали карандашами, линейками, измерителями и прочими курсографами, поминутно сверяясь с закорючками на Бумаге Ваграны и споря о значении того или иного на ней обозначения.

Новый дож Сварогу, в общем-то, понравился. Естественно, в дожи его выбрали не за одно только пятилетнее пребывание в матросах, пусть и старших, на пароходе «Герцог Джунгар». Дор из рода Только плавал всю сознательную жизнь, с босоного детства и до своих сорока с чем-то там лет. Подобным мареманским стажем поразить соотечественников он, ясное дело, не мог — многие тоурантцы (про себя Сварог предпочитал называть их тоурантцами, в глаза же, по совету Рошаля, именуя клаустонцами) только и видели в своей жизни, что причалы, реи, паруса, кильватерный след, палубы рыбацких или транспортных суденышек да берега в подзорную трубу... Но, кроме Только, на пароход доселе не поднимался ни один.

Впрочем, одного знакомства с пароходом было недостаточно для того, чтобы стать предводителем клаустонских родов. Народ еще должен уважать своего избранника. Или бояться. А лучше и то, и другое.

Видом-то он на дожа никак не тянул. В представлении Сварога дож должен быть длинным, худым, высоколобым мужем со смуглым лицом и короткими седыми волосами. Еще желательно, чтобы лоб украшали глубокие морщины профессионального мыслителя, а голову — лавровый венец. У Тольго же была типичная боцманская наружность: невысокий, плотный, с бычьей шеей, пудовыми кулаками и хитрющими глазенками. Сразу становилось понятно, что в ухо от него получить — пара пустяков. Однако Тольго сразу показал себя и смекалистым малым, схватывал на лету и морское дело знал, как профессор математики — таблицу умножения. Ощущение хитрецы исходило не только от лукавого прищура глаз. Все его продубленное лицо со сломанным носом и с треугольным шрамом на щеке выглядело насквозь плутовским. Создавалось впечатление, что даже если он чего-то не говорит, то наверняка знает, но по каким-то причинам держит при себе. Впечатление о себе как о хитроване Тольго вольно или невольно усиливал, щедро пересыпая свою речь матросскими поговорками, пословицами и прибаутками типа «Бывает, что и килька Бумагой Ваграны хвалится, да только мы не видали», «Акулу в море не утопишь». Казалось, он по привычке битого, нахватавшегося жизни простого мужика всегда уходит с прямой, виляет, чтобы, не дай Боже, не ухватили за хвост.

— А вот это вот что за штрихпунктиры, интересно знать... — бормотал обветренный юнец, позвякивая гроздью серебряных висюлек в мочке уха.

— Э-э... в прошлом Цикле так, по-моему, обозначали теплые течения...

— Ерунда, дож, — презрительно отмахнулся юнец. — Бред свинячий. Они, видите, как идут и где обрываются? Не бывает таких течений, даже если Тьма и конец света... А, ну да, кажется, начинаю понимать...

Самое удивительное, что Тольго сносил грубость подчиненного вполне спокойно. — словно так и должно быть, словно и в помине не было никакой субординации в домене Клаустон...

Мастер грам-капитан Рошаль, развалившийся в кресле рядом со Сварогом и с едва заметной улыбкой за Сварогом наблюдающий, сказал негромко, перегнувшись через подлокотник:

— Не обращайтесь внимания, мастер капитан. Малыш Кулк хоть и нагловат, но парнишка тертый и штурман вроде бы недурной.

Опять, что ли, мысли читает, сволочь глаза-стая?..

— Семь лет под слепым флагом ходил, — встал, потянулся всем телом тертый парнишка, услышав, что речь отцов-командиров зашла о нем, и ухмыльнулся во весь рот. — И до Ревущего Атолла добирались, и через Огоньки Стерра трижды проходили — ничего, выжили, так что океан знаю, как язык зубы знает.

— Работай давай, язык, — нахмурился Тольго. — А то ведь без зубов оставлю.

— А слепой флаг — это как? — спросил Сварог. Кулк смущенно потупился.

— Ну это... то есть когда вообще без флага плаваешь...

— Понятно. Пиратствовал, значит.

— Было такое дело, чего уж там...

— Что, и Блуждающие Острова видел?

— Лично я — нет, мастер капитан, тут врать не буду, но остального насмотрелся — на десять книжек хватит. А вот другие встречали... Темное дело, доложу я вам. Говорят, эти, с Островов, рыбами и всякими морскими тварями повелевать умеют, никакая магия их не берет, как навалятся всей толпой вместе с акулами, так...

— А на карте Ваграны разве они не отмечены? — бесцеремонно перебил Сварог.

— Где?

— Да вот. — Он поднялся, ткнул пальцем в заштрихованный кружок на одном из пунктирных эллипсов, который в свое время, еще на борту «Парящего рихара», принял за обозначение острова.

Дождь и Малыш Кулк переглянулись, после чего дождь несмело произнес:

— Н-ну... не знаем, мастер Сварог... вот только нам кажется, что это не остров. Нам кажется, что это области проявлений Темной магии — так их всегда отмечали, испокон веков...

— Значит, не остров?

— Нет...

«Ай-ай-ай», — подумал мастер капитан и, сказавши: «Что ж, вам виднее», — вернулся на место. Жаль. Красивая была теория. Учиться вам еще и учиться, ваше величество...

— Ну так что, корсары вольных морей, безопасный курс до Граматара определить сумеете? — гроз-

но сдвинул брови Гор Рошаль, уводя разговор на другую тему и тем самым явно спасая честь командира.

— В спокойные времена — запросто, — сказал Кулк. — Чего там прокладывать, плыви себе по прямой, аккурат и выйдешь. Островов в океане мало, плохих мест — вобла, извиняюсь, написала, банки наперечет. А вот сейчас... — Кулк почесал карандашом за ухом. И сказал очень серьезно: — Тьма разбудила глубины океана, мастер Рошаль. И оттуда такое может всплыть, чему и названия-то нет в людском языке... Да и не только всплыть. Старики рассказывали, что открываются щели между мирами, а уж кто вылезет из этих щелей — одному Пресветлому известно...

Сварог тут же сделал стойку.

— Ладно байками пугать, пуганые! — шелкнул измерителем дож Тольго. — По оба борта вода одного сорта... А у нас Бумага Ваграна есть, тут все опасные места отмечены, фарватер проложим — и доплывем. Ты еще про Солёный Ключ вспомни...

— Погодите-ка, мастер дож. — Он повернулся к Кулку. — Что еще за щели между мирами?

— Ученые люди так говорят, — сказал Кулк. — Ведь целый материк, не островок какой-нибудь, под воду уходит, правильно? Значит, должны быть... эти, как их... тектонические сдвиги, во, гигантские волны, какие-никакие перемены в климате, правильно? А ведь ничего этакого нету... А вот почему. Потому что законы мира меняются, новые какие-то возникают, и вся энергия на эту ломку уходит — на шторма и бури силенок уже не остается. Так и появляются щели в другие миры, Белая

Зыбь, Пурпурный Странник, Пенная Мама, нежити и прочие страсти...

— Энергия, сдвиги хретонические... — пробурчал под нос Тольго. — Слова-то какие... Ученые тебе наговорят, ты их слушай больше.

— Сами же рассказывали...

Сварог молча перевел взгляд на дожа, и под его взглядом клаустонец потупился. Сказал неохотно:

— Ну, видел... Только откуда мне знать, что это именно щель была, а не марро́г* какой... — Он отложил инструменты и откинулся на спинку кресла. Прищурившись, посмотрел куда-то вдаль в иллюминатор. — Ну, в общем, где-то месяца два тому вышли мы на «Морском быке» из устья Руаны, двинули домой. Гидернию по правому борту держим, в обход идем — через Редернейский-то залив не пройти, там эти сволочи фарватер перекрыли зачем-то, корабли шастают туда-сюда... Ну и день на пятый... Точно, на пятый, мыс Потерянных Душ на горизонте синее, океан спокойный, ветер попутный, хорошо идем, вот только вода мутная и рыбы дохлой полно... И вдруг вахтенный на марсе как завопит! Все на палубу высыпали. А прямо по курсу — пятно такое из воды торчит — стоймя! — с парус размером, черное, вроде кляксы. И вроде бы плотное, как бархат, колыхнется на ветру, но нет — видим, дырка это самая натуральная, потому как вода в нее так и хлещет, аж со свистом, как в кингстон... В общем, полное впечатление, мастер капитан, что кто-то ножницами взял да и отчекрыжил кусок из холста, а там,

* Морской мираж, фата-моргана. По морским поверьям, как правило, является предвестником несчастий.

на другой стороне, — беспросветная ночь и даже звездочки видны... И мы в эту дыру напрямик направляемся. Капитан лево руля орет, а рулевой уже сам штурвал вертит, приказа не дожидаясь. Еле разминулись... Только я вот думаю, что это обыкновенный маррог.

Сварог, играя полное спокойствие, закурил. Очень, господа мои, оч-чень, знаете ли, нарисованная дожем картина напоминает виденное им самим в Потоке — черная пустота и далекие огоньки иных миров... И заметьте: в отличие от тех выходов на Тропу, о коих рассказывал Пэвер, здесь ничего из дыры не появлялось, наоборот — туда засасывало. Таки выход в Поток — посреди океана? Интересное кино...

— На карте эти щели есть? — спросил он.

Дож в сомнении покосился на Бумагу Вагранна.

— Может, и есть, мастер капитан, — ответил Малыш Кулк. — Точно не сказано. Просто отмечено, что вот здесь гиблое место, здесь опасайся проявлений Темных сил, а вот тут надо идти с такой-то скоростью и таким-то галсом, а почему так — непонятно...

— Ясно, — сказал Сварог. И вздохнул: — Будем искать...

— Только никакой это не маррог был, — продолжал Кулк, — другие тоже видели — точь-в-точь как мастер дож описал. Повезло еще, что они днем на эту дыру напоролись, а вот если б ночью...

— Ночью — беда, это точно, — с непонятной интонацией согласился Рошаль. — А что такое Соленный Нос?

— Не что, а кто, — поправил Малыш Кулк. — И не Нос, а Ключ...

— ...то есть очередная морская байка, — в тон ему добавил Тольго. — В море-то бывал, а воды не видал.

— Очередная морская правда, — обиделся Кулк. — Вы, мастер дож, по рекам все больше плавали, океан только в подзорную трубу изволили видеть. А я семь лет на берег разве за провиантом сходил... Соленый Клюв такая же была, как Черный Пират или Флотилия Шьюбаша Проклятого. Сам Однорукий Ло видел людей верхом на дельфинах, едва ноги унес, а уж он-то врать не будет, даже судье, обет у него такой до конца дней...

Бумага Ваграна была забыта. Отложив карандаш, Малыш Кулк скрестил руки на груди и принялся вещать.

Пожалуй, тут дож Тольго оказался прав: рассказ Малыша выглядел настолько же правдоподобным, насколько таковыми казались фантастические романы времен покорения неба посредством стратостатов.

...Полтора столетия назад некий ученый лоб из Фагора по имени Сиргамас задался благороднейшей целью спасти человечество от массовой гибели и одичания, а говоря точнее, создать человечество новое. Как водится — идеальное. Где людям не грозит погружение материка? Только в море. Значит, человек должен стать двоякодышащим. Значит, надо скрестить человека и какое-нибудь морское животное. В качестве образца Сиргамас выбрал тюленя — как, по его разумениям, наиболее родственное из морских тварей человеку. И что вы думаете — скрестил. Не сразу, конечно, получилось, сотню подопытных каторжников утробил — из тех, кого выкупал из пожизненного на серебряных руд-

никах, однако лет эдак через тридцать кропотливых изысканий таки получилось. Наштамповал штук семьдесят ихтиандров и организовал коммуну на блокшивах* в море. Объявил себя царем и богом, стал проповедовать послушание, чистоту и нравственность — в общем, все как полагается... А потом, в полном соответствии с законами жанра, амфибии подняли народное восстание, ученого то ли сожрали, то ли попросту утопили, а сами принялись разбойничать и нападать на торговые суда. Подплывают втихаря, команду вырезают, все что есть ценного на борту, включая женщин и детей, оставляют себе, потом открывают кингстоны — и буль-буль...

— ...До сих пор, говорят, промышляют, не передохли, — зловещим голосом закончил Малыш Кулк. — А главный у них — тюлений сын по прозвищу Соленый Ключ...

Иными словами, идеи товарища Беляева и прочих фантастов-соцреалистов живут и побеждают. Даже на Димерее, подумать только...

Сварог едва сдерживался, чтобы не расхохотаться, слушая сию печальную повесть. Даже Рошаль, сама невозмутимость, по окончании страшилки позволил себе хмыкнуть и погоревать:

— Эх, нашего бы Пэвера сюда. Уж он бы нашел достойный ответ из сухопутных баек. До самого б Граматара языками чесали...

— А про Мокрую Деву слышали? — вконец разошелся Малыш. Глаза его горели совсем уж детским азартом. — В самую темную ночь, если полный штиль, вахтенный рулевой вдруг слышит го-

* Блокшив — корпус разоруженного судна, приспособленный для жилья, хранения запасов и т. д.

лос — как будто зовет его кто-то по имени. И нет чтобы разбудить капитана, так он бросает штурвал, подходит к фальшборту и...

— Так, ну ладно, голубь ты мой говорливый, — изо всех сил сохраняя на лице долженствующее серьезное выражение, хлопнул себя по коленке Сварог. — Сам бросай штурвал. Суши весла и стопори машину. Сколько времени вам надо, чтобы закончить с курсом?

— До вечера должны управиться, мастер капитан, — расстреливая юнца гневными зырками из-под насупленных бровей, ответил дож. — Больше задержек не будет. Прошу прощения...

— Добро. Работайте.

Сварог поднялся, поманил Рошалья. Вместе они вышли на палубу. Закрывая за собой дверь в рубку, он успел расслышать начало ласковых поучений дожа, в которых, для затравки, поминались мама и бабушка Кулка, а также некоторые особенности половой жизни их обеих с морскими червями и крабами. Надо бы его — Тольго то бишь — боцманом назначить, умеет с личным составом ладить...

Сварог облокотился об ограждение палубы. Соленый ветер отчетливо пах гарью. Небо было затянуто тучами, на наудере, там, где оставался Атар, еще полыхало багровое зарево в полнеба. Так вот почему нет цунами и прочих катаклизмов на море — энергия уходящего под воду материка преобразуется в магическую... интересно бы узнать, в какие именно формы магии. Хотя ясно, что ничего хорошего от них ждать не приходится.

— А ведь я что-то такое об этом Сиргамасе слышал... — задумчиво сказал он.

— Когда изволили проезжать лесной дорогой из замка Таго к Митраку, — преспокойно напомнил бывший старший охранитель короны Гаэдаро. — Кусок документа около трупа со снятой кожей...

Сварог обернулся. Гор Рошаль безучастно глядел на затянутый серой пеленой горизонт.

— Ах черт, конечно! Так вы тоже видели послание?!

— А как же, — усмехнулся тот. — Такова, видите ли, была моя работа — знать, что происходит в княжестве... То есть происходило.

— Почему же мне не сказали?

Рошаль пожал плечами.

— Потому что гонец немного опоздал. Если помните, письмо было адресовано некоему Комадорну. А так звали одного из моих предшественников на посту старшего охранителя... Сто три года назад. Он интересовался всяческими научными разработками в других странах.

Сварог честно пораскинул мозгами и признался:

— Нет, не понимаю. Сто три года? А в этом... документе явно говорилось, что некий Сиргамас только что закончил работы... — он напряг память, — по созданию диверсионного боевого отряда двоякодышащих. Только что!

Рошаль опять пожал плечами, не отрывая задумчивого взора от горизонта.

— Я не ученый, мастер шторм-капитан, я сторожевой пес. Дыра во времени, искривление темпоральной оси, сдвиг по временной фазе — назовите как хотите. Или придумайте иное объяснение. Любое годится. Перед наступлением Тьмы и не такие чудеса случаются. Вы не слыхали, например,

о Прозрачных Шпионах? Напомните как-нибудь, расскажу, прелюбопытная байка, не хуже Соленого Клюва.

— Н-да уж... Значит, этот отрок, который под слепым флагом плавал, не врал? Люди-рыбы существуют?

Рошаль пожал плечами в третий раз и промолчал.

— Дела... Кстати, — вдруг вспомнил Сварог и посмотрел на мачту, — а вот интересно, коллега капитан, мы-то сами что, продолжаем идти под флагом Великой Гидернии?

Грам-капитан обнажил зубы в оскале:

— Гидернийская тряпка спущена тоурантцами и уничтожена посредством топтания ногами, рвения в клочья и предания клочьев огню. Мы продолжаем идти вовсе без флага.

— Эт-то не дело, — нахмурился Сварог. — Корабль без флага не корабль... Особенно если будет бой на дозаправочной базе. Мы ж не пираты, в конце концов.

— Согласен. Заодно и название неплохо бы поменять. «Адмирал Фраст» в свете недавних событий не звучит.

— Согласен. Какие имеете соображения на этот счет, грам-капитан Рошаль?

— Может быть, флаг Гаэдара, шторм-капитан Сварог? Или предпочитаете свой фамильный флаг?

— Отнюдь, грам-капитан Рошаль, я не настолько самолюбив. Да и Гаэдара, позвольте напомнить, уже нет.

— В таком случае позвольте взять время на обдумывание, шторм-капитан.

— Позволяю, грам-капитан.

Они посмотрели друг на друга — и вдруг рассмеялись, совсем как добрые приятели. И Сварог неожиданно поймал себя на странном чувстве: если раньше он просто знал, что у них все получится, то теперь он в это поверил...

И, как всегда, все испортил Рошаль. Было хорошее настроение — и нету. Смеяться он резко перестал, задрал голову и внимательно оглядел мачты.

— Что опять не так? — спросил Сварог, предчувствуя недоброе.

— Птицы, — тихо сказал Рошаль. — Птицы куда-то делись... Улетели все. Не хотят с нами дальше плыть, решили самостоятельно добираться до Граматара... Дурной знак, а?

В самом деле, о недавнем засилье пернатых свидетельствовали многочисленные следы их помета, а сами птички как испарились.

— Да и черт с ними, — решительно сказал Сварог. — Их проблемы, пусть как хотят, так и добиваются... А вот как вам название для нашего кораблика — «Серебряный удар»? По-моему, звучит.

— Это из той книжки, что ли? — думая о своем, спросил Рошаль.

— Ну да. Пэверу, кстати, оно понравилось.

Рошаль прикрыл глаза, мысленно перекатывая название в голове. Потом опять улыбнулся, вот чудо-то, и кивнул.

— Отлично, мастер шторм-капитан. Мне тоже нравится. В меру угрожающе, в меру красиво... И раз уж у нас пошла мода на переименования и смену флагов, советую и наши с вами должности изменить.

— В смысле?

— Ну, не то чтоб мне не нравится зваться грам-капитаном... Однако это неверно с политической точки зрения. Каково, по-вашему, будет тоурантцам обращаться к вам «мастер шторм-капитан»?

Сварог поразмыслил минуту. В словах старшего охранителя был резон. Это все равно, как если б после войны, той, которая Великая Отечественная, в Красной Армии вдруг ввели эсэсовские соответствия «товарищ штандартенфюрер», «товарищ группенфюрер»...

— И как вы предлагаете нам называться?

— Пока не знаю.

Сварог в бытность свою десантником носил звание майора, что в военно-морском понимании, как известно, соответствует званию капитана третьего ранга. Однако является ли Сварог по-прежнему офицером Советской Армии? Отнюдь. Значит, вышел в отставку — и плевать, что не жал руку кадровик, что не было утопления звездочек в кружке со спиртом, что не одолевали тоскливые мысли о своей непригодности к «гражданке»... Отставка, если это не вышибание из рядов (а Сварога ведь никто не вышибал!), неизменно сопровождается присвоением очередного звания. Значит, он смело может считать себя подполковником, то бишь — капитаном второго ранга или, совсем уж по-флотски выражаясь, кавторангом.

— Тогда я у вас получаюсь кавторанг.

— Тяжелое словцо, — покачал головой Рошаль. — И легкомысленное. И похоже на Кадранга. Так звали одного наемного убийцу в Гаэдаро. Зарезал золототорговца Умлада, нескольких перепродавцов горького мха и предпоследнего алькалида Митрака. Даже успел в Фагоре отметить —

убил протодесния Россо... Он плохо кончил. Я самолично ставил подпись под его приговором, а батюшка нашего дорогого Олеса лично загнал первый гвоздь в его колено.

— Это сокращение. Полностью звучит — капитан второго ранга.

— Что ж, другое дело, — пораздумав, сказал Рошаль. — Внушает это... субординацию. Невольно подбираешься, проверяешь правильность посадки головного убора и расстояние между брюхом и ремнем.

— А для тех, кто не любит долго говорить, и для экономии собственного времени разрешаю употреблять сокращение «маскап», что означает мастер капитан. Против маскапа есть возражения?

— А как тогда мне зваться? — сказал Рошаль. — Я тоже в некотором роде капитан...

— А вы будете масграмом, — милостиво разрешил Сварог. — Сойдет?

Возражений не последовало.

— Поздравляю с назначением, масграм, опыта в этих делах вам не занимать. До сих пор вспоминаю с некоторым даже уважением, как ловко вашему ведомству удавалось отрезать население Гаэдаро от правдивой информации о надвигании Тьмы... Кстати, все спросить хотел, а почему тем не менее дозволена была одна-единственная газета? Как ее там...

— «Шадтагский вестник», — подсказал Рошаль.

— Во-во. Ведь что с ней, что без нее... Видимость либерализма? Тогда проще было свою газетенку организовать, насквозь подконтрольную. Политический реверанс в сторону Шадтага, без которого легко можно и обойтись во имя жизненно

более важных интересов Министерства правды? Или, — Сварог пристально взглянул в глаза бывшему старшему охранителю, — иные интересы тому причиной?

— Иные интересы, — выдержав взгляд, усмехнулся Рошаль. — Интересы, ушедшие в прошлое. Интересы, которые на сегодняшний день стали уже глубокой историей периода последнего Прихода Тьмы... Что ж, теперь можно и поворошить прошлое...

Видимо, охранитель по своему опыту знал, что, если в чем-то небезосновательно подозревают, но твоя вина ничтожнее тех домыслов, которые могут сложиться в умах, лучше сознаться. Тем более когда бывшие связи и отношения уже не имеют для настоящего никакого значения.

Сварог правильно догадался, что любое запрещение или разрешение в Гаэдаро зависело лично от старшего охранителя. Герцога можно было убедить в чем угодно. Он представлял собой полное ничтожество, настолько полное, что, провластуй он самостоятельно, без направляющей руки хотя бы год, княжество разодрали бы в клочья. В первую очередь, не растерялся бы Нур, который давно точил зубы на соседа. И только появившись такая возможность, Нур оттяпал бы у Гаэдаро как можно больший кусок, тем самым увеличив свою границу с Шадтагом. А слолав Гаэдаро, Нур направил бы утоление волчьего аппетита опять же на Шадтаг. Поэтому Шадтаг был заинтересован, во-первых, в сохранении княжества как буфера между собой и Нуром, а во-вторых, в дружеских отношениях с вотчиной Саутаров.

Поэтому разведкой Шадтага была разработана и блестяще проведена операция по внедрению своего

человека на пост старшего охранителя княжества Гаэдаро, которому поручалось полностью подчинить своему влиянию князя Саутара... Строго говоря, Гор Рошаль являлся персоной влияния государства Шадтаг на государство Гаэдаро.

— Я, представьте себе, мастер Сварог, — один из самых охраняемых секретов Шадтага. Хотя бы потому, что о моем существовании знал всего один человек, начальник шадтагской разведки. И больше никто...

Разрабатывая операцию на годы вперед, они пришли к выводу, что следует исключить малейший риск для Гора Рошалья, поэтому остановили выбор на односторонней связи. Он получал новые задания и инструкции, но сам не отсылал никаких отчетов, докладов, запросов. Да, сообщения он получал через газету «Шадтагский вестник» — единственную газету, благодаря его же усилиям разрешенную в Гаэдаро. Чтение газеты входило в его обязанности, надо же охранителю знать, не содержится ли в ней вредных мыслей, поэтому ни у кого не могло возникнуть ни малейшего подозрения. Особенно внимательно Рошаль просматривал раздел «Объявления» — имелся экстренный канал связи с куратором, но им он так и не воспользовался.

— А накануне Прихода Тьмы стали поступать новые поручения, отличные от предыдущих, — сказал Сварог.

— Вы, как всегда, правы, — подтвердил Рошаль. — Шадтаг требовал от меня, чтобы как можно больше гаэдарцев не покинули Атар. Впрочем, и без моего влияния на Саутара тот делал все, чтобы Шадтаг остался доволен. Поверьте, к появ-

лению в голове князя проекта «Парящий рихар» я не имел никакого отношения. Между прочим, единственный раз, когда я не смог бы его от чего-то отговорить, даже если бы захотел — это проект «Парящий рихар». Мы все служим своей стране, мастер Сварог, но когда вдруг понимаешь, что ее правители и политики ничуть не лучше властителей и политиканов других стран...

— Только не говорите, что вы спасали бы гаэдарский народ, если б не неожиданное упрямство Саутара.

— И не собирался, — удивился Гор Рошаль. — С чего вы взяли? Я решил спасти самого себя. Махнуть на «Рихаре» с сундуком древних предметов. Получалось, князь готовил «Рихар» для меня, думая, что готовит для себя.

«И Олес думал то же самое, что Рошаль, только подставляя себя на место охранителя, — подумал Сварог. — В результате улетели оба... ну, и я в придачу».

— Первоначально вы задумывали бегство в Гидернию?

— Да, верно. Но я, признаюсь, колебался, не зная, что предпочесть. Родной Шадтаг, но заведомо более слабый и потому с незавидными шансами на Граматар, или Гидернию, сильную, но чужую, для которой я навсегда останусь, если сразу не расстреляют, чужаком. И тут подвернулся такой случай. Ко мне в руки попадает тагорт. Перебраться на непотопляемые Блуждающие Острова с сундуком древних предметов... заманчиво, не правда ли? Про Гидернию и Шадтаг я тут же забыл.

«Если уж расставлять все точки, следовало бы поговорить с мастером охранителем о происшеств-

вии в „Дырявой бочке“. Может быть, он замалчивает какие-то сведения и о том взрыве...»

Но Сварог спросил пока о другом:

— Не разуверились еще в Островах и та-гортах?

Рошаль лишь задумчиво пожал плечами.

...Следующие три дня плавания прошли на удивление спокойно. То есть спокойно в том только смысле, что волнения океана на борту практически не ощущалось — так, легкое убаюкивающее покачивание, не вызывающее приступов морской болезни даже у лиц сугубо сухопутных. «Адмирал Фраст», а ныне «Серебряный удар», бодро разрезая форштевнем мутные, увенчанные белыми шапками волны, забираясь на волны побольше, скатываясь с их склонов, уносил захватчиков прочь от эпицентра катастрофы со скоростью узлов в тридцать — тридцать пять (напрягши извилины, король Сварог Первый вспомнил, что такое узел и как на глазок определить скорость корабля. А вы думали, мы только стрелять да карать-миловать можем? Дудки). Небо постоянно было затянуто серыми облаками — не поймешь, утро сейчас или вечер, однако никаких прочих неприятных последствий всепланетной катастрофы не ощущалось. Словно не трясло Димерею, поглощающую один континент и в родовых муках извергающую из своего чрева другой. Не замечали вахтенные наблюдающие ни кораблей на горизонте, ни морских чудовищ в глубинах океана... Лепота и оздоровительная морская прогулка получались, право слово, и Сварога это, с одной стороны, настораживало: такого везения просто-напросто в природе не бывает. Хотелось даже сломать и бросить за борт

что-нибудь из корабельного инвентаря — в полном соответствии с древним морским суеверием, о котором он вычитал не то у Джека Лондона, не то у Виктора Конецкого... С другой, впрочем, стороны новоиспеченный командир броненосца радовался временной передышке и все трое суток без передышки (каламбур) занимался архиважным делом: с азартом и беспощадностью заправского «годка» он гонял новобранцев по палубам, отсекам и рубкам корабля. Учил морскому делу... и учился сам. Поскольку в своем активе имел ровно ноль целых ноль десятых ходовых часов, а по-простому говоря — на кораблях никогда не ходил, если, конечно, не считать «Божьего любимчика» и «Принцессы», где он, по неопытности, выступал скорее в роли пассажира, нежели морского офицера.

Сварог, например, смутно помнил из книг, что при длительном переходе паровые котлы надобно менять — но как это делать и, главное, на что их следует менять, понятия не имел ни малейшего. Знал он также, что перед стрельбой стволы орудий вроде бы надлежит прогреть холостыми залпами, и весьма смутно представлял себе, что такое «гирскоп преобразователя координат», «картушка ориентировки командно-дальномерного поста» и «артиллерийский радар», — для стрельб вещи, кажется, необходимейшие, но как они выглядят и с чем их едят, было для него сущей тайной Мадридского двора. Не говоря уж о том, что такой простенький маневр, как «совершение правого десятиградусного координата с продолжительностью дуги в полста секунд», некогда запомнившийся благодаря именно своей заковыристости, ему не удался бы и под угрозой расстрела...

К счастью, и среди гидернийцев, не без колдовской помощи Клади перешедших на их сторону, и среди тоурантцев отыскалась горстка людей, с морским ремеслом знакомая не понаслышке — Сварог моментально присвоил им высшие офицерские звания. Остальные были зачислены в средние и младшие офицеры и матросы. Более того: нынешний экипаж «Удара» был втрое меньше, так сказать, расформированного, и каждый даже простой матрос в спешном порядке осваивал одну-две смежные специальности... В общем, на борту царил непрекращающийся аврал. Сварог сам не отдыхал, скупое отведя себе на сон часа по три ежедневно, и другим не давал. Первым делом он провел инспекцию пороховых погребов и запаса провианта и инспекцией остался доволен. Кладовые ломились от всяческой сушеной, вяленой и консервированной снеди, так что какая-никакая, а смерть от недоедания беглецам не грозила — тем более среди тоуранток без проблем нашлись бойчихи кастрюльно-поварешечного фронта. Броненосец был оснащен двумя здоровенными башенными пушками — мортирами («Орудия главного калибра это называется, что ли?»), четырьмя бронзовыми орудиями средней артиллерии и восемью совсем уж мелкокалиберными каронадами в казематах, по четыре с каждого борта. Ядра с запальным шнуром, наполненные зажигательной смесью или набитые картечью, Сварог пересчитывать не стал — сунув нос в погреба и увидев уходящие во мрак стеллажи, до отказа заставленные однотипными, накрепко закрепленными ящиками, он с первого взгляда понял, что гидернийские военно-морские начальники к походу подготавливались основательно и постарались застрахо-

вать корабль от всяческих малоприятных встреч посреди океана. Ручные элеваторы, подающие ядра к орудиям, работали исправно, башни орудий на проворотах не заклинивало, стволы даже артиллерии главного калибра ходили вверх-вниз легко и послушно. Удивляло разве что отсутствие пулеметов на борту, однако, поразмыслив, Сварог пришел к однозначному выводу, что боевая задача «Адмирала Фраста» — поражение исключительно крупных объектов на значительном расстоянии, уничтожением же более мелких целей занимаются другие лоханки гидернийского флота.

Первый же пробный выстрел мортиры оставил в душе экипажа «Серебряного удара» поистине неизгладимое впечатление. Сварог произвел выстрел самолично, разумно предположив, что в дальнейшем такой шанс может ему и не выпасть. Быстренько разобравшись с несложным управлением стрельбой, он направил ствол в открытое море, поджег фитиль, зажмурился...

Ну сказать, что жажнуло громко — значит, ничего не сказать. Десантника Сварога, который, в принципе, если из артиллерийских орудий сам не стрелял, то, случалось, присутствовал где-то неподалеку (что характерно, и с той стороны, откуда велся огонь, и с той, куда стреляли), так вот Сварога буквально вплющило в неудобное сиденье наводчика и размазало в блин. Даже сквозь броню башни ворвался оглушительный грохот, завершившийся утробным воем, пронзив его тело навывлет и ошметки разбросав по углам тесной башенки. Вспышка ослепила и сквозь закрытые веки — ему даже показалось на миг, что бронзовый ствол разорвало, к едрене фене... Он открыл глаза, ошалело

помотал головой и как раз успел прикинуть к смотровой щели, чтобы увидеть, как в кабелоте от броненосца встает исполинский пенный столб воды... Хорошо хоть он загодя разогнал всех зевак подальше от башни, под защиту брони — после такого акустического удара трупы можно было бы складывать штабелями...

В общем, вооружением корабля Сварог остался доволен вполне.

Несколько хуже дело обстояло с боевой подготовкой экипажа. Тольго, таки назначенный Сварогом на должность боцмана, охрип, днем и ночью гоняя с докладами пацанов-вестовых от носовой рубки на капитанский мостик, оттуда к орудийным расчетам, оттуда — на корму; проворачивающие в кровь истерли ладони, ворочая тяжелые маховики и разворачивая тяжеленные башни в сторону «вероятного противника»; боевые тревоги сменялись пожарными, пожарные — водяными; стрелки израсходовали не один десяток снарядов, учась попадать в цель по крайней мере с десятого выстрела (для имитации целей Сварог, скрепя сердце, пожертвовал тремя спасательными шлюпками)... Личный состав, короче говоря, помрачнел, посерел лицами, осунулся и исходил двенадцатью потами, однако сносил тяготы и лишения флотской романтики молча: все знали, что чем бы ни окончился возможный бой, даже если не потопят, то вернуться в порт для ремонта получится вряд ли — по причине насквозь тривиальной: портов на планете уже не существовало.

Так что если и царило где-то спокойствие, то лишь вокруг броненосца. На борту же покоем и не пахло.

Радовало одно: устройство броненосца было относительно простым — сложнее, конечно, чем незабвенной «Принцессы», но уж проще, во всяком случае, тех плавающих крепостей, что использовались до Первой мировой. Сварогу даже не приходилось особо напрягать свой магический талант, помогающий в освоении любого незнакомого механизма. Ни о гироскопе преобразователя координат, ни тем более об артиллерийском радаре и прочих хитроумных штуковинах, призванных обеспечивать убийство максимально большего количества людей при минимальных затратах, современные гидернийцы, слава Аллаху, ведать не ведали. Наведение мортир осуществлялось до удивления примитивно: вестовой передавал расчету дальность до цели, проворачивающие устанавливали башню стволом в нужную сторону, наводчик по таблице определял угол стрельбы, матрос-замковой отмерял длину запального шнура, закатывал ядро в камору пушки, следом запихивал картуз с порохом, закрывал замок и поджигал фитиль. Все. При таком режиме скорострельность получалась один выстрел в три минуты, с учетом чистки ствола после каждого выстрела — не так уж плохо. Вот такой симбиоз, ребята: пушечки времен вице-адмирала Дрейка на борту парового броненосца, созданного для автономного похода через полпланеты... Интересно, кстати, а зачем гидернийцам броненосцы, если до бронебойных снарядов они еще не додумались? И почему, интересно, не додумались, раз вовсе играют с автоматами и карабинами? Загадочка...

А на пятый день безмятежного плавания баковый наблюдающий доложил, что видит дымы

прямо по курсу. Сварог поднялся на мостик, раздвинул трубу.

Никаких сомнений. На горизонте нарисовалась промежуточная цель их похода. Угольная база.

Глава восьмая

Черное надежное золото

Матросы «Адмирала Фраста», те, что из гидернийских, утверждали, что машины стопорили в полукабелоте от базы, после чего с базы вроде бы высылали лоцманский катер, и тот провожал корабль к причалу. Причем всякий раз маршрут подхода к Угольному хранилищу был иной: видимо, не доверяя никому, гидернийцы раз в сколько-то там месяцев или недель меняли конфигурацию минного поля.

В полукабелоте от базы «Адмирал Фраст» замер и сегодня.

— Не вышлют. Убежден. Мы же не подняли этот хренов сигнал по коду «С» и не дали этот чертов пароль «Стрела». — Гор Рошаль вернул подзорную трубу Сварогу. — Проклятый Рабан...

— Да пусть высылают наикрасивейший лоцманский катер в мире — мы ему наши драгоценные жизни не доверим. Обойдутся. Посадят нас на мину во имя Великой Гидернии — что тогда?

Сварог еще раз навел окуляр на объект.

Объект «Точка дозаправки» был размещен, казалось, посреди затопленного парка. Иллюзию создавали бесчисленные сваи, исполинскими карандашами торчащие из воды. Мелководье. Вот вам и объяс-

нение, почему именно эту точку Мирового океана гидернийцы почтили своим выбором: нежеланные визитеры рискуют не только напороться на мины, но и элементарно сесть на мель. Да, следует признать, эти ребятки пятьсот лет времени даром не теряли. Промеряли глубины, гонялись за Блуждающими Островами, угольные склады на воде оборудовали, дальше всех народов забираясь в океан... Серьезно готовились, собаки, стать первыми на Граматаре и, чуть погодя, единственными его властелинами.

Угольная база состояла из собственно базы и уймищи барж вокруг. Да еще вдалеке, за строениями, угадывались зарифленные мачты какого-то немаленького парусника. Собственно база, то есть платформа размером с футбольное поле, несла на себе разной площади и практически одинаковой высоты строения, от которых на многие кабелоты разило до боли знакомым казарменным духом. Типичная «точка» (разве что на воде), расположенная вдали от штабов и строевых плацев, где сонно переваливается из одного дня в другой полувоенная, полуразгильдяйская жизнь — все ее приметы в трубу были видны как на ладони. Ржавеют от длительного неупотребления турники и брусья, на веревках сушится солдатское шмотье, рядом вялится рыба, дымит кухонная печь, какая-то шавка слоняется возле баков, на причале разбросаны забытые удочки, полуголый боец красит вытащенную на мостки и перевернутую лодку, а прочие вояки, следует думать, поковыляли приводить себя в подобающий вид — чай, начальство заявилось. Можно спорить, что и парусник вдалеке тоже переоборудован под что-нибудь крайне необходимое. Например, под склад картошки. Имелась и

невысокая караульная вышка, под ее крышей сейчас маячил часовой. Таращится, понятное дело, на броненосец, на что же еще, но таращится без опаски... А чего там опасаться, когда причапал наш непобедимый пароход, битком набитый земляками. Ну скоро-то, конечно, начнется в угольном раю недоуменное шевеление — дескать, где ж сигналы-то, почему не сигналият...

Сварог прикинул, скольких героических защитников можно ожидать от такой базы. Максимум человек тридцать—сорок рядовых бойцов, над ними три-четыре сержанта или капрала и дежурный офицер, званием не выше капитана. Эх, если б только они одни стояли между кораблем и углем — оформили бы в лучшем виде, никто б и не мяукнул.

Сварог отвел линзы от жилых построек (мелькнул шест, на которой трепыхался гидернийский флаг), скользнул по унылым рядам барж. Заметил негромко:

— Угольком наши друзья, вижу, богаты. Можем, не мелочась, набрать на кругосветку, — и положил трубу на полку с картами.

— Я, конечно, присутствовал при демонстрации вашего умения, но не могу не спросить... — все еще маялся сомнениями Рошаль. — А вам приходилось, мастер Сварог, работать... в таких масштабах?

— Не скрою, не приходилось.

— Но вы уверены? Просчитали ли мы все побочные последствия?

Сварог пожал плечами.

— Если этот план оказался лучшим из предложенного, мастер Рошаль, будем работать по нему.

Впрочем, всеми собственными опасениями ни с Рошалем, ни с кем другим Сварог не делился. Объяснить то, чего сам не понимает, он бы все

равно не смог, но перепугал бы до дрожания коленок — это уж точно...

— Зашустрили, акульки братья. — Тольго обходился без подзорной трубы, лишь щурясь больше обычного.

Да и Сварог без помощи оптики видел, что на причале яростно машут флажками. Рядом с сигнальщиком забликовали линзы двух подзорных труб, а между строений взволнованно замельтешили серые силуэты. Один из двух катеров, пришвартованных у «стенки», давно уже дымил, но команду отчаливать не получал, и его экипаж в недоумении выбирался на палубу.

— Угостите табачком, маскап, — неожиданно попросил Тольго. — Славный он у вас, не чета гидернийским опилкам.

(До того он курил гидернийские опилки не жалуюсь.)

— Намекаешь, что можешь впредь такого уж и не попробовать? — усмехнулся Сварог, сооружая сигарету и себе тоже.

По своему обыкновению, на прямой вопрос Тольго, угощаясь магическим табачком, предпочел ответить уклончиво, избегая категоричных «да» или «нет»:

— В море две воли, маскап, — чья возьмет, тот и доплывет...

«А тревога на пирсе, конечно, нарастает, — между тем думал о своем Сварог. — Напряжение, судорожные поиски объяснений глухому молчанию судна... то есть корабля. Но уверенности в том, что перед ними враг, нет, и неоткуда ей быть. Сейчас небось ищут объяснения — мол, то полетело, это оборвалось, пятое сгорело, десятое гикнулось, а тот-то по-

гиб. Мол, когда гибнет мир, и не такое случается... Но скоро, мои великогидернийские друзья, вас ждет одно махонькое испытание, это я вам обещаю. И, будем надеяться, вы пройдете его желанным для нас образом. Психическая атака — она ж не выдумка авторов фильма про Чапаева, а один из действенных способов ведения войны. И солдата к возможным психическим атакам противника тоже надо готовить. Смеем быть уверенным: к тому, что вы сейчас увидите, вас подготовить никак не могли. Я сам, признаюсь, узрев такое, не знаю, что б учудил. Так что, парни, берегите рассудки».

В рубку взлетел матрос-тоурантец.

— Мастер капитан второго ранга, катер на воду спущен.

— Понял, Керни. Мастер старший механик Олес?

— На месте, маскап! Помощник командира бэ-чэ-один мастер Рорис ждет у трапа.

— Мастер старший помощник Пэвер?

— Сейчас прибудет.

— Баронетта Клади?

— Велено передать — женщины готовы, маскап.

— Отлично, Керни. Ваше место?

— Поступаю в распоряжение мастера Пэвера.

— Ага. Оставайтесь здесь до его прибытия.

Сварог повернулся к Рошалю.

— Ждать нечего. Тем более это нам мало чем поможет. Еще появятся дымы гидернийской эскадры на горизонте... В общем, действуем. — Обратился к дожу: — Мастер Тольго, я очень надеюсь на вашу... устойчивость.

— Акулу сачком не поймаетшь, — отозвался тот. Подумал и хмуро добавил: — Моряки иногда дрейфуют, но никогда не дрейфят.

Час назад войдя в рубку, Сварог заметил, что на компасе, у труб голосоотвода, на полу под штурвалом и много где еще набросаны женские волосы. А в углу появилась мокрая палубная швабра, приставленная к стене вверх мочалом. Сварог не стал выговаривать за беспорядок, не стал расспрашивать, что означают сии приметы и суеверия, тем более не стал насмехаться. В конце концов, и сам Сварог всегда стучал по дереву и плевал через левое плечо...

— Я ему помогу, — пообещал Рошаль. Если б Только знал прошлое Рошалья, это обещание вряд ли бы дожда вдохновило.

В рубку поднялся запыхавшийся Пэвер.

— У меня все готово. Фу, чувствую себя лошадью после скачек. За последние деньки я сбросил половину солидности, — суб-генерал похлопал себя по брюху. — Так, глядишь, вернется бывшая стройность, скоро за лейтенанта принимать начнут. А там и Клади у вас отобью.

— Ну, смотри, генерал, не подведи, — Сварог потрепал его по плечу. — Не в смысле Клади, в смысле дела. Твое слово в этом спектакле не менее веское, чем мое.

— Не извольте сомневаться, маскап! Я им устрою праздник святого Родомедра*! — Пэвер удалски взлохматил ежик на голове, потом пробурчал

* Святой Родомедр — ученик пророка Миенны. Когда язычники, которым он проповедовал учение пророка, бросили в костер Книгу Призыва, Родомедр шагнул в огонь, и огонь расступился перед ним. Чудо бросило язычников на колени и, как утверждает «Житие Родомедра», убедило их отказаться от своих богов и обратиться к Таросу (Пресветлому). День «огненного подвига» Родомедра отмечается как праздник везде, кроме Гидернии, и сопровождается карнавальными гуляньями с шумными фейерверками. Иногда этот день называют Пороховым праздником.

обиженно: — Видели б меня в мясорубке под Луствалем, не задавали б дурацких вопросов.

— Тогда ладно. Поехали, мастера моряки.

Проходя по палубе, Сварог вертел головой по сторонам, смотрел вверх и под ноги: «Закреплено, закреплено... А черт, как же упустили, поздно уже, слишком много времени уйдет, ну ладно, не смертельно. Хрена с два тут все учтешь! Все учесть, все подготовить — это надо, чтоб экипаж наполовину состоял из терминаторов, а наполовину из много-руких Шив. А вот ящичек наживить не помешает. Не забыть сказать Рорису...»

Помощник командира БЧ-1 Рорис из рода Бамо ждал Сварога у штормтрапа.

— Закрепи пожарный ящик. На все про все у тебя... В общем, медленно считай про себя до ста. И чтоб на цифре «сто» ты был, где положено. Поймешь, что не успеваешь, бросай ящик к чертям.

— Будет исполнено, маскап! — бодро заверил Рорис и крикнул уже вдогон Сварогу: — Мы им покажем, маскап!

Сварог сбежал по штормтрапу. Оттуда бросил взгляд на базу: там упорно продолжали жестикулировать флажками, а кроме того, еще и подняли на мачту с гидернийским стягом четыре треугольных разноцветных вымпела, сочетание которых, скорее всего, означало либо «Назовите себя», либо «Дайте подтверждение».

На разъездном катере изнывал от нетерпения Олес, нервно расхаживал по палубе, то и дело облокачивался на фальшборт, чтобы тут же выпрямиться и продолжить хождение, без нужды поправлял автомат на плече, пытался что-то насвистывать.

— Заводи баркас, княже. В темпе! — Вскочив на борт катера, Сварог сразу двинулся на корму.

Мотор, до того молотивший на холостом ходу, взвыл как бормашина, винты вспенили за кормой бурун, катер под бодрое ритмичное чуханье стал отползать от стального борта броненосца.

Князек, который начал освоение паровых двигателей совсем недавно и с самых низов — с топки парового движителя дирижабля, теперь поднялся на ступеньку вверх, — был приставлен к штурвалу. Неплохо у него получалось. Но если откровенно, то не благодаря голубой крови или врожденным задаткам рулевого, а по причине куда более прозаической: усиленные занятия на макете, каковым служил этот же катер в подвешенном состоянии, сослужили неплохую службу.

Катер огибал застывшую громаду броненосца. Его перемещения должны были загнать в глухой умственный тупик наблюдателей на базе, и без того вспотевших от поиска разгадки. Чертовски интересно, что пришло им в головы, когда они углядели пыхтящий баркас. К чему готовятся и что подумали, когда увидели, как баркас, зайдя чуть вперед по курсу броненосца, дал самый малый назад и подгреб кормой к стальной громаде? И чем таким, блин, занят старший артиллерийский офицер?

А артиллерийский офицер, более известный в нескольких мирах под именем Сварог, в своей любимой личине, данной ему от рождения, но в мундире гидернийского морского офицера занят был тем, что ловил заранее спущенный конец. Еще один липовый гидернийский матросик с гаэдарским именем Олес торчал в рубке парового катера, штурвал крутил.

(В Олесе, кстати говоря — пожалуй, впервые за время бурных странствий, — взбрыкнула княжеская спесь. И кнутом для спесивой лошадки послужила матросская куртка.

— Я из Саутаров, мастер Сварог! Мои предки правили Гаэдари с высадки на Атар. А у вас я занимаюсь шут знает чем. Лопатой князь — шуруй. В дозоре самое гнилое время — мое. Для Пэвера я — испытуемый. Клади нос задирает, а когда-то сама не своя была от радости, что за ней княжеский наследник ухаживает. А теперь вот напавливай плебейскую робишку. Нет, мастер Сварог, меньше чем на форму бертольера я не соглашусь.

— Да хоть самым адмиралом Фрастом в парадном мундире с бантами и лентами, не жалко, — развел руки Сварог. — Наряжайся и сиди в каюте. Вместо тебя дожа Тольго возьму.

Олес моментально заткнулся.)

Итак, старший артиллерист Сварог ловил конец, а Олес в матросской курточке трудился рулевым. И офицер с матросом, или, если хотите, граф с князем, или, если больше нравится, многожды король с единожды князем, перекрикивались как шоферюги у гаражей:

— Еще немного, еще... Глуши! Так твою, глуши, говорят, князь недоделанный, рули ж помнем! Отлично, захватил, все! Жди. Как скажу вперед, сразу двигай вперед! Понял?

Сварог намотал конец каната на кнехт. А думалки у ребят на базе, поди, уже не закипают. Поди, думалки уже плюются кипятком и подпрыгивают, что твой чайник. Неужели, мол, старший офицер от артиллерии рехнулся и думает катером

сдвинуть с места бронированную скалу? Да и на кой это нужно? Нет ответа.

Ну так будет вам ответ.

Сварог обтер испачканные ладони о гидернийский мундир. Вскинул голову, взглянул на скулу броненосца, на серую гору брони в оспинах заклепок, грозно нависающую над катерком. Впечатляет. Ну а теперь, почтеннейшая публика, гвоздь программы — заклинание.

Он не просто произносил слова, он старательно рисовал мыслеобраз подчиняемого заклинанию объекта... Да, верно, заклинание работает по мелким предметам (ну не то чтоб очень по мелким — пес Акбар и упавший в Хелльстаде ял к мелким никак не отнесешь, однако броненосцу они, конечно, в габаритах здорово уступают). Но кто сказал, что «Адмирал Фраст» — один объект, а не просто набор не таких уж крупных предметов: частей корпуса, переборок, гребных винтов, машин, орудий, приборов, заклепок, бронелистов, шлюпок, людей? Предстояло если не обмануть заклятие, то — скажем так — заклятие обойти, проявить творчество в области, где раньше пользовался лишь готовыми наработками. То есть в области магии.

Вчера Сварог попробовал — нет, не поднять «Фраст» в воздух, а всего лишь совершить подход. Так готовящийся к рекорду штангист примеряется к снаряду, обхватывает кистями гриф, проверочно напрягает мышцы, продумывает в мельчайшей последовательности свои действия. Сварог попробовал — и в нем зародилась уверенность хотя бы в том, что замысел не безнадежен.

М-да, оказывается, и магические рамки могут стать тесны. Стараясь не думать, чем для него само-

го может обернуться колдовское самоуправство, Сварог произнес слова заклинания до конца.

Холодом обдало так, будто перед носом распахнулись дверцы гигантского холодильника — уже по одному этому Сварог понял: получилось.

Потом эскадренный броненосец, чья серая броня Монбланом нависала над кормой и уходила вверх, дрогнул. Качнулся. Так боксер-тяжеловес, пропустивший нокаутирующий удар, но еще не свалившийся на ринг, озадаченно покачивается, набывчившись и закатив глаза, не веря своему несчастью. И падает, сотрясая грохотом весь зрительный зал.

«Фраст» медленно поднимался. По-прежнему страшный с виду броненосец, но сейчас совершенно невесомый, потому что веса его лишил Сварог, уподобился надувному матрасу, который вода выпихивает вверх. Полегчавший исполин с видимой неохотой покидал любимую стихию, качаясь из стороны в сторону, как гнилой зуб, но поделать ничего не мог.

Шумными водопадами стекала вода по бортам и штормовым шпигатам. Показались ракушки, облепившие днище, облезлая черная краска днища...

Сварога самого настолько зачаровала картина величественного позора, что на несколько секунд он задержался с командой. Из ступора его вывело восхищенное восклицание Олеса:

— Чтоб мне жить на Гартене! Вот это да! Двести куч дерьма, я ж проиграл этому шельмецу Только свой княжеский перстень! Думал, такая чешуя ни в жисть не высвистит!

— Давай, Олес! — закричал Сварог. — Дуй вперед!

И Олес дунул. Чем-чем, а излишней впечатлительностью князь не страдал — ну броненосец, ну болтается в воздухе, — ну и очень хорошо.

Катер, отчаянно дымя и тарахтя, взял курс напрямиком на плавучее угольное царство. Канат размотался до конца, натянулся... Может, еще бултыхались на донце души какие-то сомнения, кто ж из них победит, и вроде бы броненосец сперва несогласно уперся, но потом, как потерявший вес слон из какого-то мультика, которого за хобот все таскали куда захотят, «Адмирал Фраст» послушно дал себя уволочь. Был бы ветер — могло бы и унести кораблик. А так — что мог поделывать большой воздушный пузырь в форме эскадренного броненосца против полновесного парового катера? Порядок, получилось. Сварог расслабился, устало опустил на палубу.

Известно, что бывает с солдатами, когда те прибывают на поправку в тыл. На передовой болячки обычно не пристают, потому как работающий на предельных оборотах организм глушит любую ерунду, вырабатывая антитела лавину за лавиной. В тылу ж, как себя ни настраивай, приходит расслабуха, а вместе с ней всякие насморки, гриппы и воспаления. И сейчас, стоило Сварогу увидеть результат и понять, что удалось, что он справился, как навалилась усталость, да еще какая, братцы мои... Словно, отняв у броненосца вес, он взвалил его на себя.

Побочный эффект этого заклинания тяжел, убеждаться уже приходилось. Если, лишив веса хельстадского песика Акбара, он почувствовал себя так, словно втащил мешок с цементом на пятый этаж, то сейчас его ввергло в состояние, какое будет у студента, впервые в жизни в одиночку разгрузив-

шего без перекуров железнодорожный состав с тем же цементом. Вот почему обязательно нужен был Олес на катере. Сварог сейчас был не сильнее младенца...

Вдобавок на Сварога напал зверский голод. Казалось, что он бы сейчас сожрал весь провиант на гидернийской базе. И чего, казалось бы, проще — сотворить хоть мешок с бутербродами. Но не было никаких сил на заклинания. Сварог чувствовал, что на сегодня он свою норму колдовства выбрал. И даже курить остаток дня будет гидернийские опилки: раньше вечера уж точно не выдавить из себя даже самого простенького заклинания...

Ладно, допустимо чуток похворать, пока чапаем до базы. Но не дольше. Сварог услышал, как Олес, перекрикивая мотор, горланит в предвкушении боевой забавы удалую песню:

Киль рассекает пену волн,
Быстрее лети, наш утлый челн.
Что впереди? Разумеется, драка!
Будет заколот враг, как собака.
А всех живых мы повесим на рее!
В атаку смелее, в атаку скорее!

Умный в минное поле не полезет, умный над минным полем пролетит. Перевербованные гидернийские матросы в один голос утверждали, что лоцманские катера жарили к судну по прямой, а к «стенке» вели зигзагом. Значит, мины поставлены в расчете на корабли с большей, чем у катеров, осадкой. Из неприятных сюрпризов остаются мели. Но вряд ли здесь мели такие, что их баркас цапнет днищем по песку. Иначе бы песочек отсвечивал желтым...

Так и до Граматара можно было без всякого угля шкандыбать, на одних Свароговых умениях, кабы не одно «но». Вместе с броненосцем лишились веса и люди, и снаряды, и провиант, и мелочь вроде зубных щеток, шпилек и туалетной бумаги...

Олес проорал в медный рупор голосоотвода: «Надбавь-ка там, лентяй!» — и еще с большим задором загорланил «пиратскую абордажную»:

А если погибнем, то не беда!
Но с нами врагов сокроет вода!
И пусть не будем пить мы вино,
И пусть могилой нам станет дно!
Но нас враги не вздернут на рее!
В атаку смелее, в атаку скорее!

Сварог живо представлял себе, что сейчас происходит на борту «Адмирала». Тоурантцы, предупрежденные, что их ожидает (не предупреди — и умом ведь могут тронуться), парят по каютам и кубрикам такими космонавтами на орбите. Кто-то не привязал себя, как было велено, и теперь свободно взлетает к потолку, мотается от стены к стене, кувыркается в воздухе. Женщины, конечно, визжат, плачут, шепчут молитвы, прижимают к себе детей. А детям, наверное, нравится. Сразу же выяснилось, какие из вещей не упрятали в ящики, не закрепили, не привязали — эти вещи отправились в свободное плавание по кораблю. Невылитая из чашек вода или вино из откупоренных бутылок прозрачными медузами парят по отсекам, рассыпаясь на капли. Если разлетелась какая-нибудь крупа, то собрать ее потом по зернышку вряд ли удастся. Корабельные крысы, порхая в спертом трюмном воздухе, вероятно, костят себя за то, что

когда-то прошмыгнули на этот ненормальный корабль...

Острый киль «Адмирала Фраста» пронесло в десяти каймах над поверхностью океана, его тень ползла по волнам, как нефтяное пятно.

Сварог привстал и, хватаясь за леера, двинулся вдоль борта на бак — поглядеть оттуда на угольщиков. Жили ведь себе на отшибе тихо-мирно, никого не трогали, уголь сторожили — и на тебе... Занятно повоображать, что сейчас творится на угольной базе. Наверняка что-то родственное происходящему на картине «Последний день Помпеи». Кто-то хватается за автоматы — но какие там автоматы против броненосца, что вот-вот опустится тебе на голову. Большинство базовцев, как пить дать, ломанулись в местную часовню, а ежели таковой не имеется — то просто кинулись откапывать в своих вещах молитвенники, ладанки да амулеты. Не исключено, что кто-то из гарнизона с испугу сдернул из расположения, забился с карабином под какую-нибудь баржу, дрожит и сдуру готов пальнуть в любого сунувшегося туда же...

Часовой на вышке уже не маячил — убег карательный с поста. Ага, от пирса отчаливал катер, никак драпать намылились хранители угольного запаса. Они сейчас не думают куда, главное, подальше от жути жуткой — летучего корабля. Что ж, гидернийцы с возу — тоурантам легче. Второй катер, видимо, не заводился: с него перепрыгивали на причал и разбегались кто куда.

Весельная шлюпка с тремя гребцами направлялась к баржам. Вернее, гребли-то двое, а третий что-то кричал стоя, размахивал автоматом. Еще

одна шлюпка мелькнула за сваями, к которым были пришвартованы баржи...

Они уже подходили к причалу. Сварог заглянул к Олесу в рубку.

— Держи на цифру два, мастер рулевой. Причалишь там, «Адмирала» развернет, как раз над нужным местом окажемся...

Броненосец не просто развернуло, но и опасно накренило... Вернее, было бы опасно, когда б ему грозило смещение центра тяжести — но тяжесть-то отсутствовала.

— М-да, в таком виде его не приводнишь, — сказал Сварог, стоя в дверях.

Олес скомандовал в голосоотвод «стоп-машина» и подошел к капитану.

— Как же быть?

— Как? — оглянулся к нему Сварог. — Тебе стропальщиком работать не доводилось?

Олес позеленел.

— Да сколько можно, мастер Сварог!

— Ну-ну, мастер князь. Всяких монархов история знала. Случались и каменщики, и плотники. А вот мне, представь, доводилось... Так вот, когда на тросах в воздухе болтается, скажем, тяжелая плита, то от легкого толчка ее... На пол, князь!

Толкать Олеса не понадобилось. Усвоил уже князь, что зря Сварог не командует. Олес присел, уходя под защиту обитой железом нижней части рубки.

Из-за сараюги с надписью «инвентарь» на причал выскочил молодой гидерниец с вытаращенными глазами и с автоматом у живота. Сварог забрал у князя карабин. Ща он этого героя...

Не потребовалось. Солдатик застыл, как споткнувшись, вперился в висящий перед базой броненосец. Челюсть у него отвисла, из глаз пропали последние признаки рассудка, он бросил автомат и с воплем сиганул с причала в воду.

Сварог вернул Олесу оружие.

— Дай-ка очередь по «Адмиралу». Цель в ватерлинию, где-то каймов двадцать от гребного винта. Сумеешь?

Пальнуть Сварог мог бы и сам, но кто князю спину прикрывать будет от таких вот выскочек из-за сарая?..

— Заказывайте: с завязанными глазами или с одной руки.

Сварог заказал не выпендриваться. Броненосец стал невесомым, но не хрупким. Броня не раскололась, зато энергия десятка пуль, вплепившихся в обшивку, привела бронированную тушу в движение. Сварог рассчитал правильно — неохотно и незаметно корабль начал медленно выравниваться.

Пора, пока посудину не завалило на другой бок, красиво завершать красивый полет. Проорав кочегару в раструб голосоотвода, чтоб там внизу ухватился покрепче, Сварог пробормотал заклинание. «Адмирал Фраст», в мгновение налившись былой тяжестью, ухнул вниз, выталкивая своей тушей стены воды. Сварог успел заскочить в дверь, ее захлопнуть, сам схватиться, когда катер окатило, швырнуло вбок и вдарило, не иначе о деревянные мостки причала. Секунду-другую было непонятно, под водой они или все еще н а воде. Во всяком случае, струи воды замутили стекла, вода натекала в рубку, ничего было не слышно, кроме грохота падающей воды.

Катер все еще раскачивало, но качка уже шла на убыль.

— Не ушибся, ваше благородие?

— Нет.

— Тогда жди здесь.

— А может...

— Будь здесь, причал под контролем держи.

И капитан покинул катер.

Первоначально мятежниками задумывалось, чтобы Сварог на катере дожидался завершения тактической двухходовки суб-генерала Пэвера. Однако Сварог не стал дожидаться даже ее начала. И не то чтобы он до умопомрачения жаждал самолично водрузить знамя на крыше угольного рейхстага — просто смысла большого не было торчать на баркасе, выглядывая из-за борта, пока Пэвер проведет артподготовку, а потом окончательно сломленный гарнизон падет под натиском braveго десанта с генералом в авангарде.

Они-то, разрабатывая операцию, исходили из того, что противник всерьез посопротивляется, что сломается не сразу. Однако угольщики подкачали. Сейчас Сварог отчетливо понял, что Брестской крепостью угольный склад не станет. Ну кто-нибудь, может, и засядет в доме с намерением отстреливаться до последнего патрона, кто-то героически потопит баржу-другую, полагая, что тем самым наносит урон врагу. А может, и этого не произойдет...

Вот Сварог, например, уже прошел по мокрым мосткам, постоял на деревянном настиле местной набережной, выбирая, куда направиться, а в него пока так никто и не стрельнул ни разу. Поигрывая шауром, он выбрал самый широкий проход между

постройками и через дюжины полторы шагов оказался на маленьком плацу, предназначенном для утренних разводов и вечерних поверок. На плац выходили двери трех строений, в одном из которых Сварог опознал казарму, в другом — столовку, в третьем — что-то типа штаба.

— Есть кто живой?

Тут бы, эффекту ради, пальнуть вверх из революционного маузера, но шаур-то бесшумен, вот беда...

— Вас приветствует дикая морская дивизия! Морские тачанки на подходе! Удалые хлопцы рвутся в бой!

Пальнул Пэвер. Пушечный выстрел с «Адмирала» разнес вдребезги вышку часового. Сварог же подошел к стойкам, между которыми висел медный колокол, за шнур раскачал язык и пустил по базе тревожный звон.

— На капитуляцию стройсь! Выходи, угольные крысы!

Следующим выстрелом с «Адмирала» разворотило крышу казармы.

— Ребята, ну это даже не серьезно! Биться-то будем или как?

Еще одно пэверовское ядро упало прямо перед Сварогом. Пробило доски, проделало в плацу дыру. Сварог не обратил на происшествие никакого внимания, еще раз звякнул в колокол.

— Есть кто живой, или где?

— А-а-а! — Из штабного здания выскочил человек в каске, на ходу бросил карабин, побежал по плацу, нелепо взмахивая руками.

— Эй, спрашиваю, есть кто еще живой? Выходи, сдавайся! — звонил и зазывал Сварог, уже от-

кровенно хулиганя. — А ну, кому выходить, кому сдаваться! Даруется жизнь, жизнь почти задаром. А то вот сейчас приедут тоурантцы, тогда такое вам начнется. Куда вы все подевались?

Из того же штабного здания вышел человек в форме морского служащего*. Одной рукой он прижимал к бедру револьвер, похожий на английский «Веблей» времен англо-бурской войны, другой рукой размахивал кипой каких-то бумаг.

— Мастер офицер, прошу меня выслушать. — Он остановился, не дойдя до Сварога пяти шагов. — Я — крон-майор Прого Тританг, комендант этого объекта, находящегося в подчинении третьего отдела Адмиралтейства. Вот посмотрите.

Он разжал ладонь и выпустил бумаги на волю. Какие-то исписанные каллиграфическими почерками листы, какие-то бланки, какие-то брошюры полетели, закружились. Начало бумажного дождя совпало с очередным пушечным выстрелом от суб-генерала Пэвера. Ядро подняло фонтан воды аккуратно между баржами.

— Инструкции, положения, уставы, — комендант смотрел на Сварога без страха, устало и отрешенно. — Каждый день... Каждый, мастер офицер! Каждый день утром и вечером... Утром и вечером! Я проводил занятия. Я заставлял их учить уставы и приказы. Мы отрабатывали с ними в теории действия по отражению атак противника. Мы проводили тактические игры...

Артиллеристы Пэвера перевели огонь на угольные баржи. Оттуда приносило грохот разрывов, там

* Морской служащий — работник береговых служб флота. Может быть как военным, так и гражданским лицом.

подлетали разнесенные в щепы сваи, разлетались черные угольные комья.

— Раз в неделю, мастер офицер, раз в неделю мы проводили учения по отражению возможного захвата базы. Я не давал им бездельничать. Ежедневно я проводил стрельбы, ежеутренне — физические занятия. Хотя, сами понимаете, вдали от штабов и командования разленииться ничего не стоит. Но я заставлял. И что?! И чего ради?!

Издали донесся дружный скрип раскручиваемых тросов: на таях спускали шлюпки для десанта.

— Чтобы увидеть флагман дивизиона спецсил Гидернии, которого по воздуху тянет за собой разъездной катер, да? За этим? Чтобы поглядеть, как мои бойцы сходят с ума, а я ничего не могу поделать? Я даже не смог выслать вам навстречу брандер, что поджечь ваш буксир, понимаете? Мне не удалось никого привести в чувство, заставить подчиняться. И зачем я здесь комендантом? Чтобы посмотреть, как броненосец плюхнется в воду у причала и начнет обстрел из одной-единственной пушки, хотя их у него как иголок у ежа, да? Чтоб убедиться, что на объект ступил артиллерийский офицер, пусть и старший, — которому по возрасту быть бы не меньше ранг-капитана — и которому наплевать на ядра, падающие у него перед носом? Где, найдите мне хоть в одной инструкции хоть полунамек на подобный бред! Зачем я зубрил, читал, запоминал, вдумывался, сдавал экзамены, зачем? Кто вы? Что это все значит? Можете мне сказать? Вот! — Комендант выдернул из кармана пухлую книжицу с черной обложкой, на которой красовался белый расколотый круг и сверху золотом было пропечатано название. Взгляд Сварога

успел ухватить всего два слова: «устав» и «непобедимость». Крон-майор принялся лихорадочно листать брошюру, придерживая ее рукой с револьвером. — Глава «Магические атаки». Состоит из двух параграфов. Первый об обязательности ношения при себе серебра весом не менее трех голлетов*. Второй параграф предписывает во время появления маррогов сохранять выдержку и спокойствие, боевых постов не покидать, сосредоточить огонь на реальном противнике... Летящий броненосец — это реальный противник, как вы думаете? — Крон-майор перевел с книжицы на Сварога страдальческий взгляд, но открыть рот Сварогу не позволил. — Думаете, при мне нет трех голлетов серебра? А это что?!

Комендант сорвал с шеи серебряную цепочку, на которой была подвешена серебряная гидернийская монета, и бросил Сварогу под ноги. Если крон-майор и надеялся, что старший артиллерийский офицер испарится или, захлопав перепончатыми крыльями, умчится в свои адские кущи, то он жестоко ошибся. Сварог остался на месте. Видимо, расстроенный последним обстоятельством, комендант вырвал и скомкал листы с параграфами о магической атаке, а потом швырнул и всю брошюру в разбитое окно штабного здания.

— Нагрудный знак «Морской венок». — С корнем содранный с груди знак с клочком серой ткани полетел к крыльцу столовки. — Я не сдержал слез, когда мне его вручал сам штаб-стратег Рибо Скиль. Я мечтал поступить в Королевскую акаде-

* Гидернийский голлет равен 0,54 грамма.

мию. Мечтал о Гальвикарии Первой степени с алмазным крестом. — Крон-майор сорвал с правого плеча эполет с бронзовой бахромой и тремя большими ромбами. — Что все это значит, послушайте, вы? Прошу ответить! Скажите мне и дайте полминуты, чтобы облегчить вам задачу. Можете мне сказать, что все это значит?

— Конечно, могу, — Сварогу наконец удалось вставить слово в сей монолог отчаяния. — С удовольствием скажу, но потом. Сейчас не до того как-то, право. И полминуты я вам не дам. — Он показал шауром на револьвер. — Зря вы это, батенька. Эффектно, по-офицерски, не спорю, но все-таки глупо. В жизни столько еще интересного. Уж мне-то можете поверить...

— Я понял! Понял! — неожиданно воскликнул комендант, вскинув руки. — Вы пришли за н и м и! Пресветлый Тарос, как же я сразу не сообразил! — И показал револьвером куда-то себе за спину. — Ну конечно!

— И за кем я пришел? — с интересом спросил захватчик.

Если б комендант выразился бы «за ним», то, пожалуй, Сварог подумал, что речь идет об угле, но, судя по употреблению множественного числа, крон-майор имел в виду нечто иное.

— Вы один из н и х, да? Поверьте, мы выдали бы их вместе с судном. Они содержатся в помещении для временно арестованных... — И опять искажилось напряженными раздумьями лицо коменданта, едва сблизившиеся с концами концы вновь отказывались сходиться. — Но позвольте, а при чем тут «Адмирал Фраст»? Почему вы в форме старшего артиллерийского офицера?

— Все узнаете, крон-майор, — заверил Сварог, который и сам теперь был бы не прочь кое-что уяснить. — Обещаю. Слово артиллерийского офицера. А теперь идемте к «губе»...

— Куда?

— К помещению для временно арестованных, Смотреть на арестованных будем. Да и кого, может быть, другого в арестованные определим... Да! Револьверчик-то отдайте, а то неправильно как-то: база пала, а проигравшие ходят вооруженными...

...Эти мачты с зарифленными парусами он увидел еще в подзорную трубу и принял парусник на обыкновенный блокшив, вымачивающий якоря на вечном приколе.

Сейчас Сварог стоял на шканцах этого самого парусника, оказавшегося двухмачтовой шхуной, причем вполне действующей, пригодной к плаванью и активно к нему готовящейся. К бортам парусника нагелями были прибиты затейливо вырезанные из дерева, крашенные в нежно-зеленый цвет буквы, складывающиеся в название «Путь».

Бушприт украшала деревянная фигура: обалденной красоты девица со струящимися по ветру волосами и двумя парами извивающихся щупалец вместо рук. Морское божество, как пить дать.

Матросы — не гидернийцы и не тоурантцы — сновали по вантам, проверяя крепление снастей и управляемость парусов. Иные по сходням закатывали на корабль бочонки, наполненные питьевой водой из местного опреснителя. Иные по тем же сходням заносили вещи, возвращая унесенное со шхуны гидернийцами. А доставали забортную воду и драили палубу «Пути», закатав рукава и юбки,

женщины. «А вот мы у себя на „Ударе“ женщин бережем, — подумал Сварог, глядя на это, честно говоря, не лишнее эротизма безобразие. — На них лишь киндеры, карболка, камбуз...»

— Сегодня день третий. День Огненной зари, — пояснил собеседник Сварога. — Женщинам разрешено трудиться наравне с мужчинами.

— Ах вот оно как, — отозвался шторм-капитан броненосца. — А разрешено им не трудиться в этот чудный день?

— Каждый волен не трудиться, когда захочет. Но тогда его перестанут оберегать.

— Что-то, погляжу, не очень-то вы себя наоберегали...

Щадить неведомые религиозные чувства Сварог не намеревался. Обойдутся. Не хватало еще с ними сюсюкаться, лить елей и патоку и не трогать грубыми руками. В конце концов, кому как не мастеру Сварогу они обязаны свободой — так что вытерпят любой острый вопрос и любое его ехидное замечание. Короче говоря, граф Гэйр религиозных чувств не щадил. Чем-то, чему пока он не подобрал определения, его раздражали эти морские скитальцы. Но тем не менее странный корабль Сварог не покидал.

На море поднялась волна. Не бог весть какая страшная, средней поганости, но вполне обошлись бы и без нее. Да и вообще погода на глазах портилась, усиливался ветер. Еще штормов нам не хватало...

Нынешний собеседник Сварога выглядел вполне импозантно: высокий, с безупречной осанкой, волевое лицо, густая рыжая борода с проседью, пронзительные серо-голубые глаза. В общем, на

предводителя тянет. Его, вместе с остальными членами экипажа шхуны «Путь», Сварог выпустил из сарая с решетками на окнах и с замком на двери. Сарай-то и служил местной «губой», помещением для временного содержания, на которой перевоспитывались нарушители режима. Строение было рассчитано человек на двадцать, в него же набили около полутора сотен мореплавателей.

— С добрым утром! — приветствовал их освободитель. — А вы кто такие будете, мастера хорошие?

Тогда-то к Сварогу и вышел из спертго воздуха местной тюрьги этот самый рыжебородый предводитель. Поклонился.

— Вы не из тех людей в серых одеждах, что заперли нас в доме с железом на окнах, — сказал он утвердительно. После чего спросил: — Мы можем вернуться на наш корабль?

— Почему бы и нет, — философски пожал плечами Сварог. — Значит, это ваша шхуна там покачивается, ну-ну... А не объясните ли вы мне, таинственный незнакомец, каким это образом вы всей командой угодили в плен?

— Мы увидели этот остров, увидели на нем людей и хотели попросить у них питьевой воды. Наши запасы иссякали.

— У гидернийцев — попросить? — Сварог поднял брови. — Или их флаг тогда был спущен?

— Мы не знаем, как зовутся люди в серых одеждах. Мы жили далеко, там, куда никто никогда не приходил.

— В Запретных землях? — Сварогу припомнились рассказы о сектах, изгонявшихся официальной церковью и уходивших в ничейные земли, о

колонистах, высадившихся на берегах Запретных земель да там и оставшихся.

— Не знаю, о чем вы говорите. Мы жили на берегу бухты Амрикон, на Земле, Угодной Всем Четырем, — сказал рыжебородый.

И не соврал — так, во всяком случае, показал детектор лжи графа Гэйра.

— Ясно, — кивнул Сварог. — Предельно ясно, — вздохнул. — Давайте, что ли, освобождаться из неволи, мастера пленники...

Что действительно было Сварогу предельно ясно, так это почему гидернийцы не потопили парусник или не расстреляли захваченный экипаж. Попытка захвата базы места не имела, сами приплыли, сами сдались, сопротивления не оказывали. На сей счет четкая инструкция отсутствовала, поэтому комендант угольного царства решил не принимать самостоятельных решений. На то есть начальство, и оно вот-вот прибудет. А мы люди маленькие...

На предложение Сварога освобождаться рыжебородый мастер предводитель кивнул и, войдя в сарай, сообщил:

— Мы возвращаемся на «Путь».

...Они проходили мимо Сварога, отнюдь не бросаясь к нему, как к воину-освободителю, со слезами радости и словами благодарности. И как вроде бы должно было измученным заточением невольникам. Нет, они проходили мимо, лишь задев взглядом, словно по скучному пейзажу. Создавалось впечатление, что они математически просчитали появление Сварога в оное время в оном месте с погрешностью, стремящейся к нулю.

Все до одного в сероватых льняных одеждах грубого тканья, только разве что женщины в юбках,

мужчины в штанах, а дети обоего полу в длинных рубахах. И через одного — рыжеволосые. Что наводило на мысли.

— Позвольте назвать себя, — вновь подошел к Сварогу рыжебородый. — Броз, Указующий Путь.

— Сварог, — представился тот. Подумал и добавил: — Капитан второго ранга.

Тогда мастер Броз и предложил стать дорогим гостем на их корабле, «доставить им приятные минуты». Но секундами раньше, до того, как кап-два Сварог дал ответ, к Брозу подошла симпатичная молоденькая девчушка с волосами цвета спелой пшеницы, обвила за руку, прислонилась щекой к плечу. «Дочь. Или очень молодая жена», — подумалось Сварогу.

— Моя дочь Пэйла, мастер Сварог.

— Я тоже приглашаю вас, мастер Сварог.

Сварог нерешительно оглянулся на броненосец. Работа на подчиненном маскапу броненосце кипела вовсю. И ведь, что приятно, все были при деле — даром пропадал на Земле Сварогов талант командира! Гидернийско-тоурантская бригада под командованием боцмана Тольго перегружала уголь: на лебедках опускали в трюмы барж мелкочаистые сети, нагребали черное золото, заводили на броненосец и ссыпали в трюмы. Отряд исключительно тоурантских мстителей, предводительствуемый Рорисом и составленный наполовину из подростков, открывал кингстоны и топил баржи, уголь с которых на «Адмирала» явно не влезет. Клади с женщинами облегчала базу на провиант, набивая закрома «Фраста» совсем уж до отказа... И, между прочим, еще одна работа проводилась на отдыхающем от морских просторов корабле. Броненосец лишали

прежнего названия, названия ненавистного и к тому же утратившего всякую полезность. Лишали не столько распоряжением Сварога, сколько, как предполагал маскап, инициативой дожа Тольго, выражающего пожелания клаустонцев, — инициативой, несомненно поддержанной Пэвером, который сильно не любил конкретного исторического деятеля, адмирала Фраста. Два матроса болтались в «беседках», сооруженных из доски и веревок, и шуровали кистями: один закрашивал прежнее, другой ниже выводил новое название. Второй работал без трафаретов и линеек, пользуясь только кистью, рукой и глазами. Но, видимо, знали, кого бросать на этот участок работы. Буквы у корабельного художника мало того что выходили одного роста и держали между собой похвальную дистанцию, но еще и обретали всякие хвостики, ножки-рожки, завитушки и прочие красоты. Уже написанное слово «серебряный» выглядело как стилизованное под старину название, скопированное из первого кадра фильма-сказки...

Пэвер во главе небольшого, но храброго отряда во избежание партизанских вылазок отлавливал по закоулкам базы попрятавшихся гидернийцев из состава угольного гарнизона. Иногда то оттуда, то отсюда доносились одиночные выстрелы. Олес конвоировал отловленных на гауптвахту, простоявшую пустой совсем недолго. В соседнем с «губой» здании Рошаль, начав с коменданта, проводил с задержанными душевные беседы. Мастеру охранителю было поручено выявлять среди гарнизона толковых, нужных, не шибко лояльных по отношению к Гидернии солдатиков и, по возможности без кнута, убеждать арестантов перейти под знамена вольного

корабля. Судьба же остальных — непреубежденных и попросту потенциально опасных для предприятия, равно как и судьба двух матросов из «гидернийского корпуса» в составе экипажа «Фраста», уличенных Рошалем в «подговаривании на бунт», была, увы, предопределена. А что прикажете делать? Не оставлять же в живых людей, которые не сегодня-завтра наперебой начнут докладывать командирам прибывших позднее броненосцам о подлых пиратах с «Адмирала» и тыкать пальчиками в сторону, куда означенный «Адмирал» почапал, набив трюмы дармовым углем...

Короче говоря, как в хорошем полку или гражданском учреждении, где служебный механизм отлажен, как швейцарские часы: командир над душой не стоит, однако работа сполняется положенным чередом. Горизонт чист, дымов из труб броненосцев-конкурентов не наблюдается. Отчего ж тогда не погостить малость...

В общем, отдав необходимые распоряжения, граф Гэйр взошел на шхуну «Путь» — где сейчас и вел на шканцах умные разговоры с верховным жрецом дня Огненной зари. Жрецов, подобных Брозу, имелось в запасе еще аж трое. Жрецы верховодили Детьми Зари поочередно, и не потому, что Дети наскребли всего четверых жрецов (неделя у них состояла из четырех дней), а наоборот, по числу дней недели — число командиров дня. В день Огненной зари все подчиняются Брозу, даже остальные жрецы, до наступления своей очереди уравненные в правах с простыми людьми. А завтра и Броз встанет, что называется, в общий строй. Вот такая, блин, у них иерархия с субординацией.

У Детей Зари было все не как у людей не только в отношении дней недели. Год, называемый кругом, длится у них «четыре сотни шагов», где шаг — те самые четыре дня. Сварогу стоило труда пересчитать в мозгу, сколько ж это будет, как говорится, на наши деньги. Оказалось, их год равен четырем с чем-то там нормальным человеческим годам. Значит, Брозу, который, по его словам, не так давно обошел «девятый круг», где-то под сороковник, а Пэйле можно нарисовать по их времяисчислению никак не больше четырех кружков...

Командир Сварог торчал в гостях, и хозяева шхуны его раздражали. Причем не поймешь чем. То ли голос этого предводителя адвентистов четвертого дня действовал на нервы своими интонациями гуру — вроде того, что «мне, избранному, дарована высшая мудрость, дети мои, внимайте», то ли подобная жизненная позиция — дескать, убьют, значит, так угодно высшим силам, а выживем — тоже слава Богу. Оружия, как успел выяснить Сварог, у адвентистов растакого дня не имелось. Вообще. Ни стрелкового, ни холодного — не говоря уж о пушках или торпедах. Но на что-то же они надеются! Если на магию, то какого черта дали запереть себя в сарае, спокойно отдали врагу единственную шхуну?

Кроме того, эти свидетели огненной зари отказались перенести к себе на судно опреснитель, установленный на базе. Мол, чужая, чуждая, чужеродная вещь несовместима с их правильной шхуной. «Она испортит корабль», — вот как сказал Броз.

— А что будете делать, когда запас воды опять закончится?

— Найдем новую воду, — ответил Сварогу жрец этого дня.

И ведь ни тени сомнения, что может выйти по-другому. И ясно, что такого не переубедить.

Дети Зари в лице предводителя отказались от перехода на броненосец. Сварог предложил им сменить плавсредство без всякого удовольствия и отказ воспринял чуть ли не с облегчением. Честно говоря, по нужде предложил. Нуждался экипаж «Удара» в доукомплектации. Чтоб были полноценные вахты, чтобы в боевое расписание не приходилось включать женщин и детей. Вот и предложил. Хотя прекрасно понимал, что намучается с сектантами на борту. Всякие капризы на религиозной почве, вычурные обряды, идиотский график жизни. И без того коллективчик еще тот. Вон вчера опять схватились гидерниец с тоурантцем, дошло до поножовщины, и не подоспей боцман-дож Только, не поучи того и другого уму-разуму тяжелым кулаком — скорее всего, команда уменьшилась бы еще на одного матроса. А то лишились бы и двух. Сварог, конечно, рекрутировал бы в экипаж отличников боевой и политической, значкистов ГТО и выпускников ДОСААФ — да откуда их добудешь в чистом поле океана...

Но ведь морскому ежу понятно, что не доплыть этим ребятам и девочкам до земли со своими хитрыми убеждениями...

— Металл не угоден морю, — такими словами отклонил заманчивое предложение мастер Броз. — Сам по себе он ненавистен морю, море его не держит. Море поддерживает металл, когда металл несет людей. Потому что море до сих пор шадит людей. Мы покинули бухту Амрикон на трех кораблях, мастер Сварог. Красный ветер нагнал нас на второй день пути. Случилось это ночью на сты-

ке дня Дождевой прохлады и Твердого песка. Вы слышали о Красном Ветре, мастер Сварог? Красный Ветер — это проклятые неприкаянные души, скитавшиеся средь людей призраками. Когда исчезает земля, проклятые души находят друг друга, соединяются, и их несет над океаном. Ни один железный корабль не вышел бы невредимым из Красного Ветра. Мы потеряли два корабля, но третий-то уцелел. Металл, мастер Сварог, ненавистен не только морю, но и иным исконным силам...

Сварогу ввязываться в диспут не хотелось напрочь, он стоически молчал, а чертов жрец все вешал:

— Кое-кто по неразумению полагает, что будущее за судами с металлическими корпусами... Заблуждение. Но со временем истина восторжествует.

— И за чем будет истина? — лениво спросил Сварог.

— Истина в океане. Посмотрите на океан, мастер Сварог. Люди должны стать как океан — подвижным, но неизменным. Податливым чужой воле, но не управляемым чужой волей. Не имеющим формы, но имеющим свои законы...

— Истина-то истиной, но где же вы воду брать будете?

Жрец вздохнул.

— Вы пока не понимаете. И не видите истины... Воду нам даст вода.

Сварог внимательно посмотрел на него. «Не понимаете и не видите» — так вроде говорил некто из его сна. Уж не адвентист ли вешал ему?..

— Но — у вас свой путь, мастер Сварог, с нашим «Путем» не совпадающий. Пока не совпадающий. Может быть, потом, со временем...

— Значит, на мой корабль вы переходить отказываетесь.

— Да.

— И опреснитель не возьмете.

— Нет.

— Что ж... За сим позвольте откланяться, досточтимый жрец. Желаю вам успешно закончить ваш путь. — Сварог потянулся всем телом.

— Путь никогда не кончается, — непринужденно ответил Броз. И вдруг цепко глянул на Сварога. — Вы думаете, что мы покорились судьбе и наше спасение воспринимаем как само собой разумеющийся знак свыше. Это не так. Мы благодарны вам. И умеем отплатить благодарностью. В какой-то момент вам понадобится наша помощь, и вы ее получите. И тогда, возможно, вы поймете, о чем я говорил. Спасибо, мастер Сварог.

— Да не за что.

Беда с этими сектантами...

...Оказывается, не со всеми адвентистами он прощался. Сварога догнали на дощатом настиле базы, когда он, держа путь к возвышающемуся над базой родному кораблю, проходил мимо распахнутого настежь вещевого склада. Оттуда хозяйственные тоурантские женщины выносили скатанные матрасы и одеяла, нагружали ими носилки с черными от угольной пыли ручками, носилки подхватывали дети и тащили на «Серебряный удар». Мастер капитан приказа прибарахляться не отдавал, кавторанг вообще не знал, как обстоят у них на корабле дела по части матрасов и одеял (хотя, конечно, по большому счету командир должен быть в курсе всех корабельных проблем), но в тряпич-

ном вопросе, думается, женщинам следует довериться.

— Мастер мужчина, именующий себя Сварогом! — так окликнул маскапа звонкий голосок, и камзол тронула женская рука.

Сварога нагнала Пэйла, дочь жреца какой-то там Зари. Может быть, то обстоятельство, что рыжеволосая девушка против Свароговых ожиданий так и не присоединилась к их увлекательной беседе со жрецом, прибавляло маскапу раздражения на палубе адвентистского парусника.

— Когда мужчины разговаривают, женщины не должны им мешать, — только сейчас дочь жреца объяснила капитану Сварогу, почему она покинула их с отцом на шхуне.

— Смею вас уверить, прелестная дочь утренней зари, что вы нисколько не помешали бы. Как черствому сухарю не мешает изысканное вино, а сухой земле не мешает теплый летний ливень, — галантно, в лучших традициях таларской великосветской куртуазности, но при этом и совершенно искренне отвечивал девушке граф Гэйр.

Пэйла, смеясь, откинула со лба рыжую прядь. Она хорошо смеялась: белозубо, заливисто, заразительно. Смеяться так, чтобы на тебя было приятно смотреть — это не многим дано.

— А мы с вами, мастер Сварог, позже обязательно встретимся, — вдруг сказала она, хоть и улыбаясь, но на полном серьезе.

Ну что тут ответишь? «Бросай все и айда к нам на борт, ведь пропадете — если не от гидернийского ядра, штормов или голода, то уж от жажды точно, не доплыть вам до нового материка с вашими хитрыми убеждениями!» Так ведь заведомо же

ясно, что его словесный выстрел окажется холостым, их веру одной фразой не поколебать, и никуда ни дочь жреца, ни любой другой из адвентистов со шхуны не уйдет.

— Я тоже почему-то уверен, что мы с вами встретимся, — отчеканил Сварог, внутренне скривившись от омерзения к откровенной фальши своих слов.

Пэйла, еще раз рассмеявшись, помотала головой.

— Нет, вы не верите в то, что сказали. А я знаю, что мы встретимся. Вот посмотрите, разве могут не встретиться заходящее солнце и горизонт? Разве могут не встретиться волна и берег? В мире есть предопределенность, и кому-то дано ее видеть. Я вижу, что мы с вами встретимся.

«Беда с этими сектантами, — еще раз подумал Сварог, — беда даже с самыми очаровательными из них».

— Поэтому не «прощайте», а «до свидания», мастер Сварог, — быстро проговорила смешливая Пэйла, чмокнула Сварога в щеку и убежала.

Сварог проводил ее взглядом. Сердце ворохнулось в груди — хоть силком цепляй упрямый «Путь», хоть вновь арестовывай сектантов, запирай на «Ударе» и вези на Граматар. Ведь загубят же друг дружку религиозные догматики и фанатики — загубят собственным собачьим бредом насчет воды из воды, подвижности в неизменчивости и пути, который никогда не кончается...

...Шхуна «Путь» и угольная база превращались в точки. И скоро совершенно сольются с серым океаном, растворятся в нем. Сварог переводил захват

подзорной трубы с базы на парусник. «Путь», выйдя в море следом за броненосцем, сразу отвернул в сторону и пошел под тупым углом к курсу «Серебряного удара». Куда-то уверенно повела за собой их причудливая вера. Куда ж она вас заведет?..

А это что у нас нарушает однообразие воздушного пространства над океаном? Сварог навел подзорную трубу на некий объект, перемещающийся в облаках. Ба, да это же воздушный шар! Удалось разглядеть бледно-розовую сферу с нарисованной на ней птицей, огонь горелки, две человеческие фигуры в гондоле, обвешанной мешками.

В общем-то, ничего удивительного. Если на Димерее додумались до дирижаблей, то воздушные шары тем более должны существовать. Однако отчаянные ребята! Вверили себя исключительно капризным ветрам. А много ли они могли захватить с собой? Какое там... Тоже, скорее всего, во что-то верят. Или в какую-то свою карту, или в Блуждающие Острова, или в своих богов, или в свою удачу. М-да, думается, шансы на успех у воздухоплателей такие же, как и у адвентистов с «Пути»...

Сварог еще раз перевел окуляр на базу, уже едва различимую, и увидел за ней вдаль, на самом горизонте, тонкие струйки дымов. Ага, вот и хозяева пожаловали. Броненосцы Великой Гидернии. Опоздали вы, ребята, причем безнадежно. Пока вы дочапаете до базы, пока оправитесь от происшедшего... Даже если броситесь потом в погоню на остатках угля, то где ж вы нас сыщете, интересно бы знать. Увидеть к тому времени вы сможете лишь девственно чистый горизонт...

Сварог сложил трубу, облокотился на фальш-борт. Океан, во все стороны океан, лениво пере-

катывающий по своей спине волны. Дело клонилось к вечеру. Только что пробили очередные склянки, намекающие вечерней смене, что пора бы ей готовиться к заступлению на дежурство в режиме походного расписания. И Сварог ничего не имел бы против, если б они провели всю путь-дорогу до Граматара исключительно в режиме походного расписания. Вахта за вахтой, «вахту сдал, вахту принял, никаких происшествий за время ейного несения». Решать бы одни бытовые проблемы. А со скукой мы бы управились, мы бы ее победили.

Сварог зевнул. Сказывалась усталость — наследство непростого дня, сказывалось и приближение ночи. Так бы и зевать от скуки до самого Граматара, граф Гэйр возражать бы не стал, забав хватит сполна и на новом материке. А почему, собственно говоря, не надеяться на спокойное плавание? Они строго следуют карте Ваграна, огибая таящие угрозу места. Так что есть все основания рассчитывать, что вложенное в Сварога чутье на опасность ни разу не напомнит о себе до самого граматарского побережья...

Часть вторая
**ПОКОЙ НАМ
УЖЕ ДАЖЕ НЕ СНИТСЯ...**

Глава девятая
Что-то происходит

Острое ощущение опасности нахлынуло, проникло сквозь сон до самых сокровенных фибр души. Не проснуться было нельзя. Сварог перво-наперво постарался сохранить ровное дыхание, чтоб не выдать раньше времени свою готовность противостоять опасности. Кто, что, почему — сейчас не имело значения. Опасность была самая что ни на есть реальная. Угроза для жизни, не меньше. Подобравшийся под одеялом, приготовившийся превратиться в бешено распрямляющуюся пружину, Сварог приоткрыл глаза... И ничего не обнаружил, хоть и просканировал каюту со всем положенным «кошачьим» тщанием. Вот только Клади рядом не было.

А может быть, виной тревоги пригрезившийся ночной кошмар? Сварог еще несколько секунд побалансировал на зыбкой грани между сном и явью, широко раскрытыми глазами прочесывая темноту. Пошевелился, чтобы ощутить тело, движение мышц, определить доподлинно, наконец, продолжается ли страшный сон или вокруг доподлинная явь. Шпага мирно висела на прежнем месте, обгорелый парусник в объятьях поджаренного осьминога — тоже неплохая картинка, пусть

висит, хоть и огоньком подпорченная; недоставало разве что портрета обугленного мастера Ксэнга, но Сварог самолично отволол его в местную разновидность чулана: извини, мол, дедуля, двум капитанам на одном корабле делать нечего... Одним словом, в обстановке каюты с виду ничего не изменилось...

Как не изменялось вот уже четвертый день плавания в состоянии полной загрузки угольных ям. Серый океан, серое, затянутое тучами небо, бесконечная качка, несмолкаемый гул машин — быть хотелось от тоски. Вечные сумерки, опустившиеся на Димерею, уравнивали в правах день и ночь, время суток можно было определить только по хронометрам да бою склянок; подчас Сварог ловил себя на мысли, что пора бы уж начаться опасностям и жути, о которых все уши прожужжали «бывалые» моряки...

И накаркал.

Кажется, он понял, что его разбудило. Начавшийся ни с того ни с сего вчера к ужину, плывший над водами и просачивавшийся во все закоулки корабля странный, заунывный и ничуть не магический звук, который про себя Сварог нарек «плач сирен», вдруг сам собой оборвался. Это должно было принести облегчение, но почему-то сыграло в обратную сторону...

Сварог, чисто машинально, задействовал «третий глаз»... И, в общем-то, результату не удивился. Магия, как он и ожидал и как говорится в присутственных ларских документах, присутствовать не начала. Но магия — кстати, какая-то странная, в магическом зрении являющая собой не более чем иссиня-белое, тусклое, как от «синей лампы», све-

чение, пронизывающее все вокруг предметы и непонятно откуда исходящее, — по большому счету особого вреда собой не несла. А острое чувство опасности, чтоб ему, не проходило.

Внезапно нахлынул совершенно детский страх. Паника, не простительная специалисту по умерщвлению закадычных врагов в одиночку и пачками. Почему-то стало мерещиться, что опасность притаилась буквально под ним, под роскошной, доставшейся в наследство от прежнего капитана кровати, и стоит спустить ноги, как что-то или кто-то ухватится за них, и, будто в песенке, останутся от бравого майора и владыки нескольких королевств рожки да ножки...

И тут он увидел незваного гостя. Всего-то навсего — обыкновенная корабельная крыса. Зверек маячил у двери в позе «упор присев» и тер лапками острую ехидную мордочку. И шевелил гренадерскими усами. Метнув кинжал, Сварог мог лишить эту тварь жизни в секунду... И не метнул только потому, что это было самое первое и простое, что пришло в голову.

Крыса выглядела вполне обыкновенно, магическим свечением и прочими колдовскими знаками отличия не щеголяла — в отличие от остального, окрашенного в синий, мира... Так что разбудившее Сварога и уже малость поблекшее чувство опасности крыса вызвать не могла.

Медленно-медленно лорд Гэйр сполз с роскошного ложа и принялся напяливать штаны. Натянул позвякивающий драгоценными висюльками форменный гидернийский камзол. Крыса на хозяйина каюты косилась, но спастись бегством отнюдь не собиралась. Закончив умываться, она ста-

ла выкусывать морских блох из-под мышек. И даже когда человек направился к выходу, зверек не юркнул в какую-нибудь щель, а чуть отбежал в сторону, как бы посторонился, лишь чтобы оказаться на достаточно безопасном расстоянии от сапог великана.

Сварог открыл дверь. И крыса мимо него шмыгнула в коридор, будто напросившаяся на прогулку поутру домашняя собачонка. В коридоре гул паровых машин был значительно слышней, но все равно казалось, что машины трудятся вполсилы — а это, господа, уже полный непорядок.

Серый корабельный грызун, не спеша и часто озираясь, будто приглашая маскапа следовать за собой, преодолевал ступеньки ведущего на верхнюю палубу трапа. И не было никаких вразумительных причин отказываться от приглашения. Как минимум, крыса казалась очень спокойной, слишком, и весьма собой довольной, не пребывала в панике, не делала никаких попыток бежать с корабля. А значит, несмотря на разбудивший графа Гэйра приступ страха, корабль не тонет, идет помаленьку своим курсом... Своим?

Только сейчас Сварог обратил внимание, что качка бортовая, а не килевая. Ветер, что ли, переменялся? Или вахтенный матрос без согласования со Сварогом сменил курс?..

Уже гораздо бодрее командир броненосца загромыхал сапогами по палубе — следом за припустившей крысой: зверек ведь, кажется, и пытался проводить его в рубку... Интересно, достаточно ли грозно выглядит ныне маскап, чтобы внушить нерадивому матросику такой же страх, какой только что пережил сам? Будем надеяться, что достаточно

грозно: маскап, ведомый на экскурсии обыкновенной крысой — такая, знаете ли, картинка кому угодно внушит долженствующий страх — а значит, и почтение...

Энергичным шагом Сварог миновал несколько отсеков, на ходу заглянул в кают-компанию. Лицо, приближенное к графу Гэйру и обязанное, пока означенный граф отдыхает, бдить и радеть, не жалея живота своего, надежд не оправдало. Суб-генерал Пэвер дрых, пардон за подробности, мордой в столешницу, потянувшись было рукой над столом за пузатой бутылкой черного вина — да так и опав, не дотянувшись. Оргвыводы будем делать потом. Сейчас лорд Гэйр всего лишь выругался, как лорду не подобает, и помчался дальше. Жилая палуба, пушечная, вот и верхняя, бегом по трапу...

Палуба, по обыкновению, встретила Сварога постоянными сумерками, соленым ветром и холодными брызгами в лицо. А более ничего интересного вокруг не обнаружилось: ни загадочного ночного свечения, ни таинственных огней, ни непонятных силуэтов в округе — ночь как ночь...

И рулевого в рубке не обнаружилось тоже.

Если точнее, то в рубке вообще никого не было, однако штурвал был зафиксирован кожаным ремнем, и, слава Богу, корабль носом по волнам не рыскал. Компас подсказал, что Сварог не ошибся: курс изменился на девяносто градусов. Сварог попытался вспомнить портрет заступившего на вахту новобранца — кажется, кряжистый молодец с пухлыми губами и жуликовато бегающими лакейскими глазами. Из гидернийских. Та-

кой запросто мог предпочесть, вместо добросовестного стояния у штурвала, подливать суб-генералу за здоровье Пресветлого Тароса и слушать мемуары о бытие Шестого кавалерийского полка имени короля Макария — пока старик не вырубится. А далее зафиксировать руль и отправиться по естественным надобностям — знакомиться с воительницами-клаустроночками. Пока, мол, мужья дрыхнут...

Версия была вполне правдоподобна, если бы не два колючих «но». Первое: не килевая, а бортовая качка. Сварог уже достаточно поднаторел в морских премудростях, чтобы понимать, чем это может грозить кораблю — смотри эпизод с рулевым Диксом. И второе: самовольная смена курса. За последнее в аглицком флоте протягивали под килем или отправляли гулять по доске. В более гуманном российском — пороли линьком, стегали цепочкой от боцманской дудки или секли розгами до опупения. В том, что новобранец споил суб-генерала, Сварог не сомневался. А вот в то, что целью акции была лишь прогулка к представительницам прекрасного пола, капитан верил не очень. Неужто Рошаль проглядел иуду в наших сплоченных рядах? Ох, поймаю дезертира и допрошу как сидорову козу...

Сыграть, что ли, «свистать всех наверх»? Показательно уличить подлеца и утопить, дабы прочие бойцы раз и навсегда уверились, что командир Антигидерийской коалиции спуску не даст? Так-то оно так, но, как и в известном анекдоте, «есть нюансы»...

На то, чтоб плавно вернуть исходный курс, Сварог затратил неполных семь минут. Очень уж ему

хотелось, чтобы перемену не почувствовало большинство команды. Хотя бы те, которые ни черта не понимают в качке. Ведь с какой стороны ни посмотри, но в том, что броненосец стал лагом, прежде всего виноват сам новоиспеченный шторм-капитан. Не проследил, доверился, прошляпил — нужно подчеркнуть... Короче, незачем команде сомневаться в руководящих талантах командира. И опять глаз нашел вылизывающую у комингса шерсть крысу. Опять зверек собирался указать неопытному кэпу на недостатки в работе.

Ситуация казалась знакомой до зубной боли: снова в ряды затесался враг и снова было не разгадать, в какую игру он приглашает скрестить копыя. Прежде чем согласиться на предлагаемую грызуном экскурсию, Сварог, сверяясь с привинченной под носом медной табличкой, выбрал из голосоотводов нужный и пробасил в жерло металлической трубы, ведущей в каюту масграма:

— Вызывает маскап «Серебряного удара». Гору Рошалю немедленно прибыть в ходовую рубку. Гору Рошалю заступить на боевое дежурство!

Сварог умышленно ввернул «боевое», надеясь, что сие придаст экс-царедворцу прыти. Сам же, при помощи того же ремня зафиксировав штурвал на первоначальном курсе, поспешил за не по годам бдительной крысой. Ответа от Рошалья ждать не стал, потому как явное нетерпение начал вдруг проявлять грызун, и Сварог потихоньку проникся к зверюшке доверием. Вроде как симпатичной стала зверюшка ему казаться, хотя раньше симпатии к грызунам он за собой, знаете ли, не замечал...

Корабль спал, только монотонно бубнила вызубренный раз и навсегда урок паровая машина.

Да разве что с жилой палубы доносились заунывные звуки:

Веселую свадьбу
Сыграли едва,
И вот уже, мама,
Я полувдова.
Горючие слезы
Могу ли сдержать,
Когда мой желанный
Уходит на рать...

Сварог прислушался. Кто-то из тоуранток тянул, как жилы, бесконечную песню, от которой на душе стало и вовсе тоскливо:

Зачем я, любимый,
Венчалась с тобой?
Короткое счастье
И вечная боль!
В каком тридевятом
Постылом краю
С собой похоронишь
Ты долю мою?..

Одна женщина на корабле — это уже беда, а уж такое количество, черт бы их побрал... Сварог раздраженно помотал головой. Опять показалось, что машина работает тише, чем обычно. Да и гаденькое чувство опасности никуда не исчезало, притаилось на доньшке души... А крыса знай себе путешествовала вдоль переборок, перепрыгивала через комингсы и ныряла в люки, что твой юнга. Сварог еле поспевал следом. Внутри корабля ему, насквозь сухопутному волку, было насквозь неуютно, все же не привык он еще к морскому быту, куда ни кинь взгляд — кругом железо, железо, железо...

Человек и крыса прежним маршрутом миновали кают-компанию и взяли курс на корму. Над по-разгильдяйски не задраенным погребом для хранения вина и уксуса (как бишь его правильно — ахтерлюком) Сварог вступил в подозрительную, кисло пахнущую лужу. И зайцу ясно, это не морская вода, а пролитое злоумышленниками вино... Оп-па! — из камбуза потянуло запахом прогорклой редьки.

— Да что там говорить, ребята. Нелегко нам придется с новым капитаном, — явственно донеслось из-за неплотно прикрытой двери.

Ясный день, Сварогу чужое мнение моментально стало весьма интересно, и он притормозил. Но разговор, по закону подлости, сразу же свернул в сторону, причем в напрочь непонятную:

— Акула с сухой шерстью видела меня. Почуяла, носатая, еле лапы унес... я спрятался здесь, среди еды, чтоб не унюхала, и она пробежала мимо, к залежам гремучего порошка.

— О, Господи! — вскрикнул второй голос. — К гремучему порошку? Если наши ребята там, то они погибли! Лаэнн, Таст-Хайме, Гэйнк и остальные — что с ними будет?

— Не знаю, — мрачно ответил голос номер один. — Если Тидла зашел так далеко, то теперь ни перед чем не остановится. Я должен перепрятать тебя в укромное место.

— В угольную яму?

— Нет, это будет небезопасно, даже если оставить змеиную кожу у Эри или Банна.

— Но мое синее сердце? Оно там — внизу!

— Сейчас не думай о нем. Мы еще вернемся на то место, где ты ночевал — когда там будет безопасно...

Разговор явно вели не оголодавшие новобранцы, прокравшиеся на камбуз подшустрить в котлах насчет лишней пайки. И, что любопытно, голоса Сварогу были напрочь незнакомы... Крыса нетерпеливо пискнула, и Сварог, пусть ему и было крайне любопытно, решил вмешаться. Он дернул люк на себя, ввалился в камбуз и... не сразу закрыл рот.

На камбузе никого не было. В полумраке жалобно позвякивали от легкой качки поварешки, черпаки и прочая хозяйственная часть заведования. В углу дыбился приготовленный к завтраку мешок картошки. И все. И в остальном — тишина. Сварог почувствовал, что помаленьку сатанет — но не щипать же себя за ухо, право слово: и без того понятно, что сие непотребство к снам отношения не имеет. Как пить дать — оно, злодейское колдовство... Ну это мы еще посмотрим, а пока Сварог предпочел отправиться следом за все откровенней выказывающей нетерпение крысой. Отсеки, отсеки, отсеки...

Сквозь переборки слышалось вроде как коровье мычание. Сварог, естественно, с самого начала предполагал, что, невзирая на жестокий приказ дожа, кто-то сумел-таки пронести на борт щенка или котенка. Но за то, что на борту нет коровы, он был готов голову дать на отсечение... Ага, вот и машина.

— Маскап прибыл в машинное отделение. Доложил вахтенный матрос Норек!

— Вольно, матрос Норек. Как дела, матрос Норек?

— За время дежурства нарушений не произошло!

Ну хоть один нормальный человек на борту остался...

Далее экскурсия переместилась на третью палубу, и крыса, сделав вираж у входа в кочегарку, исчезла. Вроде как мавр сделал свое дело...

На всякий случай нащупав в кармане шаур, Сварог осторожно заглянул в кочегарку. Ничего хорошего он там увидеть не ожидал — но увиденное оказалось еще хуже. Топка уже не пылала, а еле тлела, хотя жара оставалась удушающая и плавящая мозги. Стелющийся понизу сизый дым ел глаза. Один кочегар с разmozженной головой лежал, раскинув руки, а второй, с безумным блеском в глазах и по уши перепачканный в крови и угольной пыли, зачем-то набивал пазуху кусками угля. Уголь просыпался сквозь прорехи в драной, мокрой от обильного пота рубахе, но кочегар не замечал этого, он продолжал счастливо хихикать и совать в закрома все новые куски антрацита. И столько заразительной алчности плескалось в улыбке безумца, что и Сварогу стало вдруг казаться, будто обыкновенный уголь и в самом деле источает свечение, как груда драгоценных камней...

Любое безумие заразно, но тут действовала более целенаправленная сила. Когда Сварог был уже почти готов увериться, что уголь каким-то образом превратился в граненые алмазы, пришла спасительная мысль опять включить магическое зрение.

Ну так и есть: злая магия присутствовала и здесь.

На верхушке горы угля лежал маленький камешек, источающий синее свечение — такого же оттенка, как и пронизывающий корабль отсвет. И это свечение обволакивало весь уголь. И превращало

угольную гору в достаточный аргумент, чтобы проломить череп напарнику — лишь бы одному обладать мнимым богатством. Вопрос: откуда он тут взялся?

Только теперь свихнувшийся кочегар заметил Сварога. И это был уже не человек, а дикое существо в обличье кочегара, готовое ради призрачного мерцания рвать горло кому угодно. Руки замороженного потянулись к лопате... Безумец вскочил на ноги и бросился вперед.

— Мое!!! — всколыхнул сонную тишину почти звериный вопль.

Убивать кочегара в планы Сварога никак не входило. И без того экипажа — раз-два и обчелся. Тем более справиться с безумцем труда не составляло. Шаг в сторону, удар под дых, подсечка. И для верности — оглушающий сверху... Кочегар без сознания простерся у ног. Нехай немного вздремнет, авось разум вернется...

Теперь черед вредного камешка. Сварог брезгливо поднял его двумя пальцами и отправил в топку. Как перегоревшая лампочка полыхнул синий огонь, и марево рассеялось. Далее следовало срочно поставить кочегарам смену и объявить по кораблю боевую тревогу. Ведь корабль подвергся вражескому нападению. «А кто скажет, что это не нападение, с тем я сам не знаю, что сделаю», — пробормотал Сварог под нос.

Найдя грязную, всю в угольных отпечатках ладоней трубу голосоотвода, Сварог поднатужился и заорал что есть мочи:

— Кто в рубке?!

Пять, десять секунд ответа не было. Неужели Рошаль так и не заступил на пост? А может, Сва-

рог — последний, кто пытается сопротивляться козням неведомого врага?.. Он помчался обратно в ходовую рубку. Перепрыгивая через комингсы, барабаня подошвами по трапам и не захлопывая за собой крышки люков.

— Маскап покидает машинное отделение. Доложил вахтенный матрос Нореk!

Ан нет, еще один здравомыслящий остался на свихнувшемся корабле.

— Срочно смену кочегаров к машине!

— Матрос Нореk не имеет права покидать пост!

Сварог ухватил бойца за шкурку и подогрел коленом под зад:

— Приказ шторм-капитана, мразы! Бегом марш!!!

Либо помог поставленный командирский голос, либо неуставные взаимоотношения, либо специально для матросика-гидернийца ввернутое злое — «шторм-капитан», но Нореk проворно побегал за сменой...

Нет, ну черт-те что творилось на корабле — старший охранитель и по совместительству грам-капитан Гор Рошаль в рубке находился, и то спасибо. Он стоял, облокотившись на штурманский стол, и смотрел на графа Гэйра весьма странно. Будто впервые видел. Тут бы ему и отвесить доброго тумака, как вахтенному матросу, так ведь нет, привык Сварог, понимаешь, цацкаться с соратниками...

— Почему не вышел на связь? — рявкнул командир.

— Только что над кораблем пролетела стая гигантских птиц. Похожих на ворон, только клювы

кривые, — усталым, монотонным голосом проскрипел беглый царедворец с таким видом, будто на ежегодном балу в честь дня рождения наследника престола пересказывает затасканную сплетню.

— Ну и что?

— Они пролетели, ни одна птичка не села на палубу.

— Ну и что?

— Птица, летящая над морем, не должна пропускать любую возможность передохнуть. Откуда она знает, когда представиться следующий шанс?..

Сварог сообразил, что, хотя Гор бубнит совершенно спокойным голосом, на самом-то деле он находится на грани истерики. Такой же истерики, каковая мытарила самого благородного лара полчаса тому и до сих пор прячется где-то в закоулках души...

— Птицы не садятся передохнуть в двух случаях, — полуобморочно бубнил Гор Рошаль, — когда внизу их поджидает опасность или когда их преследует что-то, от чего может спасти только скорость...

— Прекратить!

Вот тут-то Сварог не выдержал и позволил себе выплеснуть напряжение. Стравить, так сказать, пары — он отвесил паникеру внушительную оплеуху. Рошалья подняло в воздух и всей массой жახнуло в переборку, едва не раскроив бедолаге затылок о край открытого иллюминатора.

Хотя, если быть справедливым, то удар его величества был здесь совершенно ни при чем. Некая сила и самого Сварога подбросила точно так же,

грудью швырнула на штурвал. Снаружи на палубу обрушились тонны воды, тугая струя плеснула и в иллюминатор. Палуба заходила ходуном, со штурманского стола посыпались секстанты, линейки, прочие причиндалы... Вздывившаяся пучина с двух сторон объела борта корабля и сдавила, как питон душит неосторожную макаку. Верхнюю палубу по самую маковку завалило морской пеной — пены было столько, будто «Серебряный удар» разом взяла на прицел сотня-другая пожарных машин.

А далее под сердцем засосало, и броненосец не весомой щепкой ухнул в глубокую воронку. По всему кораблю проплыл зубовный скрежет. Гигантская волна, рожденная подземным толчком где-то в океанских пучинах, побежала уже впереди корабля, к горизонту, оставив взвешенные в воде водоросли, сорванные с далекого дна.

У Сварога вдруг появилось стойкое чувство дежа-вю: такое уже происходило — при захвате корабля, только тогда рядом был не Рошаль, а рулевой Дикс, и волна была не в пример меньше, но в общем и целом — очень даже похоже. Спасибо Диксу, надоумил в свое время, как надо держать корабль к волне, не то...

Окажись под килем недостаточная глубина, эта волна была бы гораздо выше. Она или захлестнула бы броненосец, или утащила его в водоворот, или переломила бы корабль на гребне. Если бы Сварог не развернул «Серебряный удар» кормой к волне, корабль опрокинулся бы в бездну... Ну, было и еще миллион случайностей, сумма которых сберегла экипажу жизнь. Конечно, корабль еще качало и трясло, словно в лихорадке, но все последующие удары волн по сравнению с первым

внезапным шквалом можно было считать детским лепетом.

Сварог, отчаянно пытаясь выглядеть бравым (но предусмотрительно впившись рукой в ближайший поручень), пренебрежительно хмыкнул сквозь зубы:

— Павлины, говорите...

— Нет, очень похожие на ворон, только клювы кривые, — испортил триумф педантичный Рощаль.

В рубку влетел, на ходу заправляя рубашку в штаны, Олес.

— Олес, двух матросов подними и вместе проверьте, не отвалилась ли где бортовая броня — щиты могло вывернуть вместе с заклепками, нет ли течи в швах и стыках. Во всех!

Вот так-то, други мои. Поднаторели мы в морском деле. Поневоле понимать станешь, когда прижмет...

Олес не стал объяснять, что никого будить уже не надо: вода хлынула в незадраенные люки, в кубриках чуть было не началась паника — дескать, тонем, — паника, которую пришлось пресекать зуботычинами и оплеухами. Олес размашисто кивнул и покорно умчался в трюмы, на пороге едва не столкнувшись с всклопоченной Клади. Перво-наперво боевая подруга подняла и поставила в центр опрокинутое кресло. Села на него и ледяным тоном спросила:

— Ты можешь мне объяснить, что происходит? Мы тонем?

— Барахтаемся, — уточнил Сварог.

— Сначала из меня чуть не вытрясло позавчерашнего завтрака, а когда я вышла в коридор, пол по щиколотку оказался залит водой...

— Не пол, а палуба. Кстати, спасибо за подсказку: волна наверняка утяжелила корабль на дюжину тонн воды... Мастер грам-капитан, нечего ворон считать! Командуйте аврал. А потом боевую тревогу и общее построение. Боцмана в рубку. Разговор есть...

— А как командовать? — совсем растерялся Гор Рошаль.

— Самому заставлю вычерпывать всю воду! — гаркнул Сварог и вновь повернулся к Клади: — А откуда ты вышла в коридор, позволь узнать?

Она вскинулась удивленно:

— Что значит — откуда? Из лазарета. Ты же сам мне сказал — растолкал всю такую спящую и послал проверить запасы йода. Только я туда спустилась, тут-то корабль и мотануло...

Она не врала. Она и в самом деле была уверена, что Сварог отправил ее в лазарет посреди ночи. Сумасшедший дом, честное слово... Он внимательно посмотрел на Клади и произнес задушевно, по-докторски:

— Милая моя, а ты сама как думаешь, это вообще-то в порядке вещей — проверять запасы йода глубокой ночью?

Она раздраженно передернула плечиками.

— Понятия не имею. Может, так в море положено, мало ли...

— Авральную бригаду — к помпе! — послушно кричал Рошаль во все подряд голосоотводы. — Проверить борта на предмет течи!

Из трубы что-то прогудели в ответ.

Сварог задумчиво закурил. Что делать — ясности никакой. Ну, по меньшей мере — нужно выследить иуду, развернувшего броненосец бортом

к волне. Как будто весь экипаж умом двинулся. Или находится под гипнозом... Под гипнозом? А что, вполне вероятно...

— Клади, дорогая, послушай-ка меня... У тебя не было ощущения, что тебе это просто внушили?

— Внушили? Ерунда. Кто?

— Если б я знал... — вздохнул Сварог.

— Да какое там внушение! Ты меня разбудил... — Она вдруг осеклась и осторожно потерла лоб, будто боясь упустить мысль. Сказала тихо: — Хотя... вот сейчас, когда ты сейчас спросил...

— Что? — Сварог наклонился над ней.

— Ну... как бы это объяснить... Знаешь, как я сама внушаю? Я представляю себе, что глажу человека по затылку, и от моих пальцев исходит такое... такое тепло, что ли, и человек уже не может противиться. Так вот, тут было что-то очень похожее — я проснулась от того, что кто-то вроде бы гладил меня по голове... А потом ты поворачиваешься и говоришь... Нет, не поворачиваешься, ты спиной ко мне лежал, но почему-то...

— Боевая тревога! Экипажу построиться на верхней палубе! Боцмана Тольго — в рубку! — надрывался Рошаль. Наблюдать за ним было горько и противно.

Клади подняла голову, сказала испуганным шепотом:

— Граф, что происходит?

— Вот то-то и оно. — Сварог выпрямился, прищурившись посмотрел в иллюминатор, где черным покрывалом лежала ночь. — Понять бы. Но ты права: что-то действительно происходит...

Новая смена кочегаров довольно споро вернула броненосцу бодрый вид: дым красиво валил из всех трех оставшихся труб. Открывшиеся в сварных швах щели авральная команда законопатила, а где надо, наложила пластыри и подушки. Лучшего ремонта на ходу не сделать, так что работой маскап остался доволен. Вот разве что утро подкачало. Выглянуло бы солнце, просушило лужи на палубе — так нет же. Унылое, серое небо нависало над самой головой и царапалось о мачты. Выстроившийся в две шеренги у носовой мортиры экипаж выглядел подавленно. Хмурые физиономии, куда взгляд ни кинь...

Утром синее магическое свечение несколько пригасло, и к команде вроде бы стал возвращаться ум-разум. Идейка неведомого противника была не так уж и дурна, следует признать: значительно проще творить свои черные дела, когда и так все вокруг будто с ума посходили. А если поймают — всегда можно сослаться на помрачение... О событиях прошедшей ночи говорили много, но невнятно: идиотские заскоки у членов команды имели место сплошь и рядом. Кто-то попытался в ручную размотать якорную цепь и поставить корабль на якорь, поскольку-де «нужно, чтобы паровые машины отдохнули», кто-то пытался взломать арсенал — по причине, которую и сам впоследствии объяснить не мог... А еще кто-то ночью забрался в капитанскую каюту, пока Сварог бегал по «Серебряному удару», и выяснял, что за чертовщина творится на борту. Этого «кого-то» вычислить пока

не удалось, но у Сварога осталось стойкое убеждение, что Клади была специально отправлена по-дальше таинственной силой — дабы без помех разобратся с капитаном, который, к несчастью, магическому внушению не поддается... Спасибо тебе, умная крыска, выманила из ловушки. Если, конечно, ты не привиделась...

— Экипаж!.. — залихватски начал боцман Тольго, прохаживаясь между шеренг, и вдруг резко сменил тон на отеческий: — В общем, так, орлы. Ничего этакого говорить не буду. Сами знаете: среди нас есть враг. Который всеми силами старается помешать нам. То, что произошло ночью — только начало. Дальше может быть еще хуже. Ну, это вы и сами понимали с самого начала, понимали, на что идете. Путь на Граматар труден и опасен...

Сварог с некоторым беспокойством фиксировал, как осунувшиеся лица становятся еще пасмурнее. Сдурел, что ли, боцман — панихиду тут разводить? И тут Тольго вдруг заорал:

— Но за каким хреном нам на Граматаре нужны выжатые лимоны и сопливые нытики, а?! Нам нужны сильные, веселые и бодрые люди! Нам еще государство строить, не забыли? Мы одна команда или сборище сухопутных хомяков?! Какая-то сволочь сеет среди нас панику, и что я вижу — сеет вполне успешно! Да какие вы, в китовью задницу, моряки, если тут же раскисли?! Почему рожи кислые? Я вас спрашиваю! Магии испугались? Да, это магия! Теневая магия! И что с того?! Короче, так. Для поднятия настроения и боевого духа маскап Сварог разрешает... нет, приказывает каждый вечер всем свободным от вахты членам команды со-

бираться с дамами под ручку здесь, на верхней палубе, и устраивать танцы.

— А для азарта приказываю бертольеру выдавать всем свободным от вахты членам команды ежевечерне по чарке вина, — мрачно поддакнул Сварог.

— Баталеру, — уголком рта прошипел боцман. — Бертольер продуктовыми припасами не заведует.

— Поговори у меня еще, — беззлобно ответил маскап.

Судя по всему, со своей задачей дож справлялся: по рядам зашелестел заинтересованный ропот, а там, где в строю неловко пытались держать стойку «смирно» упомянутые «дамы», веселое перешептывание занялось в полный рост. Лица интернационального экипажа отчетливо порозовели.

— Ежели кто умеет играть на музыкальных инструментах, — продолжал Тольго с интонациями заправского агитатора, — прошу записаться у старпома Пэвера, он сейчас подойдет. Музыкантам, — косой взгляд на Сварога, — полагается двойная порция. Кроме танцев будем проводить состязания. Челночный бег, перетягивание каната, поднятие тяжестей, борьба, все такое прочее... С сегодняшнего вечера маскап Сварог будет обучать вас премудростям борьбы без оружия!

«Ну и дичь...» — обреченно вздохнул Сварог. Однако промолчал: в шеренгах царило явственное оживление, ночные страхи помаленьку экипаж покидали. Считая произведенный эффект достаточным, Тольго неожиданно взревел:

— Команды «вольно» не было, акульки потроха вам в глотку!.. — И опять понизил голос: — А теперь я жду, что каждый из вас посчитает личным

долгом приложить все старания, чтобы поймать затесавшегося в наши ряды изменника. Разделитесь на тройки, и пусть двое по очереди допросят третьего о том, где он был и что делал сегодня ночью. Если заметите ложь, масграму Рошалю докладывайте немедленно... А для начала я хочу, чтобы вперед выступили все, кто может что-нибудь важное сообщить о стоявшем ночью у штурвала и бесследно сгинувшем матросе Готтане.

И ведь, что характерно, ни одну из своих послов не ввернул. Хитрый шельмец, знает, как с командой обращаться...

Вперед моментально выступило пятеро матросов — и, что характерно не менее, исключительно из гидернийских. Сварог внутренне напрягся: приказа стучать друг на друга как явно, так и скрыто он Только не давал — по причине возможного нанесения урона боевому духу, — однако хитрый боцман, как видно, знал, что делал...

Выяснилось, что Готтан запросто мог слопать чужой кусок пирога и особенно был падок на сладкое. Что Готтан был нерадив, и прежний штормкапитан однажды в запале распорядился вышвырнуть оболтуса за борт, но виновник на коленях вымолил прощение. Что у Готтана в родичах писарь — конечно, не в самом Адмиралтействе, но на весьма почетной должности, да и сам Готтан из зажиточных мещан. В Катрании, столице Гидернии, его отец держал скобяную лавку, в которую запросто забегали адъютанты самого шудбината* Мадера. Что аккурат перед Исходом Готтан продул в «сто один» жалование за три месяца и старинную

* Шудбинат в гидернийском флоте соответствует контр-адмиралу.

серебряную бритву, так что вечно побирался и кланчил бритву у кого-нибудь из сотоварищей, причем просить у тоуран... простите, у клаустонцев беззоговал...

В общем, ясное дело, ничего ценного из этих рассказов Сварог не выудил. Подспудно он ожидал, что, опасаясь перекрестного допроса соседей в строю, «изменник» воспользуется поводом свалить вину на канувшего (похоже, с концами) рулевого и окажется среди пятерых болтунов — а уж его бы Сварог вычислил в два счета. «Изменник» охаивал бы исчезнувшего рулевого самым нахальным образом, благо опровергнуть наветы было некому... Выступившие из строя матросики чистосердечно морщили лбы в потугах вспомнить что-нибудь этакое, однако все преступления, в которых они обвиняли Готтана, не стоили выеденного яйца.

Сварогу показалось было, что голос одного из пятерки весьма схож с голосом невидимки, подслушанным ночью на камбузе. Он несколько раз специально переспрашивал матросика, заставлял повторять одно и то же... Нет, показалось. А Гор Рошаль со своей стороны бродил сомнамбулой меж разбившегося на кучки экипажа и краем уха подмечал все хоть на йоту подозрительное. И через каждые десять шагов поворачивался к Сварогу и пожимал плечами. Дескать, все мимо. А жаль. Молчала даже благоприобретенная способность видеть ложь — пусть репутацию уже и подмочившая, однако актуальности не потерявшая.

Сварог весомо поблагодарил болтунов, подчеркнул, что полученным от них сведениям цены прямо-таки нет, одарил каждого центавром и от-

пустил. Экипаж расходился, вполголоса обсуждая нововведения и ночные странности...

— Откройте-ка арсенал, — раздумчиво сказал Сварог Тольго. — Оружие раздайте, чует мое сердце, пригодится...

За его спиной раздалось виноватое покашливание. Это, вот счастье-то, продрал zenки Пэвер и теперь благоухал на весь корабль вокруг стойким перегарищем. Позади генерала, будто чтобы старик не сбежал, кривила гримасу Чуба-Ху.

— Мастер старший помощник, я вами недоволен, — яростным усилием сдерживая губы, дабы те не расплзлись в улыбке, как можно холоднее заявил Сварог.

— Граф, я чувствую себя, будто натер виски рауттанскими грибами, — Пэвер потер небритый подбородок. — Навакой клянусь, этот стервец подсыпал в вино какую-то дрянь. Я видел, что свою кружку он даже не пригубил. Но, старый дурак, не придал должного...

— Оставьте оправдания, мастер старпом.

— Нет, честное слово, я ведь и выпить-то успел всего две кружки. Разве это норма? Комариный укус. Дробинка — а с ног свалило капитально. Точно говорю: этот поганец пытался меня отравить. Жизнью клянусь, граф, на корабле творится что-то недоброе. Вон и Чуба может подтвердить...

— Я не уверена, — тихо сказала Чуба, на Сварога не глядя, — но отдала бы многое, чтобы оказаться на палубе другого корабля. Я не могу понять, что пытается завладеть кораблем, но стоит послушать крысиный писк, как понимаешь размеры надвигающейся опасности... Это магия, но очень... странная. Я раньше такой не встречала. Морская магия...

— Где ты была ночью?

— Мне показалось, что на корабле есть кто-то чужой, — отрывисто проговорила Чуба-Ху. — Тот, кого раньше не было. И это... не совсем человек. От него пахло рыбой. Но не так, как от рыбака — он сам был рыбой...

— Человек-рыба? — нахмурился Сварог, спросил осторожно: — Вроде... тебя? Оборотень?

— Нет, — она совсем по-собачьи мотнула головой. — Когда я человек, то я человек, а когда волк — тогда я волк. А этот... этот был одновременно и человеком, и рыбой... Я не могу объяснить.

— А тебе это... не показалось? Тут, знаешь ли, многим последнее время мерещится черт-те что...

Чуба ничуть не обиделась.

— Я побежала за ним — туда, где вы храните порох, но он меня почуял, спрятался. Я не нашла. Он был. Это точно.

Люди-рыбы, час от часу не легче. Необходимо обыскать весь корабль, иначе...

От возглавляемой Рошалем группы подбежал матрос:

— Маскап Сварог, масграм Рошаль просит вас подойти к борту, — голос матроса опять вибрировал на грани паники — будто и не распинаясь только что перед всей командой боцман Тольго ради поднятия боевого духа.

— Что еще? — скрипнул зубами Сварог и решительно зашагал к компании, по пояс перегнувшейся через фальшборт, словно углядевшей за бортом голую разбитную русалку. Помятый генерал и Чуба, естественно, двинулись за ним.

— Что там... — рыкнул Сварог и прикусил язык.

Ответ и так был ясен.

На кабелот вокруг корабля вода была не зеленой, не синей, не по-ночному фиолетовой. Даже в вечных димерийских сумерках вода за бортом сияла глубоким иссиня-черным цветом — не имела темный оттенок, а, как говорили классики, была именно «радикально черного цвета». И не оставалось сомнений, что виной не вздыбившийся со дна ил: в данное время и в данном месте это был «природный» цвет воды. А в бисты надвигался туман — белесый, плотный, густой, как кисель...

Чувствующий себя виноватым и стремящийся искупить вину Пэвер, хотя его никто не спрашивал, забубнил:

— Это бывает. Я об этом слышал. Это происходит потому, что вода продолжает отражать ночь. Вон, видите, звезды поблескивают?

«Беспросветная ночь и даже звездочки видны», — неожиданно вспомнил Сварог и покосился на Тольго. Боцман перехватил его взгляд и, явно тоже вспомнив собственный рассказ о щели между мирами, отрицательно покачал головой.

— Не вижу никаких звездочек, — буркнул Гор Рошаль. Прочие же моряки в присутствии высокого начальства мудро решили воздержаться от комментариев. — Хорошо, пусть вода отражает не день, а ночь. Но что это означает и чем грозит нам?

— Не знаю, — развел руками отставной генерал. — Это тайна. В Трех Башнях ее так и называли — «тайна черного моря», а на побережье Рансельгарда — «тайна тихого океана», потому что это происходит только в тихую погоду...

— А все потому, что на побережье Рансельгарда настоящих кругосветников не встретишь, — фырк-

нул случившийся поблизости Малыш Кулк. И безмятежно объяснил: — Все очень просто. Здесь прошла каракатица Нури, и что-то ее испугало. А где-то далеко за кормой она всплыла. И нам крупно повезло, что всплыла она далеко за кормой, иначе путешествовать бы нам сейчас не горизонтально, а вертикально.

— А это что еще за зверь? — не очень-то обрадовался прояснению ситуации Сварог.

— Очень большой зверь, живет на глубине и кормится кашалотами, — охотно отвечал Кулк. — Ее видели и Ратий Проск, и Пресноводный Фермер. Даже Шестипалый Язычник похвалялся, что неделю путешествовал у нее в желудке и встретил там людей с жабрами, из ушей которых истекал мед... Впрочем, у Язычника были серьезные причины врать, потому что, когда он отсутствовал, кто-то прокрался в Келью Чечевичного Короля...

— Задам вопрос иначе, — резко оборвал сей бурный поток командир, опасаясь наводнения. — Что испугало эту твою каракатицу? Кажется, на сей момент это единственная тварь, которая предпочла путешествовать не от тонущего материка, а к нему... Может, и нам имеет смысл опасаться того, что всполошило ее?

— Вот уж не знаю. Только вряд ли муравьям стоит бояться львов. Плоскости не пересекаются. Рассказывали, что в океане есть места, где вода солонее, и соль разъедает кожу Нури. Вот она и дрейфует...

— Сказки, — вдруг поддержал Пэвера боцман. — Что за чушь — гигантская каракатица! Мастер генерал прав: «тайна тихого океана». А то, что на набережных Рансельгарда не встретишь на-

стоящих кругосветников — чушь еще бóльшая. А Стрекозиный Язык? А Висмус Отважный? Да и вообще!..

— Плывет! — вдруг принялся тыкать пальцем один из матросов в болтающийся на волнах бесформенный предмет у самой границы приближающегося тумана. Не понятно что. Черное на черном и, как тут же отметил Сварог, магического ореола лишенное напрочь.

— Думаю, не надо это доставать, — ни к кому конкретно не обращаясь, обронила Чуба-Ху. — Не стоит забирать у волн то, что принадлежит им по праву...

— А вдруг перед нами разгадка тайны? — загорячился суб-генерал, и на лбу его заблестели бисеринки пота.

«Что, дружок, похмелье?» — чуть было не посоветовал вслух Сварог, но тем не менее принял сторону Пэвера:

— Приготовить трал и багры! Предмет изловить и поднять на ют!

— И все-таки лучше не надо отнимать у волн их добычу, — прошептала Чуба-Ху и отошла в сторону.

Через пять минут рыбалка закончилась. Загадочный предмет был пойман, водружен на палубу, с него стекала черная вода.

Предмет оказался человеком в глубоководном водолазном костюме. Медный шлем с толстым «лобовым» стеклом, свинцовые подошвы, жесткая ткань вроде толстой резины. Кессонная болезнь водолазу не грозила: к моменту поднятия на борт он уже был благополучно мертв. Матросы свинтили и оставили на палубу мощный шлем.

У найденного было почти детское лицо. Черные усики только пробились, смоляные кудри шевелил ветер... И тут Пэвер, боясь прикоснуться к мертвецу, стал показывать на испещрившие кожу родимые пятна — или что-то весьма похожее:

— За борт его! За борт! Это береговая тля!

Сварог не понял ни фига — зато матросики миглом оценили грозящую опасность. Тело, даром что скафандр весил немало, в мгновение ока перелетело фальшборт и с сочным плеском окунулось в черные волны. И больше не всплыло. Водолазный шлем прыгнул следом. Пэвер критически осмотрел руки касавшихся мертвеца моряков.

— Вроде пронесло... Марш на кухню, уксусом протереть! — И малость порозовевший лицом субгенерал наконец посчитал возможным обратиться к Сварогу: — Очень опасная дрянь, знаете ли, хотя выглядит как жалкий картофельный трутень. Стоит попасть на кожу — тут же вгрызается и уходит внутрь. Был человек — и нет человека... Вот только обитает-то она в прибрежных водах, солнышко любит. И здесь ей взяться просто неоткуда...

— Можно подумать, водолазу здесь есть откуда взяться, — сжал губы Сварог. — Посреди океана-то. А ведь помер он не так что бы очень давно...

Вслух он не сказал, что взяться бедовый водолаз мог только с подводной лодки — а до таких аппаратов димерийцам еще расти и расти. И если вспомнить, что нечто подобное упоминалось в дневнике Ксэнга, то... то тогда вообще ничего не понятно.

Он выловил из воздуха бутыль уксуса и обильно полил палубу в том месте, где лежал человек в скафандре. Оглянулся на Чуба-Ху — дескать, зря

тебя не послушали... Заиграла боцманская трубка, командуя завтрак, и Сварог вспомнил, что так еще и не позавтракал — со всеми этими заморочками. А ветерок, знаете ли, нагоняет зверский аппетит...

Лорд Гэйр в окружении Чубы и Пэвера двинулся к ближайшему люку. Ему уже во всю мнились деликатесы в кают-компании, но... В люк вывалилась толпа матросов, кинулась к нему. Что еще, — бунт, что ли?! Рука скользнула за шауром, но толпа, сохраняя дистанцию, троицу обтекла. Сварог оторопело обернулся. Его бравая команда снова строилась в две шеренги. Старшие осматривали подчиненных, свирепо сверкали глазами на опоздавших и делали придирчивые замечания насчет нарушений формы одежды. Последней на палубе показалась Клади. Может, она и желала высказаться насчет того, что два приказа к общему построению за одно утро — это уже перебор, но, оценив торжественность момента, прикусила язычок. Заняла место за спиной повернувшегося к личному составу Сварога. Младшие офицеры, чеканя шаг, по очереди доложили, что в соответствии с сигналом «свистать всех наверх» команда построена и ждет дальнейших приказаний. Сварог сквозь зубы спросил Рошала, зачем, Ловьяд заberi его душу, тот сыграл общее построение.

— Я?.. — искренне изумился старший охранитель короны.

Вот такие пироги с котятами... Хренотень, мягко говоря, продолжалась. За пять минут опроса выяснилось, что сбор не играл ни дож, ни вахтенные, ни бертольеры. Попахивало хорошо продуманным и организованным саботажем. И еще попахивало ощущением, будто кто-то, незванным пас-

сажиром проникший на броненосец, специально устроил беготню — чтоб расставленные по всем трюмам матросы не мешали чинить диверсию...

— Ну значит, так, — маскап прошелся между шеренг, заложив руки за спину и едва сдерживаясь, чтобы не... в общем, чтобы не сорваться и не наделать глупостей. Хоть один-то человек должен оставаться нормальным в этом бедламе. — Приказываю отныне считать сигнал «свистать всех наверх» провокационным и вязать зачинщика по рукам и ногам. Сдается мне, ради того он вас и выгнал на палубу, чтоб не мешали вредить... Отныне большой сбор проводить по сигналу «сушить весла». Ясно?

— Так точно, мастер капитан!!! — от вылетевшего из глоток крика завибрировали стекла в иллюминаторах.

— По местам бегом марш! Туман надвигается, в оба мне смотреть! — И, подумав, он решил нарушить изученный от корки до корки Кодекс мореплавания: — Позиционные огни не зажигать — не до того...

В самом деле: весьма сомнительно, что здесь «Серебряный удар» столкнется с каким-нибудь кораблем, а вот врагам будет не в пример легче в тумане найти броненосец по огням...

Экипаж рассыпался. Понятно, клаустонцы проигрывали гидерийцам в палубном беге. Но уже ничего, освоились... Команда исчезла в люках без сухопутной сутолоки. Сварог подумал, что позавтракать ему придется не скоро. Предстояло опять обшаривать корабль, и на этот раз во что бы то ни стало отыскать злоумышленников — или хотя бы отгадать их замыслы...

И отгадка пришла сама собой.

Он уже переступил одной ногой комингс — и тут его настиг истеричный вопль бакового наблюдающего:

— Земля!!! Прямо по курсу земля!

Первая мысль была о том, что в наблюдающего вселился бес (теперь дежурство нес матросик Норек — стоявший на посту у котельной и вроде бы магическому воздействию был повержен в наименьшей степени). Тот самый бес, который доминимал и изводил Сварога спозаранку, подбрасывая загадки и не давая ответов. Поэтому Сварог, рывнувшись: «Подзорную трубу!» — взлетел на защищенный броней мостик, чтобы убедиться прежде всего самому.

Ну и естественно, это была никакая не земля, даже без трубы ясно.

От горизонта, обгоняя надвигающийся туман, на броненосец надвигалась орда, будто не бездонный океан бурлил под форштевнем, а гуляй-поле.

— Блуждающие Острова? — робко прошептали за спиной.

Мальчишка-вестовой взлетел следом, будто белка на сосну, и протянул трубу командиру. Сварог сфокусировал линзы — и на этот раз даже выругаться, хоть по-здешнему, хоть по-земному, сил не хватило.

Это действительно мчались всадники, никаких сомнений. Вооруженные кто во что горазд, словно моджахеды, седоки погоняли запряженных дельфинов, и число нападающим было — тьма. И можно было считать везением, что всадники не утерпели, не подождали, пока броненосец запутается в тумане, и не подкрались по-тихому.

— Свистать всех наверх! — заорал маскап.

Мальчишка скатился по трапу. Тут же оглушительно взвыл корабельный ревун, повторяя — или, правильное репетуя, — команду. Сварог тоже спустился в рубку и увидел мертвенно побелевшие лица Пэвера, Олеса и новоиспеченного бертольера, как его, Дикса.

— Война, да? — азартно подобрался Олес.

— Соленый Клюв, это люди-рыбы Соленого Клюва... — вякнул бертольер.

— Вооружиться! Нашим держаться вместе! Ход не сбавлять, курс прежний! — рассыпал Сварог вокруг себя пригоршню команд и тут заметил, что верхняя палуба подозрительно пуста. А фронт лихих наездников все ближе... — Играть «Сушить весла!» — запоздало переменял он приказ, крепко подозревая, что ради такой вот путаницы и были врагом устроены утренние шарады. — Играть «Корабль, к бою!».

— Нет такой команды! — бертольер аж петуха пустил от волнения.

— А какая есть?!

— Есть «Боевая готовность номер раз» и «Корабль к бою и походу готов»!

— Играй все что угодно, миленький, — сказал Сварог, прикрывая глаза. — Играй что хочешь, сволочь, только чтоб команда мигом на палубе оказалась! И чтоб все при оружии! Иначе я тебя, гнида моя дорогая, на двадцать частей кортиком покрошу!!!

Корабельный ревун заулюлюкал. Накатывающаяся конница (или дельфинница?) ответила густым, будто сметана, воем. И хотя солнца не было, черные спины дельфинов мокро бликовали, слепя глаза.

— Эго-о-ой!!! — выли наездники, как тысяча чингачгуков, и потрясали кривыми саблями с гарпунными зазубринами.

Палить по такому противнику из мортиры, да на такой дистанции, даже шрапнелью — смысла было ноль: пока наведешь прицел, тебя десять раз оскальпируют, али нет у нападавших такой традиции? А еще минута, и плутонги* окажутся бес-
сильны...

Наконец — не прошло и года — на палубу посыпались карабинеры и автоматчики. Сварог обругал себя, что не догадался провести пару-тройку учений на случай подобной встречи. Но кто, позвольте спросить, мог предвидеть такой случай? Теперь-то остается только локти грызть... Скорее, не мы им нужны, а корабль. Железо. И все ценное, что есть на корабле. Океанские разбойники явно намерены без спроса прихватить, что понравилось.

— Отставить «к орудиям»! Занять позиции вдоль бортов! Приготовиться к абордажному бою! Кто не захватил оружия, мигом за ним! Оставшихся на постах — на палубу, всех! Клади, Рошаль, ко мне!

Кажется, он успел кое-как организовать толпу. Но шансы все равно оставались более чем зыбкими. Хотя у нападавших, уже даже рожи авангарда можно разглядеть, нет огнестрельного оружия. Может, прорвемся?..

Бойцы дали первый залп. Взметнулись брызги, поплыл пороховой дым. Несколько всадников сверзилось в воду, один застрял в стремени, и дельфин поволок его вспарывать волну, будто потерявшего

* Плутонг — группа орудий, объединенных на одном посту и имеющих одинаковый угол обстрела.

равновесие водного лыжника. Однако и атакующие имели пару домашних заготовок про запас: лишь забежавшие на нос матросы пристрелялись, передняя линия лавы по беззвучной и не выявленной команде ушла под воду. Без всякой магии. Только пена встала столбом. А следом неслись новые и новые лихачи, по надстройкам забарабанил град стрел. Стрелы царапали броню и искали щели. На ближней дистанции, оказывается, стрелы не такое уж и хилое оружие против многодюймовых калибров... И Сварог вдруг понял, что — нет, не прорвемся...

Хлоп! Первая линия вынырнула где-то напротив шканцев по обоим бортам. Опять пронесся победный вой, следом свистнули абордажные крючья. Команда ответила хаотичной и не слишком точной пальбой. Один всадник вынырнул слишком далеко, его затащило в кильватерную струю и утянуло под винт.

Возня у орудийной башни на носу иссякла. Вот стрела сшибла выглядывавшего из-за башни мортиры матроса, боец харкнул кровью на палубу и завалился мешком. Вот упал стоящий рядом матрос с вошедшим под ребра арбалетным болтом. Вот третий повис на леерах — а может быть, прикинулся трупом, дабы уцелеть в сече и сдаться на милость победителя...

Вдоль борта, скребясь о ватерлинию, невесть откуда вынырнула цепочка байдарочных днищ. Опять, будто невидимый дирижер отдал беззвучную команду, байдарки разом перевернулись киллями вниз, в каждой сидело по двое бойцов, один победно дудел в морскую витую раковину, другой, сжимая в зубах кривой кинжал, тут же бросился

карабкаться вверх по броне, и самое страшное — это ему удавалось. А вдалеке наперерез «Серебряному удару» уже мчались не дельфины с одиночными седоками, а звери вроде касаток. У каждого на спине по три бойца, да еще по одному сзади, в плоскодонках, низко стелющихся над волной, но как будто готовых взмыть и спикировать хоть на клотик, хоть в одну из захлебывающихся дымом труб...

А потом произошло самое кошмарное. Синее марево, окутавшее корабль, вдруг вспыхнуло ослепительно ярко — и в тот же момент пальба разом прекратилась!

Люди дружно бросали оружие на палубу и принимались с интересом перегибаться за борт. Даже пальцами показывать на приближающуюся орду...

Сварог глазам своим не поверил.

— Ну вот и все, отплавали, — с некоторым даже облегчением в голосе сообщил за его спиной Пэвер.

Сварог резко обернулся. Опальный суб-генерал улыбался во всю пасть и счастливо потирал руки, а в глазах его плясали прежние искорки безумия.

— И хорошо, и ладненько, — поддакнул Олес. — Надоело, генерал, по волнам-то болтаться...

— Отставить панику!.. — начал было Сварог страшным шепотом, но запнулся. Никто паниковать и не думал.

Стих рокот машин, «Серебряный удар» ощути-мо замедлял ход. Побросавший оружие экипаж слаженно, будто подчиняясь неслышной команде, выстраивался в одну шеренгу вдоль правого борта и радостными воплями приветствовал нападающих.

— Опять, — сказала Клади. — Опять то же самое, что было ночью. Какая-то магия, очень сильная, кто-то в н у ш а е т нам, что сопротивляться не стоит...

Он и сам понимал, что это магия. Но что он мог поделывать?! Сварог больно ухватил ее за плечо.

— А ты?! Ты тоже так думаешь?!

Она резко высвободилась, сверкнула гневной зеленью глаз... и вдруг улыбнулась.

— Я в порядке, граф... Я... я, понимаешь ли, внушила сама себе, что не поддаюсь чужому внушению. Вот и не поддаюсь...

Ох уж эта магия...

А захватчики уже облепили борта, как муравьи дохлого жука, переваливались через фальшборт, быстро обыскивали застывших столбами матросов, разбивали на группки и куда-то уводили... Сварог до крови закусил губу. Он ощущал полную, всепожирающую беспомощность — одно дело, когда на корабле бунт и есть возможности подавить его, одно дело, когда имеет место стычка с превосходящими силами противника, но совсем другое, если экипаж сам, добровольно спускает флаг, пребывая в полной уверенности, что действует исключительно по собственному желанию... Теперь он очень хорошо представлял себе, что чувствовала команда «Адмирала Фраста», когда на броненосце словно из воздуха материализовалась толпа вооруженных тоурантцев...

Ну, за себя Сварог боялся в последнюю очередь, в крайнем случае он уйдет на дно — в прямом смысле... а вот людей, доверившихся графу людей жалко, ведь полягут не за грош. Сознывая, что он уже проиграл это свое морское сражение,

Сварог лихорадочно пытался придумать какой-то изворот. Надавать тумачков и заставить отрываться на скорости? Не получится, дельфины дадут броненосцу не сто — триста очков вперед. Уйти в трюмы, задраться? А ежели просто так, шутки ради, пустят «Удар» ко дну?.. Боковым зрением он засек, что Чуба начала обращаться, готовясь к рукопашной.

— Не надо! — крикнул он — потому что не надо раньше времени показывать, что у тебя в рукаве есть сомнительные, но козыри, потому что собаке перепилят горло в первую очередь, а женщину.... И добавил тихо: — Поздно.

Бой, так и не начавшись, был проигран. «Серебряный удар» оказался захвачен чужаками практически без сопротивления.

По палубам прокатился траурный сигнал...

Глава одиннадцатая **Сын тюленя Шмидта**

Не от того свербило в душе плененного графа Гэйра, что их обыскали. Обшарили-то, надо сказать, весьма поверхностно. Даже матросов на предмет потаенного оружия облапали тщательней, чем командный состав — может быть, считая начальство менее рискованной породой... Хотя шаура, надо сказать, Сварог лишился. Хотя, спрашивается, зачем отбирать игрушку у пленника, который себя пленником отнюдь не полагает, а полагает себя в обществе милых и гостеприимных друзей... По крайней мере, должен полагать. Неужели

конвоиры узнали, что синяя магия Сварога не берет? А вот клык Зверя не понравился татуированному с ног до головы охраннику, пыхтящему и в висящий картошкой нос, и в спрятавшиеся за ушами жабры — зуб был отброшен в угол кают-компаний, где плененный капитан его после посредственного шмона и подобрал. И не слишком уж жестоко с ними обращались. Офицеров и женщин всего лишь заперли здесь, подальше от команды, чтоб не мутили воду и не подбивали на бунт. Женщин, кстати, с ходу не насиловали, над экипажем не глумились, ценности с корабля не выносили, кингстоны пока, опять же, не открывали... А свербила его насквозь непонятная ситуация. Ну, люди-рыбы — это мы разумеем, это бывает, пираты с жабрами, и все такое прочее — хоть с крыльями, пожалуйста. Но ведь они, как положено им ролью вольных корсаров, именно что не насиловали, не глумились и не грабили — словно выжидали чего-то. Чего? И почему они напали на броненосец — мало ли других, менее защищенных судов в настоящую минуту улепетывают прочь от Атара?.. Значит, что-то другое нужно им именно от «Серебряного удара».

— Все целы? — угрюмо спросил Сварог у своих друзей-приятелей, сгрудившихся вокруг.

— Это не регулярная армия, это всего лишь банда, — воспрянул Рошаль и принялся нервно мерить кают-компанию шагами, от иллюминатора к двери, от двери к иллюминатору, раздраженно отталкивая попадающихся на пути гидернийско-тоурантских офицеров. Офицеры поглядывали на Сварога выжидательно и вопросительно: мол, как выпутываться будем, дорогой товарищ маскап?.. Дверь

была надежно заперта, а за иллюминатором ничего интересного не происходило: серые волны и серое небо. Захватчики вели «Серебряный удар» им одним известным курсом. Масграм в бессилии ударил кулаком о раскрытую ладонь другой руки. — Броненосец в лапах банды каких-то лягушек!..

— Повторяю простой и требующий односложного ответа вопрос: все целы? — жестко перебил Сварог.

— Мне снова бедро задели, — признался Олес, сидючи на стуле в дальнем углу отсека. — Кровь пошла, но Чуба уже перевязала.

— Подумать только, если б меня не опоили вином, мы бы не свернули с правильного курса... — захрустел кулаками суб-генерал. — Да не смотрите вы так, граф, цел я, цел. И уже соображаю, что к чему. Как затмение какое нашло... А вот другие сложили головы...

Действительно, синее сияние практически сошло на нет — так, лишь легкая дымка виделась в магическом зрении, видеть, сложно для ихтиандров держать его включенным постоянно, и к экипажу мало-помалу возвращался разум...

Сварог отвернулся, сжал зубы. А ведь такую версию он не учел, хотя теперь она кажется самой разумной. Стоявший у штурвала разбитной малый не для того разворачивал броненосец лагом, чтоб бортовая качка опрокинула. И вообще, скорее всего, не виноват гидерниец. Дюжина местных боевых пловцов проникла ночью на корабль, один воспользовался моментом и подсыпал дрянь в вино, другой ликвидировал рулевого, как класс, третий навел морок на кочегаров. Им всего-то и надо было, чтобы корабль подошел как можно ближе,

оказался в пределах досягаемости десантной бригады. И задачка для них была — тьфу...

— Цел, — продолжался доклад.

— Здоров.

— Невредима.

— Думаю, это они специально каракатицу пугнули. Им все равно, плывущий корабль грабить или со дна добычу поднимать, — процедила сквозь зубы Чуба-Ху.

— А водолаз откуда взялся? — завелся дотошный суб-генерал. — Кроме того, каракатица Нური — существо наукой не изученное, да и сам факт ее пребывания на этом свете, а не на том весьма спорен... И потом, никто нас пока не грабит.

— Именно что пока.

— Вот у моего папаши были тюрьмы, сидеть в них одно удовольствие, неделями пленнику воды не давали. А тут, кажется, от сырости я скоро плесенью зарасту.

— А я в чистое белье не успел переодеться. А в несвежем помирать нет никакого удовольствия. Перед боем мы всегда в чистое переодевались. Такая вот нехитрая радость...

Клади хранила гордое молчание — совсем как иные хранили терпение во глубине очень далеких отсюда руд...

Клацнула наружная задвижка, и в кают-компанию вошли трое. Пленники машинально подались назад, подальше от двери. Однако никто с ходу не стал орать «лицом к стене» и «выходи на расстрел по одному». Напротив, вошедшие двигались с явственной ленцой и на офицеров «Удара» обращали внимания не больше, чем обожравшийся кот на отечественную сосиску. Сварог, не скрывая любо-

пытства, разглядывал ихтиандров — не каждый день такое увидишь. Все трое одеты в некое подобие облегающих шорт, на широких лоснящихся поясах из шершавой кожи, вроде как акульей, — карманы и кармашки. К руке каждого приторочен сыромятным ремешком витой обоюдоострый кинжал раза в полтора длинней гидернийских кортиков. Через грудь идет еще один ремень, на котором за спиной висит по колчану и разряженному арбалету. Эти ремни были гораздо тоньше и позволяли вдоволь налюбоваться татуировками троицы, если уж возникнет такое желание. Тут тебе и пресловутая каракатица, увлакивающая на дно по кашалоту в каждом щупальце. И что-то вроде «Девятого вала» кисти незабвенного Айвазовского, и более мирные сюжеты: поедание акулами человека-рыбы, поедание людьми-рыбами акулы, поедание людьми-рыбами людей-рыб... Явившиеся тоже рассматривали пленников, но как бы между делом, как докучную проблему, а вид имели сосредоточенный и занятой. Один, самый рослый и выделяющийся богатырским размахом плеч, стоял чуть впереди, свободной рукой, будто четки, перебирая ожерелье из жемчужин, и неторопливо продолжал давно, похоже, начатый разговор — ихтиандр слева жаловался главарю:

— ...Я и за порогом искал, и уголь весь перевернул — синее сердце будто Трехглавый Шур слизал...

— Синих сердец набрать нетрудно, трудно заговорить их на чужой блеск. Но мне Хатхичол должен пять заговоров, и я тебе их уступлю, если твоя раковина для меня нежно откроет створки, — важно ответил главарь.

— Ставишь чешую?

— Бери выше, омаром клянусь, чтоб мне уйти в глину.

— Договорились, но помни, что договор чешуи дороже...

Наконец главарь соизволил обратить внимание на пленников:

— Не бойтесь, сухокожие гидерийцы, мы не причиним вам вреда... если вы будете вести себя пристойно. Не для того мы пришли, чтобы сразу убивать...

Сварог отметил, что он отвлекся от крайне содержательной беседы, лишь когда перехватил скрестившиеся на своих татуировках взгляды.

— Нет, пусть они боятся, пусть их волосы шевелятся от страха, — забубнил человек-амфибия слева. — Пусть их зубы крошатся от страха. Пусть их глаза слепнут от страха, будто они стали свидетелями битвы у Рифа Лысых Вдов, — зачем-то стал корчить из себя бесноватого вожак.

Сварогу до зуда захотелось продемонстрировать гостям преимущества техники десантников и ларов перед подвешенными на ремешки кинжалами, но он дипломатично решил некоторое время потерпеть выходы водоплавающих гомо сапиенсов. Во-первых, его живо заинтересовало, почему они так распределили роли — обычно ведь «злого следователя» играют подчиненные, а не командиры. А во-вторых, было у Сварога серьезное подозрение, что прочая банда сейчас всю восседает на палубе, и вспышка народного негодования обернется против него же самого.

— Мы не гидерийцы... — осторожно сказал он.

Палуба под ногами слегка качнулась, корабль взял новый курс. И тут вперед выступил водопла-

вающий и водоняряющий воин — тот, что стоял сзади, чуть правее, и до сих пор держал пасть на замке. И хотя он был ниже ростом, да и амуниция у всей тройки не блистала разнообразием, сразу стало ясно, кто тут настоящий начальник. Тем более что у него за поясом торчала рукоять шаура.

— Этого, — наугад ткнул палец с ногтем, действительно похожим на рыбу чешуйку, — на допрос. Пытка водой третьей глубины, пока не скажет, кто они такие. А с остальными я немного поболтаю. Доклады буду принимать прямо здесь. Число часовых снаружи увеличить втрое.

А ведь молодец человек-плотва, подумал Сварог, не сказал в лоб: «Увеличить охрану до дюжины сабель», а сказал: «втрое». Пусть мы у него в руках, то есть в ластах, но военную тайну блюдет, не выдал ни словом, ни чихом, сколько там снаружи часовых. И водостойких своих душманов отослал подальше — дескать, разговор пойдет специфический.

Двое рыболоудей послушно выдернули вопящего гидернийца-офицера из строя пленников и уволокли куда-то за пределы каюты. Офицер пытался орать «Гидерния без скверны!» и «Димерия для Гидернии!», но, увы, без особого успеха. Остальные еще сильнее вжались в переборку и настороженно ждали продолжения.

— Итак, мастера хорошие, давайте поговорим не как палач и жертва, а, скажем, как настоящие любители приключений, — задушевно начал рыббий начальник. — Ведь вы, насколько я успел за ночь просеять матросскую болтовню, прямо-таки заправские волшебники. Кто из вас умеет превращаться в волка?

— Ваш покорный слуга, — зачем-то выступил вперед Олес. Суть его игры Сварог не понял и даже пока не решил, поддерживать ли.

— Ответ неправильный. И следующую ложь я буду вынужден наказать кровью...

— Я, — поспешила откликнуться Чуба-Ху.

— Уже лучше, — ихтиандр растянул пасть в улыбке. — Теперь меня интересует, кто умеет обращаться другим человеком? Скажем, моим закадычным врагом адмиралом Вазаром.

— Я, — решил не подставлять под удар чужие головы граф Гэйр. Не из благородства показного — просто негоже.

— Правду говорить всегда проще, — милостиво кивнул главный ихтиандр. — Кстати, отброшу титулы. Можете называть меня Унгтатом. Я король Унгтат, Соленый Клюв, правнук Диха, не слышали? Ну да, шершавые, откуда вам про меня знать...

В каюту ввалился очередной рыбий глаз — у этого на впалой груди вытатуированная меч-рыба пронзала чайку, — испуганно вылупил зенки и выдал кошмарную новость:

— Горе, командир! Это не тот корабль! Это не «Адмирал Фраст»! Там, на боку корабля, другое написано — какой-то «Серебряный удар»...

— Идиот, — спокойно сказал назвавшийся Унгтатом. — Медуза. Трепанг безмозглый. Прочь с глаз моих навсегда.

И он снова повернулся к пленникам, ухмыльнулся.

— Пресная хитрость, гидернийцы. Вы думали, что обманите нас, если поменяете название? Не получилось. Мы нашли то, что искали, а именно — вас...

«Ага, — понял Сварог, — значит, действительно им нужны мы. Откуда-то они знали, что корабль должен называться „Адмиралом“...»

— Я слышал только про Диха, — неожиданно сказал Пэвер. — Но в Трех Башнях почему-то принято считать, что это был не человек, а разумный тюлень...

— Ты смотри-ка! — хлопнул себя по ляжкам ихтиандр. — Где, говоришь, находятся эти башни? А впрочем, какая разница, нет больше ни башен, ни старого материка. А ведь ваши сухокожие мужи были правы. Дих — действительно разумный тюлень, а я — правнук разумного тюленя, и моя магия в чем-то покрепче вашей будет.

Сварог внутренне передернулся. Он понимал, почему кто-то может набиваться в дети лейтенанту Шмидту, но вот к тюленю... Брр.

Ну, это потом. А пока главное, что он не торопится звать свору подручных, чтоб всем кадыки вырвать. Значит, нужны зачем-то сыну лейтенанта Тюленя арестованные колдуны в лице Сварога. И даже не как пленники, а как приятели...

В кают-компанию вломился следующий боец, и вытатуированный сюжет на его животе странным образом напомнил Сварогу «Моби Дика» — угрюмые китобой в завитках волн гарпунят гигантскую тушу.

— О, славный Унгтат, мы перерыли весь трюм, от твоих людей теперь пахнет гнилой картошкой, больше никто на корабле не прячется...

— Вот и славно, — сказал Унгтат, почесываясь. — Значит, все в сборе. Человек с Плавающих Растений хорошо заплатит за улов... Что говорит пытуемый? Зачем они сели на этот корабль?

— Пытуемый пока ничего не говорит. Он без сознания. Яй-Вака впрыснул ему под веки слиш-ком много горькой воды...

Очевидно, что-то такое проскользнуло во взгляде Сварога, тюлений сын тут же напрягся:

— Может быть, ты, мой друг, знаешь, зачем нас попросили захватить корабль, который захватили вы? Кстати, ты не назвал своего имени.

— Там, откуда я родом, меня звали графом Гэйром, — медленно и очень тщательно подбирая слова, сказал Сварог. На сцене, кажется, появляется новый персонаж. Некто, кто попросил тюлений напасть на «Удар». Какой-то человек с каких-то Плавающих Растений... — А зачем вы напали на нас, я понятия не имею. Может быть, по ошибке?

— Сиятельный граф Гэйр думает, что Человек с Плавающих Растений ошибается, — с явным подтекстом прокомментировал эти слова Унгтат своему подручному, и тот оскалил в ухмылке зубы.

Все-таки это были не люди, не люди, и все тут, потому что в пасти ухмыльнувшегося острые полупрозрачные зубки громоздились в три ряда.

— Сиятельный граф делает большую ошибку. Но, как приятель, я не стану держать сиятельного графа в пассатном тумане. Мы следуем к острову Раскаявшихся Капитанов, которым правлю я, правнук Диха, король Унгтат — Соленый Клюв. И уж там-то я смогу выведать правду. Люди с Плавающих Растений — люди жадные, но за вас, гидернийцы с «Адмирала Фраста», заплатили сполна. Зачем? Моему величеству тоже интересно это узнать — может быть, цена была слишком маленькой... Ты чего тут застыл айсбергом?! — вдруг взвился тюлений

сын на подчиненного. — Гидерийца оттереть уксусом и снова попытать!

Младший ихтиандр исчез, будто центавр в руке нищего. Соленый Клюв повернулся к Сварогу, растянул прозрачные губы в улыбке.

— Светлейший граф, не соизволите ли пройти со мной для небольшой и доверительной беседы, которая, возможно, повлияет на вашу дальнейшую судьбу?

— В каких университетах манерам учились, великий король? — совершенно серьезно спросил Сварог.

Рот ихтиандра растянулся еще больше, хотя, казалось бы, дальше уже некуда, еще немного, и губы порвутся с треском...

— Мои университеты здесь, под водой и на воде. А говорить по-вашему меня учат такие же, как вы, людишки... Ну так мы идем или мне позвать Яй-Ваку?

Сварог пожал плечами, мельком оглянулся на своих, подмигнул Клади. Мол, я скоро. Страха он действительно не испытывал — ну не для того же захватывали корабль, чтобы капитана тут же и убить. А если начнутся переговоры, то всегда можно отыскать лазейку... Он поднялся и галантно предложил Королю Унгтату покинуть кают-компанию первым. Король не удочку не попался и довольно-таки бесцеремонно вытолкнул Сварога вперед.

В сопровождении двух молчаливых людей-жаб с арбалетами наперевес они проследовали в капитанскую каюту, в которой теперь обосновался Соленый Клюв. Что-то часто власть на корабле меняется, некстати подумал Сварог. Не к добру. Особых перестановок в каюте не наблюдалось, даже

шпага осталась висеть на стене — а вот разве что постель была скинута на пол, и прямо на ней вышался большущий, литров на сто, аквариум, доверху наполненный мутноватой морской водой — этот аквариум вроде бы украшал кубрик среднего офицерского состава «Адмирала», если Сварогу память не изменяла.

— Я присяду, а ты изволь постоять, мне так удобнее, — распорядился Соленый Клюв, без экивоков переходя на панибратство, и уселся прямоком на пол перед аквариумом.

Зачерпнул обеими руками из него воду и полил себе на жабры. Вода обильно потекла и на постель. Сварог досадливо поморщился.

— Сохнут, — доверительно сообщил Клюв. — Нельзя долго в сухом воздухе быть. Поэтому от тебя зависит, протянется ли наша беседа долго или мы сможем договориться быстро.

— Куда идет корабль? — спросил Сварог, приклоняясь к косяку.

Унгтат зауhal по-совиному — что, видимо, означало в его понимании смех.

— Вообще-то, граф, по логике событий, вопросы задаю я. Но, так и быть, отвечу. Мы, повторюсь, направляемся к острову Раскаявшихся Капитанов, моему королевству... А теперь твоя очередь, граф. Советую тебе быть совершенно искренним. У меня один вопрос, простой и понятный: кто ты такой?

— Хотел бы я сам это понять, — совершенно искренне ответил Сварог. — Особенно теперь, когда мой дом неизвестно где...

Соленый Клюв воспринял его слова на счет Ата-ра и важно кивнул.

— Да, сухокожие, не везет вам раз в пятьсот ваших лет... Нет чтобы, как мы, жили в воде, горя бы не знали, так все плаваете туда-сюда, суежитесь...

— А вас правда создал сухокожий? — участливо спросил Сварог.

Но Унгтат на шпильку не обиделся.

— Давно это было, — охотно сказал он. — Великий Сиргамас, из ваших, сухокожих, породил из собственного горла моего деда, Диха, который мог дышать и под водой, и над. Передал ему аппарат, который может превращать простых людей в людей-рыб, а сам отправился в другой мир — нести и там свет знаний и водяного счастья. Завещав нам быть хранителями и преумножателями своего благородного дела по превращению сухокожих людей в людей нормальных. И вот уже сто лет мы честно выполняем свой долг: превращаем...

«Нет уж, — подумал Сварог, — скорее всего, Сиргамас был твоим дедулей укокошен и отправился на дно кормить простых рыб... Если легенда не врет...»

И спросил с интересом:

— И все соглашаются быть... превращенными?

— После обработки моей магией — никто не отказывается. А потом, им и деваться некуда... Нас на острове много, очень много, ты сам удивишься, сколько. Почти шестьсот осчастливленных.

— Ну а мы-то зачем вам понадобились?

Соленый Ключ вновь полил шею водицей. Сказал лениво:

— Вообще-то я привык, чтобы ко мне обращались «король». Можно без Великого. Ну да я тебя, граф, по-первости прощаю... Мне ты не очень ну-

жен. Пока. Пока я не выясню, зачем ты понадобился Человеку с Плавающими Растениями...

— А это кто? — простецки спросил Сварог. — Я с ним, кажется, не знаком...

— Твое счастье, граф. Признаюсь, мы друг друга не любим, но иногда, знаешь ли, приходится оказывать взаимные услуги.

— Он будет ждать нас на вашем острове?

Соленый Клюв нахмурился.

— Кажется, ты задаешь много вопросов. И, кажется, я просил называть меня «король».

— Виноват, исправлюсь... ваше величество, — поклонился Сварог. Ему чертовски хотелось познакомиться с этим Человеком-Растением и побеседовать с глазу на глаз. Но, увы, не в такой обстановке.

— Итак, я повторяю. Зачем ты понадобился Человеку с Плавающими Растениями?

Понятно, сейчас пойдет дешевый шантаж и перевербовка. Если Сварог нужен кому-то, то почему ему не пригодиться и Соленому Клюву — так, на всякий случай...

— А растения что, действительно плавают? — заинтригованно спросил Сварог.

— Граф!

Сварог развел руки. Он уже давно разглядывал двоякодышащего короля «третьим глазом», но почему-то только сейчас разглядел источник магии, называемой им синей. В горле Унгтата мерцала лазуревым цветом яркая точка — аккуратно за адамовым яблоком. И ежели по ней вдарить, сил не жалеючи, глядишь, и своротим клювик мокрому королю...

— Ну сами посудите, ваше величество! — сказал Сварог с некоторым надрывом в голосе. —

Откуда я могу знать зачем, если даже с ним не знаком?!

Соленый Клюв нахмурился еще больше. Пленник был мало того что жалок, так еще и глуп. Но ведь зачем-то Человек с Плавающих Растений хотел получить именно его — живого или мертвого. Значит, есть, есть в нем нечто. Люди оттуда хитрые и коварные, они никогда не ошибаются... Ну, почти никогда.

— Он сказал, что очень ты ему нужен для выполнения какой-то работы. Что ты умеешь делать?

Сварог шумно выпустил воздух из легких и показал фокус с прикуриванием от пальца. Унгтат смотрел за этим процессом настороженно.

— Впечатляет, — прокомментировал он ровным голосом. — Но умение бесполезное. Впрочем, еще ты умеешь быть другими людьми. И, следовательно, еще много всего умеешь... Например, умеешь не подчиняться моей синей магии. Ну не из-за этого же он попросил тебя отловить... Хотя... — Последовал очередной полив жабр. — Мне пора в море, приятель, у нас времени в обрез, а беседа что-то не налаживается... Жаль. Я думал, граф, — может, и не отдавать тебя Человеку с Плавающих Растений. Может, думал, оставить себе, — пригодишься, мало ли... Так что выхода у нас четыре. Человек с Плавающих Растений сказал, что ты ему нужен. Но если не получится взять тебя живым — его вполне устроит и труп. Эта раз выход и это два выхода. Выход номер три: ты мне честно рассказываешь о себе и поступаешь ко мне на службу, а этому я передам, что ты утонул и мои ребята не смогли найти твое тело. На службе не обижу, не беспокойся. И выход четыре: я зову Яй-Ваку. Как

видишь, граф, ты выигрываешь только при третьем варианте. И на раздумье тебе...

Собственно, дальше ломать комедию смысла не было — броненосец все дальше уходил от безопасного курса, вскорости может замаячить на горизонте пресловутый остров Подмокших, или как они там называются, Капитанов, а уж оттуда выбраться будет значительно труднее. Надо решаться.

Аквариум взмыл под самый потолок — плавно и красиво, как миниатюрный инопланетный корабль, и это было так неожиданно, что у Унгтата самым пошлым образом отвисла челюсть. Он еще тупо смотрел на переставший подчиняться законам гравитации сосуд, когда аквариум вдруг величественно накренился, перевернулся — и вся полноценная сотня литров соленой воды обрушилась на подсыхающего короля.

Король взвыл белугой. Король вскочил на ноги и выхватил кинжал из локтевых ножен, развернулся к пленнику... Но пленник смотрел на Унгтата с таким испугом и таким обалдением, что тот на миг замер.

— Это ты сделал, мерзкий колдун? — прошипел Соленый Ключ.

— Я?! Да помилуйте, ваше величество!.. Ни сном ни духом... — пролепетал Сварог — и подумал при этом: «А ведь это очень правильно, господа, что далеко не каждому дано отличать правду от лжи — во что мир бы тогда превратился...»

А чудеса меж тем продолжались. Повисев под потолком заместо люстры, аквариум вдруг снова приобрел положенный природой вес и всей массой шваркнулся оземь, и тысячи стеклянных осколков брызнули во все стороны. Сварогу-то хоть бы что,

а вот короля зацепило. Унгтат заверещал пронзительно, взмахнул кинжалом, непонятно кого намереваясь поразить, и окропил стены многострадальной каюты каплями ярко-алой крови из распоротого предплечья. И в этот момент Сварог прыгнул.

Первый его удар цели не достиг — неожиданно проворен оказался тюлений сын, рыбкой скользнул в сторону, не переставая верещать, рубанул воздух крест-накрест. Сварог отшатнулся, присел, выстрелил тело вперед и в прыжке саданул каблуком в грудь короля острова Раскаявшихся Капитанов. Попал. Короля отбросило к переборке, он съехал на пол, кожа на голой груди вдруг лопнула, но из прорехи проглянуло не кровоточащее мясо, а чешуя... Верещание вдруг прекратилось, будто отключили фонивший динамик; Унгтут, бросив кинжал и суча ногами по полу, ухватился перепончатыми ладошками за горло, и Сварог успел выхватить почему-то уже у не сопротивляющегося Клюва шаур из-за пояса — и успел в тот самый момент, когда в каюту уже начали ломиться приспешники верховного ихтиандра.

Веер разящего серебра как пыль смахнул трех амфибий, что переступили порог первыми, но следом лезли другие, услышавшие вопль командира. Вжикнула одинокая арбалетная стрела — и отлетела в угол, напоровшись на защиту ларов. Прочих подобных демаршей со стороны людей-жаб не последовало, боялись зацепить королька... И только теперь Сварог вдруг понял, что Унгтут вовсе не страдает от пересыхания жабр, по крайней мере пока — он смертельно боится за синюю звездочку за адамовым яблоком...

— Пожар!!! — заорал Сварог первое, что пришло ему на ум, и так, что у самого уши заложило, и дал длинную очередь по лезущим внутрь ихтиандрам.

Все произошло за секунду.

Ихтиандры испуганно отступили, и в тот момент, когда Сварог отвлекся на их обстрел, Солёный Клюв предпринял отчаянную попытку спастись. Из такого положения, в котором он пребывал, встать на ноги быстро было просто невозможно — однако Клеву это удалось. Он взлетел вверх, как распрямляющаяся пружина, и обеими руками вцепился в запястье Сварога — запястье той руки, что сжимала шаур. Хватка оказалась железной, мерзкий Клёв повис на руке, поджав ноги, и завопил:

— Ко мне! Держу!..

Сварог рыпнулся было вырваться — да какое там... Ободренные сподвижники вновь полезли в каюту. И тогда Сварог сложенными горстью пальцами свободной руки яростно ткнул короля острова Раскаявшихся Капитанов в горло. Пальцы прошли сквозь плоть удивительно и до отвращения легко, как сквозь мокрую газету, пальцы коснулись синей точки, различимой только в магическом зрении, — и...

И синее сияние, навывлет просвечивающее корабль, погасло, будто выключили ультрафиолетовую лампу. А Сварог в этот момент ощутил...

Впрочем, разбираться в своих чувствах времени сейчас не было. Сварог мотнул головой, прогоняя мимолетное наваждение, резко развернулся, выискивая стволом опасность. Труп бесславного короля половой тряпкой валялся у его ног, а со сподвижниками происходило нечто странное. В тот момент, когда иссякло магическое свечение, их движения

вдруг стали замедленными и отрывистыми, как у заржавевших роботов. Вот у одной жабы в человеческом облике выпал из обессиленных пальцев арбалет, у другой отвалилась аж вся кисть и с противным звуком шлепнулась на палубу... Однако любоваться зрелищем распада лишенных колдовской поддержки амфибий Сварог не стал. Он бесцеремонно раскидал удивленно таращащихся в пространство ихтиандров (некоторые упали не сгибаясь, как манекены) и бросился вверх по трапу.

Наверху было столь же весело. Захватчики, передвигаясь по палубе слепо, сомнамбулически, рывками, натыкались иногда на преграды, иногда друг на друга и при этом иногда теряли части собственного организма, разлагающегося на глазах. Вот лоб в лоб столкнулись двое, один потерял руку, другой ногу, но в результате упали оба, некоторое время еще дергались, тупо пытаясь подняться, но не смогли. Сварога передернуло. Он вновь вскинул шаур, дал очередь — но получилось только хуже: серебряные звездочки пробивали распадающиеся тела насквозь, при этом вырывая целые куски плоти...

За бортом мелькали мокрые спины дельфинов, лишившихся седоков и теперь радостно улепетывающих прочь от железной лодки сухокожих людей.

Корабль мягко качнуло, курс опять менялся. Несомненно, с новым рулевым из класса амфибий, отряда млекопитающих происходило то же самое — иными словами, «Серебряный удар» остался без рулевого. Сварог выругался. Метнулся к кают-компании, ногой вышиб дверь и, не тратя времени на разговоры и объяснения, вытолкал пленных наружу. Ухватил за локоть Рошала:

— Где матросы?
— Что случилось, мастер...
— Убью, ваше благородие! Где матросы заперты, спрашиваю?!

— В трюме.

— Освободить кочегаров и рулевого в первую очередь, живо! Нас сносит черт-те куда...

Пронзительно завизжала какая-то женщина — на нее натолкнулся очередной человек-жаба и при этом потерял не то ухо, не то глаз.

— Этих всех за борт! — распорядился Сварог. — Да не тряситесь вы, они не опаснее заводных игрушек... Что такое заводная игрушка, знаете?..

Он вдруг запнулся. Опять нахлынуло ощущение, то же самое, что возникло, когда он коснулся пальцами синей точки за адамовым яблоком Соленого Клюва. Мир на мгновение подернулся лазурной пленкой, и над левым виском больно запульсировал плотный призрачный сгусток непонятно чего, не больше шарика для пинг-понга. Сварог непроизвольно дернул головой, непроизвольно посмотрел туда, где телепался этот шарик — там, над головой, разумеется, ничего не было, но премерзкое чувство, что сгусток все равно остался, привязанный к Сварогу, как веревочкой, не проходило...

Нахлынуло и схлынуло. Все вновь вернулось к обыденности. Сварог помотал головой. Что еще за чертовщина...

— Выводы! — потребовал он, едва перешагнув порог ходовой рубки, где оставленные им штурманы лихорадочно определялись по приборам и картам в океанском пространстве.

Сварог вернулся с обхода корабля, побывавшего в руках водоняряющих захватчиков. Обход огорчений, слава Богу, не принес: местные ихтиандры не сочли для себя полезным что-либо скоренько разломать, демонтировать или утащить. Просто не успели. Можно плыть как плыли, вот только вопрос: куда? И где мы сейчас?

— Выводы паршивые, маскап, — сообщил Кулк. — Вот мы нынче где.

И юный штурман, когда капитан склонился над столом, ткнул карандашом в обширную область на карте Ваграна, густо заштрихованную синим цветом. Ткнул с силой, карандашный грифель сломался, а на пластике образовалась небольшая вмятина, тут же, впрочем, и затянувшаяся.

— Так испокон веков обозначали самые паршивые места, куда нельзя соваться ни под каким предлогом. Где сильнее законов моря законы сил, напрямую подчиняющихся Ловьяду.

— Нет, — дож Тольго провел ладонью по небритому подбородку, — есть, конечно, дохленькая надежда, что составители карты использовали свои, особые обозначения, отличные от обычных, людских, но...

— В общем, мы, выходит, в самом центре этой дряни, — констатировал маскап Сварог.

— В самом сердце, — угрюмо подтвердил Тольго.

— Раз жабы затащили нас сюда, раз сами жабы здесь и жили, то не приходится сомневаться, что за синим цветом не кроется ничего хорошего. — Кулк дохленькую надежду дожа не разделял.

— Кратчайший выход из синей зоны на спокойную воду определили? — Сварог сотворил сигарету и закурил.

— Кратчайший отличается от длиннейшего всего на каких-нибудь два кабелота, — ответил Кулк.

— Если я что-нибудь в чем-нибудь понимаю, то оптимальный безопасный курс вот здесь проходит. — Сварог провел ногтем по пластику карты. — И синяя зона почти касается его на бисте, правильно? Значит, берем курс на бист, движемся по прямой, никуда не сворачиваем, пока не покинем эти заштрихованные воды.

— ...которые выглядят пока вполне обыкновенно, — взялся продолжить слово командира масбоцман Тольго.

— Дай Бог, чтоб так и оставалось, — сказал Сварог...

Глава двенадцатая **Над бездной**

Туман был липким, как паутина, и густым, как пароходный дым. «Кошачье зрение» его не пробивало. Включение «третьего глаза» тоже ничего не дало: туман принадлежал к явлениям исключительно природным, магией не тронутым.

Они не входили в туман. Туман образовался вокруг них, когда они плыли по чистой воде и впереди лежали кабелоты чистой воды, над головой тянулось светлым слоистым пирогом облачное небо, не происходило никаких перепадов температур, не нагоняло циклонов, не задували ветра, не проливались дожди. Просто-напросто от поверхности поползли бесчисленные дымки, словно заработали тысячи тихих гейзеров или закипело столько же

подводных чайников. Но с кипением, слава Богу, сходство было лишь по виду. Кипятком не обдало — за что, конечно же, огромное спасибо. Вполне хватало того, что ни шиша не видно и кожу раздражали липкие касания.

Ничего хорошего от тумана ждать не приходилось. Не только потому, что от хорошего они напрочь успели отвыкнуть, успели забыть, а есть ли оно вообще — это ваше хорошее. Вдобавок всеми кишками, селезенками и прочим ливером плюс сердцем, мозгом, а также шестым и седьмым чувствами они ощущали, что вляпались в поганый туман.

Сварог находился в ходовой рубке, когда поползли дымки, на глазах быстро разраставшиеся в дымы. Никто и чихнуть не успел, как корабль окутали клубы сероватой липкой взвеси. Полминуты назад — рассматривай горизонт, пока не опупеешь, сейчас же — вытяни руку и пальцев не видать.

С ответом на вопрос дожа Тольго: «Что делаем, маскап?» — Сварог не торопился. Потому что — а фиг его знает, что мы делаем! Видятся две возможности: плыть или не плыть. По-гамлетовски. Быть может, плыть вслепую и наткнуться на рифы, мели, скалы и чудовищ? Иль бросить якоря и оказаться навечно запертыми в таинственном тумане?

— Я бы держал «полный вперед», — порекомендовал Тольго — вернее, его голос из тумана.

— Нечистые, гнилые места, — послышалось бурчание рулевого, тоурантца Паорга. — Тарос, заступись и помоги! Бежать надо...

Лишь сплющив нос о стекло компаса, можно разобрать его показания. Что, впрочем, лучше, чем если бы вообще было не разобрать. Кое-как, ко-

нечно, но поплывем по прямой, а не по кругу...
Если компас не врет.

Вдруг раздался приглушенный возглас:

— Хур Симаргл!

— Что ты сказал?! — воскликнул Сварог.

— Я молчал, маскап, — отозвался Тольго.

— Не ты сказал «Хур Симаргл»?

— Не знаю я никакого Симаргла.

— И я не знаю никакого такого Хура, — это уже прозвучал голос рулевого.

То, что они не знали крылатого пса войны, это — то как раз неудивительно. Но что тогда за чертовщина?..

— Давай, Тольго, команду в машинное «полный вперед». Доверимся карте Ваграна. Там вроде бы ничего поблизости не отмечено, на что можно сесть или во что можно впилиться.

— Зато другого добра хватает, — пробурчал рулевой Паорг...

...Идти по кораблю приходилось вслепую, на ощупь. А как по-другому? Никак. Но Сварог сразу же для себя установил: начисто забыть о зрении, нету глаз, нечего на них надеяться и нечего впустую всматриваться. Зато что-то, а корабль за время плавания Сварог вдоль и поперек исходил-излазил, освоил, запомнил и изучил, и, как выяснилось, неплохо изучил.

Кому-то надо было оставаться в рубке, кому-то идти успокаивать экипаж, приказывать находиться до выхода из тумана на своих местах согласно вахтенному расписанию, не паниковать, не метаться, не бояться.

Сперва шаг был нетверд. Носком, прежде чем наступить, ощупывал опору, руки шарили по сто-

ронам. Потом, с каждым пройденным каймом убеждаясь, что он находит то, что ожидал, и там, где ожидал, шаг становился все уверенней. Иногда сквозь туман проступали мутные очертания перегорода, что несколько помогало. Сварог, как всякий лишенный зрения человек, предельно напрягал слух. Доносился приглушенный гул старющихся машин, шелестела, перемежаясь звучными шлепками, разрезаемая форштевнем забортная вода, тревожно перекрикивались вахтенные матросы. Сварог добрался до ограждения трапа. Взялся за поручень. Когда из тумана показались очертания человеческой фигуры. От трапа между Сварогом и стеной ловко проскочила девушка, слегка коснувшись графа плечом. Стройная фигура, темно-рыжие волосы, кошачья пластика. Боже, да это...

— Мара!

Он инстинктивно рванулся было за ней в туман, но никого уже не было. Да и не могло, конечно, быть. Но все-таки но еще раз негромко позвал:

— Мара?

Понятно, что ему никто не ответил. Захотелось перекреститься. Это уже приобретало клинический характер. Одно из двух. Или с самим Сварогом что-то не в порядке, или с окружающей действительностью, окутанной туманом.

Туман просочился внутрь корабля, и в коридорах тоже не было видно ни зги. Гидернийские фонари с непроницаемой пеленой не справлялись. Лишь когда оказываешься от них на расстоянии в кайм, то можно различить сквозь серую муть пятно масляного цвета.

— Кто здесь? — Сварог услышал в коридоре шаги, постукивание по стенам и раздраженное бормотание.

— Маскап?! — воскликнули в серых клубах. — Это вы?!

Сварог узнал голос.

— Я, Кулк, я. Куда направляемся?

— Что происходит, маскап? — голос штурмана дрожал на самой высокой ноте напряжения. — Откуда здесь Черные офицеры?

— Кто?

— Офицеры гвардии короля Тоуранта. Мой брат служил в Черных офицерах...

Сварог и сам хотел бы знать, что происходит. И хотел бы верить, что чертовщина перестанет происходить, когда они выйдут из зоны тумана. А пока...

— Это марроги, Кулк. Призраки. Обойди-ка вторую палубу, передай: никому своих мест не покидать, на призрачные провокации не поддаваться. Потом возвращайся в рубку. Ясно?

— Слушаюсь, маскап.

— Выполняйте.

Четкий приказ и спокойствие командира должны подействовать благотворно. Даже если спокойствие командира показное.

Кулк исчез в направлении трапа, а Сварог продвигался дальше по коридору. Мастер Рошаль должен находиться или у себя, или в кают-компании. В каюте, соседней с капитанской, граф Гэйр рассчитывал обнаружить Клады.

Где-то далеко внутри корабля раздался крик. Его подхватили другие голоса, но вскоре все смолкло. Ничего удивительного, что люди кричат, когда ме-

решится всякая дребедень. У Сварога после встречи с Кулком несколько отлегло на душе — не ему одному являются марроги...

Не обнаружив, где надеялся, Рошалья и Клади и немного не добравшись до кают-компаний, Сварог услышал пение:

Пускай презренный враг нас превзошел числом!
Мы во сто крат сильней военным ремеслом!
Мы выучкой сильны! Пусть к нашему редуту
Противник сунется, — мы с ним поступим круто:
Раздавим, разметим! Готов любой солдат
Скорее умереть, чем отойти назад!
Нет в мире ничего отрадней этой доли:
Достойно умереть в бою, по доброй воле!

Неповторимый командирский голос отчаянно фальшивевшего Пэвера трудно было принять за наваждение. Сварог позвал его, пение прервалось. Перекликиваясь, они двигались навстречу и сошлись возле кают-компаний.

— Вы с палубы, мастер Сварог? — сразу же спросил Пэвер. — Что там?

Мягко говоря, непривычно беседовать с человеком, который стоит в одном шаге от тебя, а ты его видишь как лишь смутный силуэт.

— Туман, мастер Пэвер. Это вы орали?

— Я пел. Чтоб в меня кто-нибудь не врезался... Ну и чтобы не впасть в... уныние. Туман, говорите... — как-то странно произнес суб-генерал. — Звуки? Необычные звуки были?

— Необычного хватает. Но вроде бы обходилось без звуков. Вам ничего не... являлось, мастер Пэвер?

— Вы о маррогах? Вот то-то, вот то-то, мас-кап, — обеспокоенность генерала, конечно, была

понятна, но он словно порывался сказать что-то еще. — Туман липкий, как язык шлюхи, не увидеть даже дулю под носом, марроги шляются... Слышал я от моряков истории в точности про такую же дрянь. И даже читал. Такой туман называют Слюной Ловьяда. Значит, ничего на палубе не слышно?

— А что должно быть слышно?

— Эх... Пугать зазря не стоило бы... Говорили о шелесте, о трении больших тел о борт. Словно огромные пиявки или черви ползут по бортам. Еще говорили о чавкающих звуках...

— Так пиявки или черви? — Сварог не насмеялся, просто Пэвер был настолько серьезен, что некий контраст делу повредить не мог.

— Те, кто прошел сквозь Слюну Ловьяда и выжил, чудовищ не видели. А видевшие их как раз и не выжили.

— Логично. А влипали ли когда-нибудь в подобные Слюни броненосцы? Ага, вот видите. Все-таки не каждая пиявка решится штурмовать стальной борт. Вы не знаете, где сейчас Клади и Рощаль, мастер... — Сварог осекся.

Снизу, от воды, долетел звучный шлепок и вслед за ним явственно прошуршало, словно по стали провели наждачкой.

— Слышали, маскап? — воскликнул Пэвер.

— Может, очередной маррог?

Еще раз шлепнуло. Одновременно справа и слева. И опять разнеслось мерзкое шуршание.

Сварог выругался.

— Так, мастер Пэвер. Вываливайте, что вам известно про Слюну Ловьяда. Все, до мельчайшей детали.

— Что известно?.. (Сварог не видел генерала, но мог предположить, что тот сейчас запустил пятерню в ежик на голове.) Домыслы, предположения...

— Пусть. Валяйте их. И живее, мастер суб-генерал.

Говорить живее заставляло и шуршание, прочно прописавшееся в звуковой обстановке корабля. Раздавались все новые шлепки, наждачное трение становилось все явственнее, все настойчивее.

— Полковник Некуаззи, — сказал Пэвер. — Ему можно доверять, не раз оправдывались его выводы по разным вопросам. Он собирал слухи, сравнивал, выявлял общее и на этой основе выдвигал гипотезы. Например, именно он доказал, что Поющий Олень — не миф, а...

— Мастер Пэвер! — требовательно произнес Сварог.

— Да-да, конечно... Так вот, полковник утверждает, что твари, обитающие в Слюне Ловьяда и действующие под ее прикрытием, обнаруживают жертву по запаху мысли. Так он это называл.

— Что он имел в виду?

— У тварей, по мнению Некуаззи, нет слуха и зрения. Съедобный объект от несъедобного они отличают по мысли. Мысль присуща существам разумным, а все разумные существа съедобны. Да!

На сей раз шлепок прилетел не от воды, а от Пэвера. Не иначе суб-генерал шлепнул себя ладонью по лбу.

— Что-то вспомнили, генерал?

— Да. Историю из «Энциклопедии странствий» Олегама, которая написана уже после Некуаззи. Там есть одна предубопытная история матроса.

Он с пятью товарищами спасся на плоту после кораблекрушения. Их плот занесло в Слюну Ловьяда...

— Быстрее, генерал!

Если и оставались у Сварога до поры надежды на звуковой обман, то сейчас они растаяли, как снег на печи. По бортам скребло и шуршало все отчетливей, уже не осталось никаких сомнений в реальности звуков. Разве что пока не раздавалось упомянутого генералом чавканья.

— Что-то там матросу примерещилось, и он потерял сознание, а когда очухался, то плот уже вынесло из тумана, а его товарищей рядом не оказалось. Зато оказались брызги крови. Понимаете?

— Он ни о чем не думал, и поэтому его не приняли за пищу.

— Вот именно, маскап! Ему повезло... Но вообще ни о чем не думать, находясь в сознании, невозможно.

— Так, мастер Пэвер. Задраить иллюминаторы, закрыть порты. Вы на пушечную палубу, я на жилую, потом на верхнюю. Вооружиться и быть готовым. Боевую тревогу артиллерийским расчетам. Если... Погодите-ка... — Сварогу внезапно, как посылка из Америки, пришла в голову идея. Шальная, отчаянная, но уж хуже-то от нее стать не должно. — Отставить «если», мастер Пэвер. Слушайте вводную...

...Сварог находился на мостике, там, где и место капитану, где, если доведется, должен принимать смерть командир корабля вместе с белой обезьяной. Сварог ждал, разумеется, не смерти, а развязки. Конец наступает всему, конец наступит и

туману. Что и кто останется, когда рассеются его серые клубы?.. Не одна же белая обезьяна. Думается, развязка не за горами.

Немало сил стоило донести приказ до экипажа. Гидернийским умникам следовало бы радиофицировать корабль. До броненосцев они, видишь ли, белая обезьяна, додумались, а до радиосвязи нет. Сколько неудобств порождает...

Когда он пробирался на мостик, то слышал это в каких-то считанных шагах от себя. Это, закрытое туманом, бесспорно огромное, ползло по палубе, шурша — кожей ли, чешуей ли — по металлическим листам. (Уж точно ползла не белая обезьяна.) Среди звуков чавкающих опять-таки не слышалось. И, честно говоря, не хотелось бы слышать...

Сварог ни черта не увидел сквозь туман, но, по звуку и черт еще знает как, понял — тварь движется к нему.

Он взлетел по трапу на мостик за два удара сердца, не думая при этом о ступенях, дороге, ногах, ни о чем... кроме, пожалуй, белой обезьяны.

Твари из тумана, надо сказать, проворством не отличались. А то, может быть, их тормозили непривычно высокие борта или с бронированной сталью им еще не доводилось сталкиваться. С белой обезьяной, будем надеяться, тоже не доводилось. Или сталь ослабляет запах мысли? Кто б ответил...

Бредовая, на первый взгляд, идея пришла по следам рассказа Пэвера о матросе на плоту и по мотивам справедливых слов генерала: «находясь в сознании, ни о чем не думать невозможно». Прав-

да, приходилось полагаться на неведомого полковника Некуаззи, вычислившего, что твари ползут на запах мысли.

В приказ по «Серебряному удару» пунктом первым вошло: не разговаривать никому ни с кем, сидеть на одном месте и думать, только думать, думать о чем угодно, но ни в коем случае не о белой обезьяне. Ни за что не думать о белой обезьяне под угрозой расстрела на месте, в клюз твою маму!!!

Если нельзя размышлять о белой обезьяне, то тут уж не сомневайтесь: белая обезьяна будет старательно скакать по вашим мыслям, никуда из них не выпрыгнет. Еще никто на свете, кому предписывали не думать хотя бы десять секунд о белой обезьяне, не продержался и половины раунда. Наоборот, ни о чем другом помыслить не удавалось, только об обезьяне. Любой может испробовать на себе...

Если твари чуют мысль и только мысль, то что они учуют в нашем случае? Правильно. Одну большую мысль. Огромную, размером в броненосец, общую Мысль. Как будто думает одно существо. Захотят они связываться с таким монстром? Если для них мысль равна пище, то глотки не хватит запихнуть в себя такой кусок. Пропихнуть в себя белую обезьяну. Однако все сказанное, подуманное и сделанное окажется верным, если только полковник Некуаззи не ошибся с выводами. Увидим...

Белая обезьяна не покидала и мыслей капитана Сварога, сидела в них, словно в клетке. Он старательно гнал примата-альбиноса, но тот, как и положено, упрямо возвращался.

В той тишине, что стояла в рубке, было невозможно не услышать, как гроыхнула ступень трапа, ведущего к рубке. Издать подобный грохот она могла разве под немалой тяжестью. Отозвалась и вторая ступень — нечто втаскивало себя наверх.

Дверь рубки была закрыта. Но если тварь так сотрясает ступень (вот уже и третью), то выдавить стекло или вышибить дверь этакой массой — труд невеликий.

Если б был какой-то смысл метаться по кораблю, погруженному в серую слепоту, Сварог метался бы. Но больше смысла было в том, чтобы оставаться всем на своих местах — пускай, суки, поищут, — ждать и по необходимости достойно встречать.

Над левым виском, отгоняя образ белой обезьяны, вдруг опять мерзко запульсировало, совсем как тогда, после победы над Синим Ключом, но что это означало и означало ли вообще что-нибудь, Сварог не понимал. Да и разбираться пока не хотел: ну нету сейчас времени, нету! Чудовищным усилием воли он отогнал прилипчивый шарик...

Разнесшееся мерзкое шуршание, словно тварь по-коровьи чесалась о стену рубки, действовало на нервы столь же раздражающе, как громкое скрежетание зубов. Разом загрохотали ступени по всей длине трапа. Играет она на них, что ли... Хрястнули в крепления поручни. Рядом со Сварогом зло сплюнул на пол боцман Только.

А потом раздался такой звук, будто нечто скатилось по ступеням. Последним, что нарушило тишину, было удаляющееся шуршание. И воцарилась тишина. Ну, если не считать человеческого дыхания, шевеления да звуков, сегодня прямо-таки лас-

кающих слух — звуков, естественных для режущего волны парохода.

— Расчищается, — шепнул Тольго.

Дож решился нарушить запрет на разговоры, когда туман стал рассыпаться на отдельные клочья, сквозь которые вновь начали проступать синь горизонта и лазурь воды.

— Кажется, проскочили, — сказал Сварог.

Туман редел потрясающе быстро, каждый пройденный судном кабелот освобождал от засилья серой липкой дряни, и вскоре «Серебряный удар» выскочил на чистую воду.

— Хвала Таросу! — возгласил рулевой.

«А также белой обезьяне», — добавил про себя Сварог.

Какое-то время они плыли по чистой, во всех смыслах, воде.

...Сперва даже показалось, что он всегда был здесь, он должен быть здесь, так и надо. Настолько спокойно — без пыли, шуму и спецэффектов — он возник, пристроился рядом и мирно шел себе параллельным курсом как бы с полным правом на соседство.

Представьте, что вы бредете по глухой лесной тропинке, поворачиваете голову — и замечаете, что рядом с вами, держа вашу скорость, топают чувак, без единого звука топают, вас не трогает, на вас вообще внимания ноль. Ваша реакция? В репу заехать для профилактики? Кряхтением пробудить интерес к своей персоне? Заговорить по душам? Впрямую вклеить вопрос: «Че надо, братилло?» Убежать?.. Короче, выбор широкий. Ну, некоторое время, согласитесь, вы проведете в недоумении.

Кстати, Сварог, возможно, вообще бы его не заметил, поскольку по морским сторонам в тот мо-

мент взглядами не шарил. Сварог в тот исторический отрезок времени расхлебывал последствия тумана. Последствия имели место. И даже серьезные. Чертовы твари из тумана так и не издали своего знаменитого чавканья, зато оставили после себя на бортах и палубе полосы розовой, похожей на лягушачью икру слизи. Слизь смывали с палубы матросы, выливая ведра воды и шустря швабрами; матросы восстанавливали сломанные балясины трапа, ведущего к рубке, и погнутый в нескольких местах фальшборт. Это-то как раз ерунда, а не последствия — если, конечно, не касаться слизи руками. Неизвестно, что из этого может получиться, и касаться Сварог строго-настрого запретил.

Пропал ютовый наблюдатель, тоурантец. Его, конечно, искали, мало ли куда со страху забился, но в успех Сварогу что-то не верилось.

Пожилых людей на «Серебряном ударе», так случилось, было немного, но сердце не выдержало как раз таки молодое — одна из тоуранток скончалась от приступа.

И еще. От маррогов ли, от поганных ли туманов и того, что ползало под их покровом, повредился в уме тоурантец, двоюродный брат штурмана Кулка. Тоурантец забрался в каюту боцмана, заперся там с карабином и запасом патронов. Он не желал слушать ни двоюродного брата, ни дожа, ни капитана. На все попытки заговорить дырявил дверь выстрелом. У Сварога оставалась надежда на Кладу, на ее умение внушать.

Сейчас Клада стояла вместе с капитаном в коридоре, возле несчастной двери с пулевыми отверстиями. Здесь же присутствовал и мастер Рошаль.

Клади и наткнулась на Рошаль во время прохождения через Слюну Ловьяда. Масграму чуть было не удалось повторить историю матроса из рассказа Пэвера. Он находился у себя в каюте, когда пал туман. Масграм направился в рубку, но в непроницаемых клубах споткнулся о комингс, упал и крепко приложился головой о стену. Причем неудачно попал на непригнанную заподлицо заклепку и мало того что здорово ушибся — еще и голову раскровенил. Да так и провалялся без сознания, пропустил самое интересное...

— Пока не выходит. Попробую еще, — наконец сказала Клади. — Люди в состоянии стресса воздействию поддаются плохо. Но все же поддаются — в моменты просветления... Я попытаюсь.

— Я тоже, — заявил Тольго и не стал откладывать. — Эй, Баор! Кончай валять дурака! Это я говорю, Тольго, тут со мной твой брат Кулк...

— Сколько нам еще ползти по этим местам, мастер Сварог? — негромко спросил Рошаль.

Ну, насчет того, что они ползли, грам-капитан, положим, сильно преувеличивал — «Серебряный удар» шел на пределе возможностей паровых котлов, как говорят кочегары — с открытой форсункой. Но общее настроение вырваться из области, заштрихованной на карте Ваграна синим, куда их занесло по милости Соленого Клюва, Рошаль выразил верно. Не зря составители карты тратили синие чернила, как показали первые же часы плавания по этой области...

— Еще около двухсот кабелотов, мастер Рошаль. Если приборы, опять же, не врут.

Пэвер на месте Рошалья, услышав столь безрадостное известие, выругался бы от души и потом

долго расшаркивался перед баронеттой в извинениях. Старший охранитель лишь скривился, как от приступа зубной боли.

— Он отличный парень, — не в первый раз повторял штурман, чей двоюродный брат держал оборону в каюте. — Это у него пройдет...

— Мы сделаем все, Кулк, чтобы обойтись без крайних мер...

И именно в этот момент снаружи донеслись крики. Оставив остальных возле злосчастной каюты, Сварог выскочил на палубу — вот тогда-то и увидел их нового соседа по океану.

Рядом с «Серебряным ударом» с той же скоростью, что и броненосец, скользил трехмачтовый фрегат. На борту парусника позеленевшие бронзовые буквы выстроились в название «Бурегон». Правда, буква «р» отлетела и свисала на одном гвозде головой вниз. Фрегат шел красиво: быстро, плавно, чуть накренясь, карминовые паруса выгибаются под ветром, которого нет, на кормовом флагштоке полощется вымпел с изображением солнца, разрубаемого топором, на мачте реет флаг с тем солнцем, но уже пронзенным стрелой. Пушечные порты распахнуты, можно разглядеть орудийные жерла. Над ватерлинией фрегата чернеет круглая, как от прямого попадания ядра, пробоина. Паруса тоже изрядно потрепаны — где свисают клочьями, зияют дырами, где и обгорели. На честном слове держатся и некоторые реи, а от «вороньего гнезда» на грот-мачте так и вовсе остался один железный каркас. Как жеребенок к повозке, к фрегату привязана шлюпка, скачет по волнам в кильватерной струе...

Стоп. Вот кильватерной струи как раз и не было. Да и вообще невозможного и неестественного,

если взглядеться, в паруснике предостаточно — помимо невероятной скорости. Волны не разбиваются о борта, форштевень в волну не вгрызается, фрегат словно бы идет сквозь волны, не задевая их. Шлюпка же парит над океаном, как отскочившая от воды галька-блин, да так и зависшая.

— Пурпурный Странник! — эти возгласы Сварог слышал уже по дороге на палубу.

— Пурпурный Странник, маскап! — к капитану подбежал взволнованный тоурантец, ровесник Сварога, вроде бы тоже плававший когда-то. — Пурпурный Странник, он самый! Вот где довелось увидеть...

— Корабль-призрак?

— Так точно, маскап. Маррог. Беды-то от него самого нет, но, говорят, он по добрым волнам не ходит. Не держат его чистые воды, только нечистая вода его любит. Убираться надо поскорее из тех мест, где заметил Странника.

— Золотые слова, — согласился Сварог...

А по фрегату ходили люди, с виду обыкновенные люди в разномастной одежде. Не просто ходили, а активно занимались своими делами. Броненосца в тридцати каймах от себя они совершенно не замечали. Кто-то из команды «Бурегона» карабкался на мачты, кто-то с кормы выплеснул в океан помой, кто-то — не иначе местный юнга — напильником увлеченно затачивал на баке жала якорных лап...

— Однажды Пурпурный Странник явился Бордатуму Арчу, когда тот преследовал розового кита в море Лагана, — это рядом со Сварогом кто-то из матросов рассказывал своему товарищу. — Нет чтобы ему тут же повернуть к дому...

Тем временем на шканцах фрегата разворачивались бурные события. Смуглый жилистый человек в высоких ботфортах, размахивая кривой саблей и бурно жестикулируя, явно грозил обступившим его морякам. Человека в ботфортах никто не поддерживал, а противостояло ему около дюжины по облику отпетых головорезов. Особенно старался одноглазый коротышка в цветастом платке на голове, он топал ногами и пихал товарищей, пытаясь подтолкнуть их к человеку с саблей. Да никак бунт на призрачном корабле!

— ...так и не стало Бородатого Арча. — Сварог отвлекся и услышал только конец печальной истории.

Человек в высоких ботфортах выхватил из-за пояса кремневый пистолет и... И вдруг фрегат «Бургон», иначе прозываемый Пурпурным Странником, резко взял вправо и пошел тараном на «Серебряный удар».

Даже если не знать, что имеешь дело с летучим голландцем, уклониться от столкновения не удалось бы. Какое там уклониться за несколько-то секунд!

Однако призрак призраком, а Сварог вздрогнул, когда Пурпурный Странник соприкоснулся со стальным бортом «Серебряного удара».

Но ничего не произошло — если не считать того, что фрегат, надвигаясь на броненосец, исчезал, а с противоположной стороны показываться отказывался. Пропадал, словно бы уходя в «Удар», растворяясь в нем, пока совсем не пропал. Полное впечатление, что он вошел в стальной корабль, да где-то внутри и остался. А если и правда... Для собственного успокоения Сварог должен был те-

перь проверять эту сумасшедшую версию. Хотя, когда ходишь по таким краям, ненормальное и нормальное запросто могут меняться местами...

От проверок Сварога отговорил все тот же Пурпурный Странник — чертова посудина вдруг снова появилась в кабелоте впереди по ходу броненосца. И только появилась, только показались ее карминовые паруса — как корабль-призрак нырнул... Ну, то есть так это выглядело, что нырнул. Он стал уменьшаться, погружаясь в пучину. Последней ушла под воду шлюпка. Вернее, как будто ушла под воду — речь же, не забываем, идет о призраке...

Для успокоения нервишек Сварог закурил, не торопясь покидать палубу. И вовсе не ожидая, что «Бурегон» появится вновь. Он просто собирался с мыслями. Взял тайм-аут.

Передышка получилась недолгой. Окончилась, едва «Серебряный удар» добрался до того места, где якобы затонул Пурпурный Странник...

...Вода была невероятной прозрачности. Прозрачнее горных рек, прозрачнее ключевых вод. По поверхности не бежало даже ряби, а волны, поднимаемые проходящим судном, удивительным образом затухали в двух-трех каймах от стального корпуса.

Глубина здесь не превышала двадцати-тридцати каймов, глубину легко можно было прикинуть на глаз, потому что — вот оно, дно, как на ладони, рукой подать... Дно покрывал песок лимонной желтизны и пересекали дорожки, сложенные из плоских, тщательно пригнанных друг к другу камней. Дорожки вели от грота к гроту, и гротов этих под водой было видимо-невидимо, куда ни кинь взгляд. Входы в пещеры где прикрыты водоросля-

ми, где занавешены нитями янтаря, где открыты. Между гротами стояли столы, за ними сидели люди — в основном мужчины. И не просто мужчины: по гроздьям серег в ушах, по татуировкам, по одежде, по обветренным лицам и огрубелым ладоням угадывалось, что большинство их них, если не все, моряки. Осьминоги подавали им яства и вино. Меж столами сновали морские коньки и игриво терлись о ноги. У кого-то на коленях сидели хохочущие русалки, подливали вино, обнимали за шею и осыпали поцелуями...

Там, в бездне, было слышно, как удивительно чистый девичий голосок старательно выводит:

Приходи, когда лепесток луны
Поплывет по реке небес.
Приходи потому, что жизнь — это мы,
Угодившие в темный лес.

Приходи откровением губ и рук,
Я готова почти на все.
Потому, что жизнь — это просто круг,
Это чертово колесо.

Надо всем этим жутким своей правдоподобностью бредом броненосец «Серебряный удар» сейчас и проходил. Над людьми, нежащими-ся в креслах-раковинах с трубками в зубах — а над трубками поднимаются синие облачка. Люди покачивались в гамаках, натянутых между гротами. Кто-то забавлялся, катаясь на круглой, как шар, пучеглазой рыбине. Наголо бритый пожилой человек со шрамом через всю голову, поглаживая шкиперскую бородку, вдумчиво играл с огромным омаром в игру, напоминающую шахматы. Они переставляли по клеткам трехцветного поля изумруды,

кораллы, раковины... Встречались и вполне земного облика женщины. Вот одна, уже немолодая, играет на арфе. Другая, совсем юная девчушка, кружит в танце с юношей в мундире гидернийского обер-лейтенанта, а вокруг выются стайки пестрых рыбешек... Еще одну женщину раскачивали на качелях, сделанных из водорослей и панциря краба, два проворных кальмара... Вот из грота вышла изумительной красоты дама в прозрачном, как и вода над ней, хитоне. Подняла голову, провела взглядом по людям, перегнувшимся через фальшборт, завела руки за шею и резко вскинула их, встряхнув роскошными волосами, рассмеялась... А волосы, как в замедленной съемке, колыхались медленно, заворачивающе — дело все-таки происходило под водой...

Приходи потому, что жизнь — это пыль
В паутине текущих дней.
Мы сегодня — живые. А завтра мы
Превратимся в пару камней...

И другие люди — за столами, в гамаках, на рыбах, на дорожках — бросали взгляды наверх, улыбались проходящему кораблю и призывно махали руками.

- Фиддлерсгрин!
- Морской рай!
- Великий Тарос, да это же рай моряков!
- Существует!..
- Стоять!!!

Предупредительный оклик Пэвера опоздал. Раздался всплеск, и люди на корабле, включая маскапа Сварога, увидели, как комендант угольной базы крон-майор Прого Тританг уходит под воду, по-

гружается в куши подводного рая. Вот он достиг дна, встал ногами на каменную дорожку, ощупывает себя, улыбается, счастливо оглядывается. К нему подплывает русалка с раковиной-бокалом в руках, дает ему вино, обвивает за талию. К Прого с распростертыми объятьями идет, оставляя на песке тут же затягивающиеся следы, плечистый человек в капитанской фуражке...

Но Сварог уже не любовался райскими картинками. Он двигался по палубе и планомерно отшвыривал людей от фальшборта.

— Всем отойти! Вон с палубы! Внутрь! В кубрик! Я сказал, щенки, вон отсюда! — и Сварог, сочно приложив кулаком, отправил в нокдаун какого-то сопляка с обезумевшими глазами и слюной на губах, попытавшегося вцепиться маске-пу в горло. Пусть лучше валяется в нокдауне, чем на дне.

Сварогу удалось сломать очарование, складывающееся из медленного, безмятежного, умиротворяющего парения над идиллическими видами... а виды-то сменяют друг друга, виды полны разнообразия, и каждый прелестен и манящ, и нет ничего страшного на дне, нет ничего плохого под водой, нет ничего жуткого в смерти и...

Сварог, очухавшись на мгновение на слове «смерть», не без усилия заставил себя включить «магический глаз»...

— Пэвер, Олес, Чуба, так вас перерастак, что застыли, гони всех прочь! — летел вдоль борта Сварог.

Чуба-Ху в собачьем облике перехватила, вцепившись клыками в ногу тоурантца, тащившего к фальшборту женщину, наверное жену, и ребенка,

наверное своего. Не иначе хотел уйти с ними от невзгод в сказочную страну. А Чуба, как и Сварог, скорее всего, видел а, как выглядит эта сказка на самом деле.

Отталкивая зачарованных людей от борта и надрываясь в крике, Сварог поливал океанскую воду серебром из шаура. И когда он увидел, как отшатнулись от борта люди, то понял, что серебро подействовало на морскую нечисть именно тем макарон, каким и должно оно действовать на любую нечисть. Тогда Сварог остановился, посмотрел вниз.

Вода замутилась. Вода потемнела и забулрила, взбивая черную пену. И в этой пене замелькали темные влажные спины. Спина кишмя кишели вокруг корабля — там, где над водой появлялись откусанные кисти, ступни, ноги, ошметки внутренностей... и тут же части розовой человеческой плоти накрывали темные туши. Одна из тварей вдруг взмыла вверх, по-дельфины заплясала на волне, явив себя во всей красе: вытянутая безглазая голова величиной с водолазный шлем сразу, презрев необходимость иметь туловище, переходила в длинные, напоминающие ноги, очень подвижные ласты. Тварь сжимала в пасти, полной мелких зубов, голову коменданта Прого. Словно исполняя танец злобного торжества, прошлась с головой в зубах по волнам, по тушам сородичей. Головастик веселился, пока из кишенья спин не выпрыгнул другой головастик и не вырвал из его пасти игрушку, как ватерпольный мячик...

...А потом они увидели, что осталось от флота государства Вильнур.

Тоурантец в каюте так и не поддался внушению. Расстреляв все патроны в дверь, последний

он употребил себе в горло. Это произошло как раз тогда, когда «Серебряный удар» уже шел через обломки.

Экипаж «Удара» высматривал в воде людей. Сварог приказал сбавить до «самого малого» и готов был остановить «Удар», если они обнаружат за бортом живых. Но надежд на это, прямо сказать, было немного. На воде взгляд не отыскивал ни единого куска, клочка, лоскутка, ошметка или обрывка, который превышал бы два кайма в длину или в ширину. Причем все дерево, ровным слоем покрывающее поверхность океана на несколько кабелотов вокруг, было размочалено, в отщепях, с отверстиями, напоминающими прокусы. Обрывки парусины были измяты и изодраны. Свидетельства морской трагедии выглядели так, словно чей-то флот пережевали и выплюнули. Весь флот.

— Вильнурцы, — сразу определил кто-то на палубе. — Их парусина, толстая...

— Да, — согласились с ним. — Видишь, сколько обломков весел. А у Вильнура все суда гребные, даже те, что оснащены парусом...

— Интересно, здесь их накрыло или уже в таком виде течением пригнало?..

Всякие сомнения в принадлежности погибшего флота отпали, когда они разглядели среди волн полотнище — зеленая и оранжевая полосы с правой стороны и вертикальная красная. Флаг Вильнура. До самого выхода из жуткого пятна «Серебряный удар» шел на «самом малом». Но людей ни в подозрные трубы, ни без труб среди обломков с борта так и не увидели...

А потом случился шторм. Шторм накрыл их, в полном соответствии с картой Вагранана, у границ

области синих штрихов и области, свободной вообще от всяческих обозначений. Канонический такой шторм, самый обыкновенный — без следа магии: с обязательным затишьем перед бурей, с внезапно почерневшим небом, с обрушившимся шквальным ветром, с ливневыми струями, с волнами, перекачивающимися через верхнюю палубу, с обязательным девятым валом.

Они тоже действовали вполне канонически. Развернулись носом к волне, врубили «самый полный» и лихорадочно принялись готовить помпы в трюмах. В ожидании, когда броня не выдержит ударов волн и поддастся.

Одно только выпадало из канона: этот шторм не заканчивался, не собирался стихать. Он будто прицепился к кораблю за невидимый трал и лупил, лупил, лупил...

И в какой-то момент Сварог внезапно понял: буря будет продолжаться до тех пор, пока «Серебряный удар» не сдастся... И очень скоро он ощутил, что следующего девятого вала их броненосец уже не выдержит. Понимание пришло, видимо, от того, что сросся за эти дни он с кораблем, почувствовал его, как и должен чувствовать капитан свое судно, как должно чувствовать сердце работу остальных органов тела.

«Удар» кренило — он выравнивался, «Удар» проваливался в волну — и все-таки выдирался из нее. Скрипело железо, стонали перекрытия, дрожал скелет корабля. Каждая наваливающаяся волна словно проходила с содроганием через все клетки Сварога.

В рубку ввалился Пэвер, зеленый от качки и мокрый от воды.

— Плохо дело, граф! — проорал он сквозь вой бури в самое ухо Сварога. — Корабль руля не слушается, винт, наверное, покорежило! В котельной полно воды, швы расходятся! Если зальет топку — кранты окончательные!..

И Сварог решился. Решился еще и потому, что отпал всякий смысл соблюдать осторожность. К тому же не привык он ждать, казнят его или помилюют, даже пусть дело касается стихии. Надо пускать в бой последний резерв.

И такой резерв был.

Ну, если быть честным, Сварог лишь надеялся, что в его руках именно резерв, а не последний гвоздь в собственный гроб. Основание для надежды вроде имелось: лесные и степные пожары останавливают рукотворными пожарами, пущенными навстречу...

Из рубки — рывок в каюту, в секундном перерыве между ударами волн, из каюты, со шпагой на боку — к юту. Через бесконечный дождевой поток, не дающий вздохнуть. Цепляясь за ограждения и выступы, сжимая их до судорог в кистях. Через водные валы, обрушивающиеся сверху, бросающие тебя на фальшборт и пытающиеся утащить за собой, в океан. Сердце подкатывалось к самому горлу, когда «Серебряный удар» падал в бездну между черными громадами, сердце распластывалось о диафрагму, когда «Удар» взмывал на гребень исполинской волны, чтобы тут же вновь ухнуть в мрачный провал... Молнии били без перерыва, освещая залитую водой палубу как стробоскопом. Грома слышно не было — все заглушал рев взъяренного океана.

Но — добрался.

На корме Сварог прижался к задней стене ютовой надстройки, накрепко привязал себя к ступени скоб-трапа. Достал из кармана клык Зверя, зажал в кулаке. Теперь требовалось поймать паузу между накатами валов. В эту паузу вытащить шпагу из ножен, коснуться ее клыком... А дальше, как говорится, по обстоятельствам.

Так он и сделал. Выдернул шпагу, разжал кулак, приставил клык к трехгранному клинку...

Пожалуй, никогда еще Сварог не попадал так метко — в центр мишени, в десятку, в самое «яблочко», как с мыслью о пожаре, пущенном навстречу пожару.

Навстречу буре рванулась именно буря. Хлестнуло от клинка кроваво-алыми яркими лучами, и эта Сварогом выпущенная мощь покатила прочь от корабля.

Сварог невольно стал свидетелем величайшего и грандиознейшего события — сшибки лбами двух штормов. Наверху завихрились черные жгуты и спирали встречных ураганных ветров, заплелись, как руки дзюдоистов. Валы, мчавшиеся к кораблю и от корабля, сошлись посередь и взмыли стеной, пытаясь завалить друг друга. От того, кто кого одолеет, зависело, быть «Серебряному удару» или не быть. «Удар» ждал своей участи в крохотной областенке внезапного и полного затишья. На стороне корабля билась сейчас мощь неведомого Зверя. И билась насмерть. Зверь уничтожал людей, стал проклятием атарцев на многие поколения — сейчас же его так и не истребленная сила словно пыталась искупить вину.

И буря, сотворенная природой, уступила перед Звериным натиском и злостью. Стала откатываться

по всем фронтам, по всем тремстам шестидесяти градусам...

А шпага рассыпалась, как тонкий хрусталь, брошенный на бетон. Клык же остался целым и невредимым. «Из чего следует вывод: клык выбрасывать резона нет. Если где-то вновь встретится часть того Зверя, то снова можно попробовать... Даже нужно будет попробовать, потому что на этот раз мне понравилось», — подумал Сварог, отлипая от стены.

Ну, это все — перспективный взгляд в будущее. «А чего, — спросил себя Сварог, — мне хочется именно сейчас? То есть безотлагательно, по свежим следам пережитого. Да тут и думать нечего». Желание он произнес вслух:

— Двести водки — и спать...

Часть третья

«СЕРЕБРЯНЫЙ УДАР»

Глава тринадцатая

Последний парад

Второй такой бури «Серебряному удару» будет не пережить. Потому что нет на пути портов, где можно встать на ремонт, по своему выбору в «сухой» или «мокрый» док, и квалифицированный персонал подлатает тебе посудину. Латать приходилось на ходу, используя подручные средства.

Потрепало изрядно. Расшатало в креплениях и перекосило среднюю трубу, сорвало и уволокло в неизвестность один из разъездных катеров, снесло к чертовой бабушке главный прожектор, погнуло мачту, оборвало несколько канатов, кое-где развалило фальшборт.

Внутри корабля разрушений было не меньше, а их последствия, пожалуй, оказывались тяжелее. В машинном завалило один котел и паром обварило двух кочегаров. Причем котел не просто завалился, а врезался в резервную паровую машину и искорежил ее до полного невозстановления. Таким образом, у них осталось всего две машины, причем одна сейчас не работала — она остывала, чтобы можно было вернуть котел на прежнее место.

В трюм натекло средних размеров море воды, и вода все прибывала через щели в разошедшихся листах обшивки. С водой боролись все четыре

помпы броненосца, щели спешно заделывали, накладывая «пластыри» из досок, листов железа и непромокаемой ткани. В авральную команду Сварог включил всю без исключения здоровую часть экипажа. Но шторм жестоко обошелся не только с «Серебряным ударом».

Помимо кочегаров погибло еще несколько человек. Одному разmozжило голову сорвавшимся с петель люком, другого качка швырнула на погнутое и колом торчащее ограждение трапа, одна женщина ударилась виском об угол стола. Двое, женщина и ребенок, пропали без вести — скорее всего, смыло за борт. А еще — несколько сотрясений мозга, сломанная рука, сломанное ребро, выбитый глаз, распоротое бедро и острый приступ язвенной болезни. Сущей ерундой на этом фоне выглядели бесчисленные ушибы, ссадины, порезы, вывихи. И со всем этим тоже надо было что-то делать...

Однако кое-что радовало: из поганой зоны, заштрихованной на карте Ваграна синим цветом, они все-таки вырвались. Сварог даже потребовал от своих штурманов перепроверить расчеты, мало ли, может, проклятые места влияют и на показания приборов. Во второй, а затем и в третий раз показания сошлись с первоначальными... Да, из области, где законы зла сильнее законов моря, они вырвались. И более того — вышли на прежний, безопасный, ежели верить карте Ваграна, курс.

Впрочем, останавливаться поблизости от гиблых мест Сварог не хотел. Нет уж, отойдем подальше, там уж застопорим машины и будем зализывать раны.

Не получилось.

Когда в капитанскую каюту ввалился Пэвер, у Сварога сердце сжалось от дурного предчувствия: суб-генерал был всклокочен, глаза горели, да и вообще он производил впечатление человека, только что нос к носу столкнувшегося с привидением.

— Мастер Сварог, — начал он с порога, — вы должны это видеть. Без вас решили не открывать. Такое бывает раз в жизни, а то и реже... Вот повезло же мне! А говорили — сухопутная крыса, сухопутная крыса...

— Что там еще?

Выяснилось, что мастер старпом, десять минут назад с носа корабля плевавший в буруны и размышляющий о сущности всех человеческих устремлений и о том, что неплохо бы размочить грусть глотком доброго гидернийского, неожиданно заметил тусклый отблеск слева по борту. Посмотрел в подозрную трубу, с которой почти не расставался, и в немалом изумлении увидел качающуюся на волнах бутылку. Мысль о какой-нибудь очередной колдовской ловушке ему в голову даже не пришла. Пэвер мигом свистнул случившегося неподалеку матроса и приказал бутылку изловить. С помощью «такого сачка на длинной палке, Навака знает, как она называется», бутылка была благополучно вытащена (интересно, если б сразу не поймали, приказал бы он стопорить машины?) и отнесена в кают-компанию. К величайшему сожалению генерала, вина в посудине не оказалось ни капли, зато оказалась целая рукопись. По всему, с времен прошлого Цикла. Как она выдержала мотание по волнам пятьсот лет, почему бумага не истлела в пыль — сие никому неизвестно, но «вам, мастер Сварог, нужно обязательно посмотреть».

— Обязательно нужно? — хмуро спросил Сварог: читать найденные в бутылке рукописи ему не хотелось совершенно.

— А как же, сорок копий мне в глаз! Вы понимаете, это же оттуда, с Граматара, когда он еще не затонул! И потом, по преданию, найти такую бутылку — это очень добрый знак. Очень. А уж тому, кто ее нашел... — И генерал мечтательно закатил глаза.

— Ну пошли, что ли...

Сварог нехотя проследовал за Пэвером в кают-компанию, где его уже ждал весь бравый экипаж «Парящего рихара». В центре стола мрачно возвышалась мутная, грязная глиняная бутылка незнакомой формы, с высоким горлышком, вся в каких-то обрывках подсохших водорослей, открытая, а рядом лежали несколько свернутых в трубочку желтых листиков.

— Показывайте давайте, что там у вас...

Пэвер дрожащими пальцами развернул ломкие страницы*...

Дочитать до самого конца им не дали: в кают-компанию осторожно постучался мальчишка-вестовой с сообщением: слева по борту замечены паруса.

Судно было одиночным — по крайней мере, никаких следов нахождения в пределах видимости прочих плавсредств Сварог с мостика не обнаружил и вновь пристально вгляделся в очертания парусника. А очертания-то, что ни говори, до боли знакомые... Мама дорогая, так это же...

Он резко развернул подозрную трубу на сто семьдесят градусов, подышал на линзу, протер ру-

* См. Глоссарий.

кавом, вновь поднес окуляр к глазу... И присвистнул от удивления. Ну так и есть — старые знакомые! Надо же, добрались досюда, и как только нас догнали, чудеса...

Параллельным потрепанному «Серебряному удару» курсом двигалась шхуна «Путь», которую Сварог освободил из гидернийского плена на угольной базе. Адвентистам, похоже, повезло — паруса все целы, идет ровно, весело, без крена, с такой же скоростью, благо ветер попутный... Ну, сектанты, ну Дети Зари...

— Они нас видят? — спросил он у вахтенного бакового наблюдающего.

— Должны, если оптика хорошая, — ответил пожилой клаустонец в мятой фуражке.

— А поднимите-ка на веревках вымпелы: «Привет». Есть такой?

Наблюдающий, не моргнув глазом, перегнулся через ограждение мостика и крикнул кому-то внизу:

— Приказ маскапа! Поднять на фалах сигнальные знаки «Приветствие»!

Сварог и бровью не повел. По тонкому канатику пополз вверх, к верхушке мачты, трепыхающийся на ветру флажок. Он вновь поднял подзорную трубу. Через несколько минут уже целая гирлянда флажков заполоскалась между мачт рассекающей океанские волны шхуны.

— Что пишут?

— «Рады... встретить вас... О благодарности помним... Ждите...»

Сварог нахмурился. Чего ждать-то, интересно?

— Спросите, не нуждаются ли они в помощи.

Шхуна ответила, что ни в чем не нуждается и вскоре продолжит путь, как только выполнит обе-

щанное... Путь, вишь ты, жрецы хреновы. Ну, не хотят помощи, не надо.

Сварог спустился с мостика на палубу, повернул было к кают-компаниям — дочитать познавательную рукопись, но со стороны, на этот раз уже ютового наблюдающего, донесся крик:

— Вижу дымы на горизонте!

— Да что ж это такое, не океан, а проходной двор... — пробормотал он себе под нос и решительно двинулся к корме. В груди тихонько запиликало чувство опасности. Спасибо, давно не слышали... И тут же к нему присоединилась пинг-понговская пульсация над левым виском. В унисон они затарабанили в сердце Сварога, как молотками.

Сварог приостановился, закрыл глаза, оперся рукой о холодный металл надстройки. Черт, да что за ерунда с ним творится?!

— Что-нибудь случилось, граф?! — Клади с Рошальем вышли из кают-компаний.

— У нас каждый день что-то случается, не заметила? — невесело усмехнулся Сварог и выпрямился. — Помнишь шхуну, которую мы встретили на угольной базе? Так вот она нас догнала.

— «Путь»? — сдвинул брови Рошаль. — Как они нас догнали? Как нашли в океане? Не нравится мне это, граф...

— Во-во, совершенно ценное замечание. И еще какие-то дымы на горизонте. Пойдем глянем.

...Рошаль был прав, такое никому не могло понравиться. Впрочем, это касалось отнюдь не шхуны, набитой сектантами.

— Догнали-таки, надо же... — с ноткой удивления в голосе пробормотал Сварог. Он стоял у кормового флагштока и в трубу рассматривал горизонт.

— Гидернийцы? — негромко спросил Рошаль.

— Так кто ж еще-то...

То, что это противник, сомневаться, увы, не приходилось. Два корабля были пока далеко, на самой границе видимости, и даже в трубу выглядели лишь несерьезными, едва различимыми точками на фоне серого неба. Но от них тянулись, стелились по линии горизонта размытые черные полосы. Дымы из труб. А поскольку корабли на паровом двигателе имеет только гидернийский флот, то — делайте выводы, господа, делайте выводы...

— Может, еще не догонят, — неуверенно сказала Клади. Волосы, чтобы не трепал ветер, она собрала в «конский хвост» на затылке. — Может, их потрепало круче, чем нас. Да и Бумаги Ваграна у них не было...

— Много она нам помогла, эта бумажка... сами ведь справились.

— Надейся на лучшее и готовься к худшему, — сказал Рошаль.

— Эт-точно, — Сварог опустил подозрную трубу, глубоко вдохнул соленый воздух. — Ну что, орлы, поздравляю: все, что раньше было — это учебка. Начинаются боевые будни... И скажите спасибо, что их только два...

— Спасибо, — совершенно серьезно сказала Клади.

— А почему, собственно, только два? — с недовольством поинтересовался мастер Рошаль, всматриваясь в горизонт. — Где остальные? Где сам конвой?

Сварог пожал плечами.

— Может, эти просто сбились с курса. Может, конвой уничтожен, и это все, что осталось от флота Великой Гидернии. Может, их специально откомандировали на охоту за нами. Да кто их раз-

берет... Меня другое сейчас интересует: на каком топливе, позвольте узнать, забрались так далеко? Была резервная база дозаправки, что ли?

— Скинулись... — буркнула Клади.

Сварог повернулся к ней:

— Не понял?

— Жертвуешь половиной броненосцев. Уголь на базе, предназначенный для них, переваливаешь в трюмы остальных. Остальные оказываются забиты топливом под завязку, а те, пустые, ты бросаешь... Или, вероятнее, затапливаешь.

— А что, — поразмыслив, кивнул Сварог, — вполне может быть. О таком варианте я как-то не подумал... Ну так ваши предложения, господа офицеры? Они ж не отстанут...

— Уходить на всех парах, какие остались, — не задумываясь, ответила Клади. — Если дичь убегает, значит, она трусливая, значит, слабее тебя...

— Да вы, баронетта, знаток военно-морских душ, — невесело усмехнулся бывший старший охранитель короны.

— Я, мастер охранитель, охотник... — в тон ему сказала баронетта, на Рошалья не глядя. — Они бросятся следом, войдут в раж... И мы либо уйдем, либо, если не получится, неожиданно стопорим машины и приветствуем дорогих гостей праздничным салютом в лоб...

— Извините, баронетта, но это бред, — фыркнул Рошаль. — Уж поверьте мне. Эти гонки могут затянуться до ночи, а в темноте нас расстреляют — даже пикнуть не успеем. Наши бойцы сколько стрелять обучались? А тамошние?.. Надо не так. Мы разворачиваемся, даем малый вперед этим утыгам навстречу. Поднимаем гидернийский флаг, кодовые сигналы на

вымпелах. Мастер Сварог надевает личину этого, как его, Ксэнга. И встречает сограждан с недоумением: мол, в чем дело, ребята? Я выполняю особо секретное задание Адмиралтейства. Ах, вы не в курсе? Ну тогда прошу на борт ознакомиться с соответствующими документами. А сам я к вам не пойду, я боюсь: вдруг вы мятеж подняли и в пираты подались. Почему это вы одни, где, спрашивается, остальные корабли? Кто-то из них поднимается на борт, тут баронетта его обрабатывает своим манером, а потом мы...

— Нет, — отрезал Сварог. — Тоже плохо. Красиво, но плохо. Может не сработать. Там ведь тоже не дурни сидят. Если дозаправочная база оказалось затопленной, если «Адмирал Фраст» не догнал конвой, зато нарисовался именно здесь, то что получается? Получается, что «Адмирал» на базе забил полные трюмы угля, базу потопил и предпринял самостоятельный поход к континенту. Значит, это мы самые что ни на есть пираты. Они даже слушать не станут — подойдут на расстояние выстрела, разнесут нас к чертовой матери из всех орудий и спокойненько поплывут дальше.

Рошаль сдвинул брови к переносице.

— Ну а вы, граф, что предлагаете?

Сварог задумчиво посмотрел на шхуну «Путь», скользящую в двух кабелотах слева по борту. Ветер был попутный, паруса были подняты только на гроте шхуны, но и с ними шла она неплохо, узлов двадцать делала легко. Если на ней и заметили погоню, то пока никак об этом на «Серебряный удар» не докладывали. Полагались, черти, на судьбу...

— А что тут предлагать, коли ничего другого не остается, — решил наконец Сварог. — Принимаем бой.

Рошаль выдавил из себя смешок:

— Я почему-то так и думал, что вы это скажете... — И вдруг рявкнул: — Черт бы вас побрал, граф! Это же самоубийство! Есть храбрость, а есть безрассудство. И то, что вы предлагаете, — это не храбрость! Если вам до сих пор везло, это не значит, что будет везти и дальше. Один корабль, раздолбанный в пух и прах, против двух, против прекрасно обученных моряков!.. — Он запнулся и, прищурившись, посмотрел на корабли на горизонте. Сказал тихо, сам себе: — А, впрочем — почему бы и нет...

Клади, закусив губу, молча и очень спокойно смотрела на дымы на горизонте. Лишь побелели костяшки пальцев, которыми она сжимала поручень фальшборта. Сварог обнял ее за плечи и проворчал:

— А интересно, кстати: как же они нас нашли? Явно ведь помог кто-то... — Потом встряхнулся и бодро заявил: — Вот именно, мастер грам-капитан: почему бы и нет. Не в первый раз в пекло лезем. Иного выхода у нас нет, если догонят — потопят, а если мы первыми начнем... Как сказал один император, главное — ввязаться в бой, а там посмотрим. Скажу вам по секрету: мне тоже страшно... Итак, господа самоубийцы, извольте свистать всех наверх. Высшим офицерам и всем вестовым — на капитанский мостик. Боевая тревога. Последний парад наступает. И командовать им, что самое любопытное, буду я.

— Боевая тревога!!!

Над палубой растеклась заливистая трель боцманской дудки. В ответ захлопали двери люков, мелко прогрохотал топот множества ног по тра-

пам и коридорам, со скрежетом начали проворачиваться башни орудий.

Сварог стремительно вошел на мостик. Пэвер подхватился навстречу:

— Что?..

— Воюем, дружище, — только и ответил Сварог. — Воюем...

Посмотрел на лица замерших перед ним офицеров — и осмотром остался доволен. Никто не паникует, никто не трясется от страха. Даже вестовые гавроши испуганными не выглядят. Ну, те просто еще не знают, что такое настоящий артиллерийский бой. Их следовало бы отправить на «Путь», да что толку — во-первых, все равно не успеть, а во-вторых, если погибнет «Серебряный удар», паруснику так и так не уйти от гидернийской картечи... А вот у взрослых если и присутствует легкий мандраж, так это только от ожидания. Это ничего. Это даже полезно. У штурвала стоял Дикс, старый знакомый. Хороший знак?..

— Изготовить корабль к артиллерийскому бою, — отрывисто бросил Сварог. — Передать на шхуну, чтоб уходили на всех парусах — может, вырвутся... Играем по варианту семь, помните? Рулевому — разворот на сто восемьдесят, забыл, как называется... Машинам по окончании маневра малый вперед три минуты, потом стоп, ждать команды «полный вперед». Мастер Пэвер, вы команду подаете, ясно? — Для убедительности Сварог поднес кулак к носу суб-генерала. Тот не обиделся, отрывисто кивнул. Черты лица его хищно заострились. — Расчеты к орудиям. Подручные орудий в погреба. Стволы... стволы, скажем, на правый борт. Огонь зажигательными по команде. И чтоб

на верхней палубе ни души. — Он помолчал секунду и добавил негромко: — Флаг поднять!

Ничего не забыл? Кажется, ничего. Все как на учебных тревогах. Ну-с, помолясь...

...Гидернийские броненосцы выросли уже до размера спичечных коробков, они шли почти борт к борту, один немного впереди другого, чтобы дым из труб не застилал обзор соседу. Дым стелился над водой плотным, непрозрачным шлейфом. Дальнейшее было ясным: на расстоянии выстрела они разойдутся и возьмут мятежный «Адмирал» под перекрестный огонь... Сварог стоял на баковом мостике, рядом с бравым наблюдающим из клаустонцев, ждал. Снизу доносились отрывистые выкрики офицеров, «Серебряный удар» уже завершил разворот на сто восемьдесят градусов и теперь малым ходом продвигался вперед, навстречу противнику. Откровенно говоря, он и сам до конца не знал, как поведет бой. На учебных тревогах он много раз проигрывал различные варианты, но, как известно, имитация сражения и сражение — это, милостивые государи, две большие разницы... Вариант семь, к примеру, подходил для сегодняшней расстановки сил наилучшим образом, ну а если дело пойдет как-то иначе, переигрывать придется на ходу...

Он мимолетно оглянулся — поднят ли флаг. Белый с пронзительно синим крестом андреевский флаг, в редкие минуты передышки вышитый клаустонками по эскизам модельера Сварога, поднят был, но Сварогу тут же стало не до него — потому что там, за кормой «Серебряного удара», он увидел такое, что заставило его вскинуть трубу к глазам и бессильно выматериться.

Шхуна «Путь», должная, казалось бы, уже во все лопатки улепетывать прочь от сходящихся железных машин, стояла на месте. Дрейфовала, паскуда. Паруса убраны, над гротом тоже трепыхается какой-то флаг. Какой — не разглядеть, но явно не сигнал о капитуляции. Кретины, вас же в первую очередь размажут по волнам, как дерьмо по траве!.. Ну, тут же поправил он сам себя, положим, не в первую, «Путь» стоит кабелотах в семи от «Удара», но ведь уже не успеют оттуда убраться, никак не успеют...

— Сигналы на фалах, — неожиданно сообщил наблюдающий, глядя в трубу на гидернийские посудины.

Мигом забыв о распроклятой шхуне, Сварог развернулся и тоже посмотрел в трубу. Действительно, над впереди идущим вражеским броненосцем радостно заполоскались разноцветные вымпелочки.

— И что говорят? — спросил он сквозь зубы.

Наблюдающий принялся разбирать сообщение:

— «Приказываю... застопорить машины... спустить флаг... орудия отвернуть... высшим офицерам построиться... на баковом мостике... шлюпки... не спускать... Открываю огонь... через пять минут после... неисполнения...»

— Приказывает он мне, видите ли, — хищно оскалился Сварог. — Ну-ну...

Значит, пока расстреливать мятежников в упор гидернийцы не собирались. То ли снаряды берегли, то ли хотели захватить «Адмирал Фраст» целым и невредимым... На всякий случай, так, для успокоения совести, он включил «третий глаз». Что ж, гидернийцы действительно к помощи волшебства старались не прибегать: в магическом зрении, как

и в реальности, приближающиеся громады оставались серыми и тусклыми.

— Ответим? — спросил наблюдающий.

— Обязательно, сокол ты мой, — задушевно сказал Сварог. — Обязательно ответим...

Плавающие крепости гидернийского флота, не сбавляя ход, начали грациозно расходиться, беря «Серебряный удар» в клещи — молодцы, все правильно делаете, все по науке, а вот мы поступим не правильно... Уже и без подзорной трубы можно было увидеть ошетилившиеся пушками корпуса броненосцев.

Сварог перегнулся через ограждение мостика, выцелил взглядом замершего возле черного провала дверного люка вестового. Крикнул:

— Машинам полный вперед! Огонь носовым главным по цели правого борта!

Вестовой мигом исчез в люке, и Сварог почти физически ощутил, как его приказ стремительно летит по коридорам и отсекам, от вестового к вестовому, и по голосоотводам, в сторону капитанской рубки и к носовой башне...

Он еще успел с мстительной радостью разглядеть в подзорную трубу, что океан не пощадил и вражеские корабли: броненосец справа шел с заметным креном на правый борт, часть надстроек отсутствовала напрочь, будто срезанная исполинским ножом, ствол носовой мортиры закручен штопором, из пяти труб броненосца справа дымит только одна, корпуса обоих кораблей покрыты вмятинами, будто по ним лупили исполинским молотом, а потом...

Потом палуба вдруг больно ударила по пяткам, воздух, спрессованный в гранитный монолит, об-

рушился на людей, на мгновение померк дневной свет. Ослепительно белая струя огня вырвалась из дула носовой мортиры «Серебряного удара», дымный след, стремительно удаляясь, прочертил в воздухе плавную завывающую дугу — и коснулся надстроек броненосца справа. Даже сквозь звон в ушах до Сварога донесся дружный вопль из глоток родимого экипажа.

Такого просто не могло быть. Чтобы первый же пристрелочный залп неопытного расчета дальноточной мортиры накрыл движущуюся цель — это невероятно.

Но так было. Новичкам везет, не правда ли?..

Нос вражеского броненосца окутался черным копотным дымом: прямое попадание ядра разворотило основание носовой надстройки, и зажигательная смесь, моментально воспламенившись, хлынула по палубе, выискивая малейшие щели в стыках металла, чтобы хлынуть внутрь.

Еще один залп! Увы, второй раз чуда не произошло: выстрел мортиры дал недолет, и перед острым носом подраненной бронированной дуры противника вырос белесый столб, потом опал тысячами брызг, и вода вспыхнула — зажигательный состав горел даже на воде. Броненосец вошел в огненное озеро, подмял его под себя, и тут же на его борту расцвели пламенно-дымные цветы. Сварог невольно вжал голову в плечи — знал, что вражеские снаряды, спасибо магии ларов, ему нестрашны, но рефлексy оказались сильнее разума. С надсадным воем пикирующего самолета ядра противника одно за другим бултыхнулись в воду справа по борту — тоже недолет — и разорвались со стократно усиленным треском разрываемой бумаги. Не зацепили?

Не зацепили. Водяной вал шумно обрушился на артиллерийскую палубу, отдельные капли долетели и до Сварога. «Серебряный удар» сильно качнуло, а следом донеслось и запоздалое «бух, бух, бух» гидернийской артиллерии.

Корабли сходились со скоростью курьерских поездов, уже и без трубы можно было разглядеть такелаж вражеских посудин, так и не спущенные флаги на фалах. Рулевой, как и было задумано, направлял «Удар» аккуратно между ними. Дьявольски опасный маневр, тут и ежу понятно, ни в каких учебниках по тактике не описанный, но Сварог истово надеялся, что проскочит: не станут же гидернийцы лупить прямой наводкой, любой промах грозит прямым попаданием по своим же, по кораблю, находящемуся с другого борта от мятежного экс-«Адмирала»... Или станут? Зато мы сто процентно можем шарахать с обоих бортов в лоб. Пока те сообразят, что мы не на таран прем, пока перенацелятся... Только бы рулевой не подкачал — не вцепился в противника на полном ходу, и не притянуло бы бортами, тогда костей точно не соберем...

Как видно, стрелки левой вражеской крепости номер два, той, что пока от огня «Удара» не пострадала, были, не в пример коллегам, более меткими. Залп их носовой мортиры накрыл кормовую надстройку «Серебряного удара», фонтаном взметнулись в воздух осколки черного металла в облаке огня, тут же повалил дым, сносимый набегающим потоком куда-то за корму, броненосец качнуло вторично, сильнее, и Сварог уцепился за ограждение. Выругался шепотом: «Тут зигзагом надо идти, сбивая прицел, но зигзагом нельзя, щель между

кораблями махонькая, не впишемся», — и гаркнул наблюдающему, когда грохот немного утих:

— Вниз, живо!!!

Наблюдающий обалдело тряс головой, смотрел на Сварога выпученными рыбьими глазами. Ага, пробрало, ну, с боевым крещением тебя, с-соколик... Не размахиваясь, Сварог залепил ему звонкую пощечину. Вышло чуть ли не громче, чем взрыв на корме.

— Вниз, я приказал! За броню!

И пихнул соколика к трапу. Наблюдающий скатился по ступеням и, трогательно прикрывая затылок руками, нырнул в люк. Без тебя обойдемся. Все равно толку никакого... Оставшись снаружи один-одинешенек, Сварог мельком оглянулся — оценить урон, но корма сплошь была затянута дымом, ни хрена не разобрать.

По большому счету, он и сам сейчас должен был находиться на своем боевом посту, сиречь в командирской рубке, но там и без него разберутся, если только не полные идиоты, и, понадобится принять срочное решение, — примут... А вот наше место пока здесь, у всех на виду. Во-первых, наверняка с вражеских кораблей видят беззащитную фигурку на мостике, наверняка руки чешутся шмальнуть по наглецу прицельно, ну так давайте шмаляйте, волки морские, незабываемое зрелище вас ждет, обещаю. А во-вторых...

А, бля!...

Ядро звонко бухнуло в покатый борт, совсем рядом, срикошетило, шипя, свечой ушло в небо — и взорвалось каймах в тридцати над головой. «Красиво было, черт подери, как на салюте: букет обалденно ярких раскаленных капель фыркнул в разные

стороны и огненным, но уже неопасным дождем оросил палубы. Зонтик нам бы сейчас ох как не помешал... А вот, кстати, животрепещущий вопрос, судари мои разлюбезные: если рванет здесь, на мостике — сметет ли меня ударная волна? Или всего лишь разорвет барабанные перепонки? Или взять, к примеру, осколки палубного настила — не изрешетят ли они мое брненное тело, как сито? Ведь это не само оружие, на которое лару плевать, это, так сказать, последствия применения оружия... Будем надеяться, что обойдется: за всеми этими возможными неприятностями стоит не Природа, а всего лишь обыкновеннейшее желание человека укокошить себе подобного. Но за борт швырнуть, пожалуй, может, утопнуть-то не утопнем, но вымокнем изрядно...»

Откровенно признаться, страшно ему было до чертиков, поэтому Сварог и позволял резвиться сумбуру в голове. Канонада гремела уже не переставая. К бою носовой мортиры подключилась и средняя артиллерия «Серебряного удара», бойцы лепили с обоих бортов, ответные снаряды буквально свистели над головой, но цели, хвала Аллаху, достигли немногие. Полыхало на корме, полыхало справа, оба разъездных катера разметало в щепы, это ничего, аварийные партии уже должны тушить пожары, главное — корабль продолжал лететь вперед, машинное отделение, отгороженное от битвы не одним метром брони, не пострадало и работало как сердце спортсмена...

«Серебряный удар», сотрясаемый ударами ядер, вонзился в узкое пространство между вражьиими исполинами, грохот оглушил, как от проносащегося мимо паровоза... Сварог, до рези напрягая

глаза, разглядывал броненосец слева, как наиболее опасный, стараясь запомнить все до мелочей: вытянутый в длину, с близко посаженными и скошенными к корме трубами числом три, штопором закрученный ствол мортиры, облупившееся название на скуле — «Святой Артис», странная вмятина с зеленоватым отливом на борту — аккурат под казематами каронад, цепочка таких же вмятин поменьше правее, направленные, кажется, точно на Сварога пушки среднего калибра...

Ну, с Богом, что ли...

Он не собирался поднимать броненосец противника в воздух, он просто хотел облегчить вес одного его борта, который видел во всех деталях, просто немного толкнуть корабль. Почему бы и не попробовать?!

Сварог закрыл глаза. Отстранился от рева канонады. Сосредоточился... И вложил в заклинание всю свою усталость, всю злость и ненависть, все, без остатка, желание победить...

Открыл глаза. Да, корабль противника явно качнулся на полном ходу, рыскнул в сторону, наверное, пара-тройка ядер ушла за молоком — но это была капля в море... Тьфу, дурацкий каламбур. Ч-черт... От прямых попаданий «Серебряный удар» трясся как мышь под током. Ядро, набитое картечью, разорвалось в нескольких шагах от Сварога. Полетели в разные стороны ошметки раскаленного металла, лицо обдало жаром и гарью, вокруг точно пули засвистели... только никакие это были не пули — картечь...

Пригибаясь, Сварог скатился вниз и под прикрытием брони рванулся к рубке. На полпути забега его едва не вышвырнуло за борт — особенно

точное попадание в борт корабля задело что-то из жизненно важных элементов, воздух прорезал надрывный свист, корпус задрожал. Но они уже вырвались из клещей. Теперь — разворот и под прикрытием дымов из вражеских труб стрелять, стрелять, стрелять...

В рубке как будто разорвался снаряд. Штурманские столы перевернуты, осколки иллюминаторного стекла хрустят под ногами, в голосоотвод что-то надрывно орет Рошаль, даже дымом откудато тянет...

— Обстановка? — с порога спросил Сварог.

— Хреновая! — рапортовал Пэвер. — Точно бьют, собаки, одна машина вышла из строя, в трюмах течи, носовая надстройка...

— Потери?

— Еще не докладывали...

— Мастер капитан! — закричал рулевой Дикс, на секунду опередив доклад с мостика. — Они разворачиваются!..

Сварог метнулся к выбитому иллюминатору, со злым удовольствием отметил, что выстрелы «Удара» втуне не пропали — «Святой Артис», коптя как дымовая шашка, на глазах терял ход, второй корабль еще больше завалился на борт, даже отсюда видны черные дыры в броне... Однако противник умел быстро и слаженно перестраиваться. Вражеские броненосцы выполняли слаженный маневр, разворачивались, не давая «Удару» спрятаться в дыме, и одновременно друг с другом наводили кормовые мортиры. А прямой удар из двух мортир — это страшно, господа...

— Лево руля!!! — заорал Сварог. — С линии стрельбы уйти! Чтоб вас, уходим с лин...

Было поздно. Более опытные гидернийцы свое дело знали на отлично. Залпы слились в один, и «Серебряный удар» буквально выбросило из воды, едва не опрокинуло на борт. Сварог только чудом остался на ногах, остальные попадали друг на друга. Кто-то закричал, хватаясь за сломанную руку.

— Рули заклинило! — как горох из пустого мешка посыпались тревожные доклады. — Вторая машина встала!.. Пробойна ниже ватерлинии левого борта!.. Срочно авральную команду!.. Водяная тревога!.. Пожарная тревога!..

Еще залп! Броненосец подбросило вторично, он резко осел на левый борт, и Сварог печенкой почувствовал, что все. Вот теперь действительно конец. Их добьют, как раненую лошадь. Пощады не будет. И тут...

И тут пальба стихла. Несколько раз сгоряча гавкнули было бортовые орудия «Удара» — мимо — и тоже озадаченно замолчали. В наступившей тишине кто-то наступил на стекло, и звук получился оглушительным. Стало слышно, как стонет смертельно раненый корабль, как трещит пламя, как кто-то тоненько воеет где-то на носу. «Серебряный удар» плавно качнулся на волне, на другой, на третьей, броненосец ощутимо стало разворачивать, будто кто-то тянет его за веревочку, послышался отдаленный гул...

— Что за херня... — ошарашенно прохрипел Пэвер.

В иллюминатор видно не было ни шиша, и Сварог выскочил на накренившуюся палубу, посмотрел за корму. Глазам не поверил и схватился за подозрительную трубу.

Да, зрелище было величественным, даже в серых сумерках. Будто вытащили пробку в ванне, и

грязная вода водоворотом устремилась в слив... Вот только пробка эта должна быть размером в полкабелота и находиться аккуратно под кораблями противника.

Чудовищная, невероятных размеров воронка начинала стремительно раскручиваться под вражескими броненосцами, ширясь и вытягиваясь в глубину, в бездну. Корабли на ее фоне казались игрушечными, как щепки их болтало и крутило вокруг вертикальной оси... но они уже ничего не могли поделать, даже если бы врубили полный ход. Водоворот по гигантской спирали раскручивал их вдоль наклонных матовых стен, испещренных серыми полосами пены, и затягивал в себя, всасывал, увлекал вниз... Даже до палубы «Серебряного удара» доносился монотонный гул — какой же грохот царит там...

За спиной Сварога потрясенно выругался Пэвер. «Серебряный удар», влекомый движущейся водой, плавно начал скользить в сторону исполинской воронки... Все закончилось очень быстро, Сварог, наконец немного пришедший в себя, догадался включить «третий глаз» — и успел увидеть самый конец. Разумеется, это была магия. Он увидел, как бешено вращающийся столб неяркого розоватого света, раскрутив водоворот до нужной скорости, неторопливо вытягивается из воды, сморщивается, усыхает — и возвращается к хозяину, к шхуне «Путь», виднеющейся неподалеку и тоже окутанной розоватым светом... Кошмарный омут, всосав в себя гидернийские броненосцы, замедлил свой стремительный бег и исчез. Вместе с вражескими кораблями...

— Что это было? — шепотом спросил Олес, тоже выскочивший на палубу.

Сварог пожал плечами, не отрывая взгляда от того места в океане, где только что маневрировали броненосцы.

— Это меня поблагодарили за одну услугу, — ответил он. — Где наблюдающий? Наблюдающего на мостик, я хочу подать сигнал на шхуну. А потом буду принимать доклады по состоянию корабля. — Он оглядел свою банду и едва заметно улыбнулся: — Ну, чего встали, охламоны? По местам. Мы победили. Но еще не приехали.

Глава четырнадцатая **Его прощальный поклон**

— Мы здесь, — сказал Кулк. Его правый глаз заплывал багровым, багрянец окаймляла чернота. Тоурантец то и дело шумно всасывал кровь, набегающую из дупла выбитого зуба.

Прежде чем засесть за карты, юный штурман с лихим прошлым, расстегнув куртку, тщательно вытер руки об исподнюю рубаху. Перепачканное копотью лицо его не волновало, лицом бумаг не касаться.

— Мы здесь, — повторил Кулк и кончиком карандаша показал на ничем не отмеченную точку на пластиковом поле карты Ваграны.

Они отклонились от идеального маршрута кабелота на три и сейчас пребывали вне переплетений разноцветных линий, но вне синих эллипсов и красных кружков, вне заштрихованных квадратов и прочих обозначений, нанесенных на карту. Они находились на свободной воде. И эту воду

зачерпывали продырявленными бортами. По этой воде еле чапали на последней уцелевшей паровой машине, которая лишь усердием измотанных кочегаров держала предельное давление в котлах и хоть как-то толкала вперед броненосную махину. Но куда толкала, зачем? Надежда вдруг разглядеть на горизонте кромку спасительной земли или на худой конец флот какого-нибудь Шадтага и подсесть на его суда пассажирами в обмен на легендарную карту была хиловата. Хиловата — это если выразаться крайне сдержанно. Тем более хиловата, если двигаться наугад. Тем более на карте Вагранана ничего обнадеживающего поблизости не отмечено, например островка с намалеванной посередке пальмой. Чертова шхуна «Путь», сделав свое дело, растворилась на горизонте — даже не попрощались, сволочи... хотя и благородные, надо признать, сволочи, выполнили обещание... Пэйла, кажется, говорила, что они еще встретятся? Ну, если так, то Сварог выскажет ей в лицо много всего интересного. А сейчас не до того. Помогли — и спасибо.

— Какие будут мнения? — Сварог поинтересовался мнением у трех человек, не считая рулевого Дикса, хмуро обступивших столик с картами.

— У нас остались шлюпки, — готовое мнение сразу нашлось только у Кулка. — Весь экипаж на них не поместится, будем тянуть жребий. Однажды Однорукий Ло напоролся на шершавую банку, так называют отмели, на которые базальтовые скаты стаскивают рыбы кости, крабы и черепахи панцири; человеческие скелеты и белые камни, принимаемые скатами за кости. Бригантина Однорукого Ло пропорола днище. Ло пересадил своих

псов в шлюпки. Они болтались по волнам около недели, когда вдруг попали в течение, и оно вынесло их к Атару.

— Они влипли пусть и далеко от земли, но все же в досягаемости земли, — сказал дож Тольго, сжимая зубами потухшую трубку. — Здесь же на тысячи кабелотов вокруг одна вода. Если не считать островов, которые где-то блуждают. Но не гоняться же, в самом деле, за призраками. В равной степени тогда можно уповать на появление Пенной Мамы. — Дождь-боцман упрятал трубку в карман. — Я пошел к своим парням. Чувствую, уже может расползаться отчаянье. Дескать, на кой нужно качать воду, расходуя последние силы, когда конец неотвратим. Пойду напоминать про честь семей, про мужское самолюбие и хваленую стойкость клаустонцев. Да и по паре тумачков там кто-то уже наверняка успел соскучиться.

Было видно, что тем самым Тольго намерен приободрить и сам себя.

— А если воспользоваться вашим умением, мастер Сварог, и поднять «Удар» в воздух? — предложил Рошаль, проводив взглядом уходящего Тольго. Сварог покачал головой.

— Толку-то. Во-первых, сам себя я веса лишиться не могу. Если останусь на борту... Достаточно любого веса, чтобы корабль никуда не смог подняться. Катеров у нас нет... Да если бы и были! Ну ладно, по старой памяти я бы перебрался на баркас, прицепил бы к ней «Удар», быстро растратил бы уголь и откуда бы добыл на катере новый? И сколько бы я вас таскал так? Месяц? Стоит приподнять вас хоть на секунду — и играй труба отходную, сразу бы и пошли топором на дно. Да и

как бы вы жили в невесомости? А весельной лодкой воспаривший броненосец даже сдвинуть не удастся. Короче говоря, вариант хуже, чем пересаживание на шлюпки.

— Значит, кроме шлюпок, ничего не остается, — Рошаль никого не спрашивал, масграм подвел для себя жирную черную черту.

В рубке повисло молчание. Ветер стегал мелким дождем переднее стекло.

— На нижней палубе хранится десятка два пустых баллонов, между которыми натягивается ненамокаемая ткань, — оживился Кулк. — Еще вот... Из корабельного дерева, например из палубного настила, можно смастерить несколько плотов. Мы можем немало всего прихватить с собой, маскап.

— Да, — без воодушевления согласился с ним Сварог. Если развивать мысль в этом направлении, то можно учинить мозговой штурм и напридумывать хитростей, что облегчит жизнь шлюпочной флотилии. Да как-то не хотелось пока развивать. Сварог снова взгляделся в карту Ваграна. Черт тебя раздери, никакого проку нет от поделки проклятых рисовальщиков, а шороху-то вокруг этой бумажки стояло и стоит...

— Как думаете, что это за фигулины, — Сварог взял карандаш, отложенный юным штурманом, и тупым концом ткнул в коричневого цвета ромб, ненамного превосходящий диаметр карандаша. — Их всего... — он еще раз пробежал глазами по бумаге Ваграна, — четыре на всю карту.

Интересно, что у каждого ромба один угол был как бы недорисован.

— Да кто их поймет! — воскликнул Кулк. — Видите, возле одного накарябана закорюка.

Штурман шелкнул ногтем по иероглифу, одному из тех, что Сварог когда-то сравнивал с пауками.

— Если б кто по-ихнему читать был бы обучен, маскап, глядишь, и раскусили бы орех, а так...

Кулк обреченно взмахнул рукой.

Загрохотали ступени трапа, ведущего в рубку, дверь распахнул парнишка по имени Вайгал, сын предыдущего дожа, мокрый с ног до головы.

— Мастер Олес передает, что вода поднялась еще на два кайма.

Глазами мальчишка поедал капитана, и в глазах набухла мольба. Не надо быть мастером психологом, чтобы догадаться, чего сын предыдущего дожа Вайгал ждет от маскапа. А ждет он, что маскап... мудрый, всевидящий и умеющий найти выход из любого лабиринта маскап похлопает по плечу и скажет чуть усталым, но уверенным голосом: «Еще чуть-чуть продержитесь, сынки, и все закончится. Тогда сыграем большой отдых, наедемся, отоспимся, каждый получит по двойной порции мармеладного крема. Еще чуть-чуть, сынки».

Сварог не стал разочаровывать парня. Пусть воспрянет, рванет к своим и встряхнет, укрепит их. Черт, но трудно ж, однако, ободрять других, когда сам не веришь в то, что говоришь. Некоторым людям нелегко притворяться даже во имя благого дела. Но приходится...

Когда Сварог заканчивал свое напутствие молодежи, трап вновь ожил. По тяжелой поступи и неразборчивому ворчанию под нос в идущем легко угадывался Пэвер. Суб-генерал вошел, огляделся, задержал взгляд на карте Ваграны, тяжело опустил-ся в кресло, но начал говорить не раньше, чем

Вайгал с ожившими глазами и распрямившимися плечами выбежал из рубки.

— Пришлось взять грех на душу, — сказал Пэвер. — Длонго, боец из гарнизона базы, «вспыхнул белым порохом». Так это называли у нас в полку. Разорался, что мы нарочно их топим, и в таком духе. Схватил багор, разбил голову своему напарнику, к слову, земляку. Полез на остальных, уже окончательно освирепев. Я еле успел добежать. Вести душеспасительные беседы бесполезно и некогда. Пришлось пристрелить. И метиться в ногу или в руку, чтоб не убить, но успокоить, тоже не было времени. — Пэвер попробовал пригладить почерневший от копоти ежик, который упорно не хотел приглаживаться. — «Серебряный удар» тонет. Мы можем лишь оттянуть исход. Но ненадолго. И то, если ни одна из двух помп вдруг не накроется. Цепочки с ведрами ничего не дают.

— Вам ли не знать, мастер Пэвер, что дело не в реальной пользе цепочек с ведрами, а в том, что людям, приставленным к делу, не до паники, они не начнут один за другим, как говорили у вас в полку, «вспыхивать белым порохом». Вернемся к карте. Подключайтесь, мастер Пэвер, — закурив, Сварог прошелся по рубке. — Мы убедились, что скрывается под заштрихованными синим цветом эллипсами, под зеленым пунктиром и некоторыми другими обозначениями. Мы не знаем, что подразумевают под собой зеленые треугольники со стрелой внутри, желтое бесформенное пятно и некоторые другие значки. Но они далеко, «Удар» до них не доберется. А до ближайшего ромба с оторванным углом дотянуть в состоянии. Чем черт не шутит, вдруг остров, вдруг клочок земли. Хотя плаву-

чий кусок плавучей земли. Вытягиваем пустышку, пересаживаемся на шлюпки.

— Если применить приемы дешифровки, — Рошаль взял в руки полный загадок пластик, — то можем предположить, что цвет сам по себе несет некую информацию. Как мы уже отмечали, цветовая символика не совпадает с принятой на Атаре. Но можно действовать по аналогии. Если синим обозначена область темной магии...

— То ромб не область темной магии, — подсказал Пэвер.

— Или область магии средней или слабой темности. — Чуть ли не впервые на памяти Сварога Рошаль пошутил и чуть ли не впервые улыбнулся. Точнее, обозначил улыбку.

— Итак, итожу, — прервал диспут маскап. — Все равно наши догадки, масграм, сможет подтвердить или опрокинуть только личное знакомство с ромбом без угла. Вы, мастер Рошаль, берете на себя подготовку к возможной высадке на шлюпки. Снимите с работ человек десять. Из самых надежных. Но действуйте так, чтобы все оставалось в тайне от других, а то бросят работы и черт-те что начнется. Кулк, немедленно займитесь курсом. Можете сказать сейчас хотя бы примерно, сколько времени займет переход при нынешней скорости?

— Примерно три часа, — сразу же ответил Кулк. — Если...

— С «если» понятно, — перебил Сварог. — Вам, мастер Пэвер, придется разрываться между помпами и паровой машиной. В течение трех часов мы не должны пойти на дно и обязаны не сбавлять хода. Делайте что хотите.

— Ха, вы как командир шестого гвардейского, — хлопнул себя по коленям суб-генерал, — можете хоть сами себя в катапульты заряжать, но чтоб крепость к обеду пала. Что ж, и не такое выполнял.

— Лады, братцы. Ждем до проклятого ромба, нет так нет, бросаем «Серебряный удар» и пересаживаемся на шлюпки. Ничего другого не остается...

...Сварог шел по кораблю. Понимая, что совершает прощальный обход «Серебряного удара».

Даже закрой глаза, почувствуешь, что корабль умирает. Сварог привык за минувшие дни к нормальному ходу броненосца и теперь каждым касанием ступни железных листов в крупных точках заклепок ощущал, что судно уже не идет по волнам, а ковыляет. Уши, привыкшие к ровному, слаженному гулу паровых движителей, сейчас вынуждены были прислушиваться к тихому и одновременно надсадному гудению единственной уцелевшей машины. Воздух — в кои веки приходится о том жалеть — сделался чище. Дым не валил, а вырывался худосочными клочьями.

Фальшборт — за который приходилось держаться, так как судно вздрагивало от каждой волны — зиял рваными пробоинами. Под ногами перекачивались обломки труб и обрывки тросов, гильзы от карабинов, осколки чугунных ядер. Стены палубных надстроек вмятинами напоминали лунный пейзаж. «Серебряный удар» хоть сейчас направляя на съемки фильма о легендарных крейсерах русско-японской войны. И лезла на ум дурацкая врачебная фраза: «Мы его теряем...»

Большая часть экипажа занималась на первый взгляд дурной работой: выстроившись цепочками от трюма, передавали друг другу наверх емкости с

водой, чтобы вылить ее за борт. Мужская цепочка тягала полные ведра, женская — наполненные не до краев, а также чайники, котелки. И стояла даже детская цепочка, по которой шла совсем несерьезная посуда. Не только в том суть, что все при деле и нет времени трястись и паниковать, а праздно болтаться по палубам просто небезопасно — броненосец может накренить так, что немудрено и вылететь за борт. К тому же ведрами-чайниками вычерпанная вода, возможно, позволит сэкономить минуту на плаву, и кто знает, какая нужда будет в той минуте.

Теперь Сварогу удавалось подбадривать экипаж гораздо убедительнее, чем давеча Вайгала. Потому что не приходилось лицедействовать. Судовому авралу придана конкретная цель, люди выкладываются не ради отвлечения от черных мыслей, а ради цели. О том, что цель не менее иллюзорна, чем коммунизм, маскап, разумеется, никому не говорил. И сам предпочитал об этом не думать.

Сварог спустился к Олесу. Олес заправлял в машинном отделении. Полуголый и чумазый князь злющим чертом носился от топки к углю, от угля к манометрам, от манометров к кочегарам. С его губ слетал уже не крик, а громкий хрип. Пристойные слова наследник газдарского престола, казалось, напрочь забыл. В горячке досталось и Сварогу:

— Шли бы к русалочьей матери, маскап! Еще Рошалья бы прислали меня зыркалками буравить!

Эти — убедился капитан Гэйр — будут давать жар на всю катушку до заякорения на месте или пока котлы не взорвутся.

На пороге Сварог столкнулся с Пэвером и пятью матросами.

— Смена кочегаров, — доложил суб-генерал. Бросил за спину: — Чего стоим столбами! Давайте, парни, в темпе! Я, маскап, пошел менять парней на помпах.

Подмену брали из тех, кто «отдыхал» на ведрах.

— Вот что я думаю, маскап, — не сразу отправился на помпы генерал. — Пусть наткнемся там, у ромба, на заросли съедобного планктона или простую песчаную мель, оно и то неплохо будет. Не зряплыли. Мель даже предпочтительней.

— Черт возьми, еще не хватало, чтоб мастер Пэвер начал с судьбой торговаться! — Сварог хлопнул генерала по плечу. — Поди, на суше случались заварухи похлеще нынешней, так чего ж на море раскисать от ерунды. Прорвемся!

— Никто не спорит, еще не хватало, чтобы Пэвер раскисал! Уж много снега, но не из воды мудрено будет там найти. Значит, я не помру, остальные заодно тоже еще поживут. Все, некогда мне, маскап!

Клади он нашел на артиллерийской палубе. Баронетта утешала женщину, потерявшую в схватке с броненосцами мужа и дочь. Сварог помнил ее дочь. Белокурая девочка, которая бегала за Чуба-Ху и прозила:

— Тетенька, покажи собачку, ну тетенька...

Сварог знаком показал Клади, что хочет с ней поговорить, и губами проартикулировал «кают-компания».

— Уговорила, — Сварог не успел докурить сигарету, когда в кают-компанию быстрым шагом вошла баронетта. — Не хотела жить. Хотела привязать к шее ядро и прыгнуть. Пришлось припугнуть гневом Пресветлого. — Клади прошла к ди-

вану и присела на край, где уцелела обивка. — Подействовало, когда услышала от меня, что гнев Тароса может перейти на ее дочь. Чушь полная, но сработало. Погода еще тоже издевается, — внезапно переменяла тему баронетта.

И трудно было с ней не согласиться, — да, погода именно что издевалась над «Серебряным ударом». То проклюнется солнце, то закапает «грибной» дождь, то хлестанет ливневыми струями, то вновь просвет в облаках и вновь броню нагревают теплые лучи.

Сварог поймал взгляд Клади, брошенный в тот угол, где стояло зеркало. Сейчас оно не стояло, а лежало осколками на полу. Губы баронетты сложились в мимолетную улыбку. Ту улыбку нетрудно было расшифровать: так бы не выдержала и посмотрелась, вот и хорошо, что соблазн разбит, собственное отражение уж никак бы не улучшило настроения, испортило бы вдрызг, это точно.

Да, все они выглядели сейчас не ах, неважнецки смотрелись. Утомление и угроза гибели не придают лицам здоровый цвет, копоть, пороховые дымы и ссадины краше человека отчего-то не делают...

Наверное, Сварог должен был ее по-мужски поддержать. Сказать что-то ободряющее, обнять. Наверное...

Вместо этого Сварог, встав напротив нее, сказал:

— Я понимаю, что ты не имела к военно-морскому ведомству никакого отношения. Но тем не менее... Знаешь, мне известен один указ определенного ведомства некоего королевства, подробно объясняющий, как выбираться из любой точки планеты. Вспомни, может быть, существовала похожая инструкция. На случай, если агента Отдела

последнего рубежа безопасности Гидернии вдруг занесет в неподконтрольные дали. Нет ли экстренного способа связи, чтобы вызывать подмогу? Нет ли, ну скажем, в каждом квадрате сто на сто кабелотов, нет, не очередной угольной базы, а, например, оборудованного плавучего домика спасения. Вроде охотничьей заимки в дремучем лесу, где всегда отыщутся соль, крупа, спички...

Клади отрицательно помотала головой.

— Думаю, настолько гидернийская предусмотрительность не простиралась. А чтоб тут что-то оборудовать... — Усмехнувшись, баронетта добавила: — Гидернийский ресурс исчерпан.

Сварог истолковал ее последние слова как сожаление.

— Я понимаю, ты думала, все пойдет не так. Круиз до Граматара со всеми удобствами. Места в каюте люкс, вечерние коктейли...

— Дурак вы, ваше сиятельство, право слово, — невесело улыбнулась Клади. — Что ж я, по-вашему, такая дуручка, не знала, на что иду... Но — вы правы, граф. Жалко, что все так кончается. Жалко...

Баронетта поднялась, подошла к разбитому зеркалу, наклонилась, подняла осколок покрупнее:

— Тарос великий, какая я страшная... — И неожиданно, без перехода, продолжая разглядывать себя в покрытое трещинами и сколами стекло, произнесла: — Хотя, ты знаешь, может быть, и хорошо все же, что конец именно таков. Я спокойно говорю тебе об этом, потому что знаю, что и ты меня не любишь. Как было написано в одном романе из библиотеки мэтра Ленара: «Судьба свела их, они понравились друг другу, им было вместе хорошо, но яркая звезда их любви так и не возо-

шла». Между прочим, существует такое поверье: каждая новая любовь зажигает на небе новую звезду, а падающие звезды — это умирающая любовь. — Клади бросила осколок на пол, перешла к тумбе, на которой когда-то стоял безвкусный гипсовый бюстик какого-то гидернийского деятеля, принялась водить пальцем по деревянной панели, оставаясь к Сварогу спиной. — С тобой мне было замечательно. Наверное, ни с кем никогда не было так хорошо. Но та любовь, о которой складывают песни и пишут книги, ради которой человек готов... Это что-то другое...

Сварог молчал, несколько сбитый с толку. На лакированной поверхности дерева под пальцами Клади появилась матовая звезда, на глазах исчезающая. Внезапно баронетта повернулась к Сварогу, впилась в него взглядом и со странной улыбкой спросила:

— А кто такая Мара? Ты называл ее имя во сне. И не один раз называл...

Она снова отвернулась, к облегчению Сварога, и, к его облегчению, не стала настаивать на ответе, ушла от непростой темы:

— Женщины чувствуют, любят их или нет. Конечно, всегда приятно слышать, когда мужчина признается в любви, но и без этих признаний женщина знает, любима она или всего лишь нравится. Может быть, ты любишь эту свою Мару, может, твое сердце еще только ждет своей любви. Но твое сердце не занято мной.

Разговор застал Сварога врасплох, безоружным и неподготовленным. И он совершенно не представлял, что ему говорить в ответ. Лучше бы вовсе ничего не говорить. Потом, после...

— Ты знаешь, — баронетта, так и не поворачиваясь, подошла к картине, изображающей броненосец «Адмирал Фраст» на бурных волнах и прорезанной крест-накрест чьим-то ножом, бесспорно тоурантским, вроде бы как разглядывала сейчас это живописное полотно, — не страшно уходить, когда не приходится с кем-то навсегда расставаться, когда не держит тебя желанными кандалами привязанность к кому-то...

Почему она сейчас решила завести этот разговор, Сварог не понимал, хоть убейте. И что прикажете делать? Лепетать что-нибудь успокаивающее? Вроде того — «да, ты права». А она, наверное, права... Или... Или что? Кто бы посоветовал. Да, граф, это тебе не мечом махать... Сварог закурил новую сигарету. Назовите это трусостью, но он как хотелось ему уйти сейчас от этого объяснения. Благо есть куда уходить капитану раненого корабля, пропасть дел и забот, его присутствие требуется на любом участке...

— Я благодарна судьбе, что однажды в лесу, неподалеку от замка, встретила загадочного и храброго графа, однако... Вот что я должна сказать тебе...

Фу-у! Как спасательный круг, распахнулась дверь и в адмиральский салон пулей влетел чумазый парнишка-вестовой:

— Мастер капитан, вас зовет мастер Пэвер! Одна из помп стала хуже качать, может остановиться!

«Вот и хорошо, — выдохнул про себя мастер капитан второго ранга. — Вот и хорошо. С помпой-то уж я как-нибудь управлюсь...»

На пороге он замешкался, посмотрел на Клади — она так и не обернулась.

Глава пятнадцатая

В нашу гавань заходили корабли...

Они доплыли. Доползли, доколдыбали. До-тащились-таки, кренясь на левый борт, зачерпывая воду и не всю успевая выплывать помпами и ведрами, содрогаясь от каждого касания каждой волны. И вот она перед ними — точка, отмеченная на карте коричневым ромбом с недорисованным углом. Вряд ли кому-то в голову могло прийти, что они обнаружат здесь такое. Даже в самую больную голову не закралось бы...

Над водой каймов на пять возвышалась каменная стена, образующая квадрат со стороной, примерно равной ширине футбольного поля. В трех углах квадрата сохранились небольшие башенки, четвертая башенка и часть стены вместе с ней были разрушены. Стены обрамляли площадку, залитую водой. На глаз воды было по колено или чуть выше.

Прозрачные верхние слои воды позволяли видеть, что площадка, огражденная стеной — вершина пирамидального, из серого камня строения, ступенями уходящего вниз, в глубину, в темные, не достижимые для солнечных лучей слои. Первая ступень, идущая по всему периметру и начинающаяся сразу за каменной оградой, не превосходила по длине рядовую лестничную ступеньку, вторая — такая же, а вот третья уже протянулась до своего обрыва не меньше чем на сто каймов. И дальше — насколько проникал под воду взгляд — шли ступени исключительно исполинские, словно сработанные под подошвы Голиафа.

— Стоп машина! — скомандовал Сварог. Скомандовал с тем расчетом, чтобы судно, некоторое

время назад понизившее ход до «самого малого», замерло аккурат над подводным чудом. И вдобавок Сварог вывел «Серебряный удар» на цель таким образом, чтобы корабль встал почти впритык к стене. Если броненосец затонет, то не уйдет под воду целиком, что уже полновесный, неоспоримый плюс.

— Мы и «Серебряный удар» сделали все, что могли, Тольго.

На ходовой рубке рядом с капитаном сейчас находился лишь дож-боцман. Кулк уже всю упаковывал карты, запихивал их в непромокаемые мешки, с корнем выдирал приборы из стоек.

— Не похоже на то, что глубины здесь невеликие. Скорее, наоборот. Кто ж ее тут... поставил, маскап?

— Еще хорошие вопросы — «для чего?» и «когда?».

— Может быть, туда есть вход, а, маскап?

— Я подозреваю, Тольго, у нас будет прорва времени, чтоб с этим разобраться. Так сказать, поработать шлиманами и прочими египтологами... Хотя штука смахивает, скорее, не на пирамиду, то есть на гробницу, а на что-то такое культовое, типа храма. Как-то они еще называются...

— Никогда не слыхал про этикие... образины. Рассказывали, конечно, про коралловое дерево, на котором живут морские птицы, дескать, до корней его недонырнуть, корней евонных не увидеть даже в водоглядное стекло. Еще кто-то пел про гору Копинкан, которая стоит-де посередь океана и раз в семилетие плюется огнем. Но про рукотворную домину, выходящую из бездны и торчащую над океаном... впервые, впервые...

— Все, прибыли на конечную остановку, мастер боцман.

«Серебряный удар» замер, едва не проскрежетав килем по первой широкой ступени подводного сооружения. Между броней судна и каменной стеной зазор не превышал пяти каймов.

— Можно будет попробовать залатать нашу посудину, маскап. Еще, глядишь, и поплаваем на «Ударе»...

— Попробуем залатать. Потом. Сейчас выгрузка. Но среди экипажа незамедлительно начинай упорно и усердно пускать слухи, что мы здесь задержимся не дольше, чем займет ремонт «Удара». Про боевой дух забывать не стоит, а он зиждется на вере. Надо и Рошала, нашего дорогого мастера пропаганды, подключить... Итак, команда простая: помпам продолжать работу, остальных на выгрузку. Валяй, масбоцман Только!

Всего имущества у капитана — шаур неразлучный, карта Ваграна, Зверев клык да рубин волшебный. И идти собирать его, в узелок завязывать — не нужно. Имущество, как и обычно, при капитане, в карманах и за поясом.

— Молодцы, орлы, герои, продержались, — Сварогу навстречу попалась чумазая рота кочегаров во главе с Олесом. — Остался последний бросок. Разгружаем и объявляем большой привал.

Олес — такими шахтеры вылезают из забоя — провел черной ладонью по черному лбу, утирая черный пот:

— Сначала вымоюсь, потом — любое остальное. Таким расхаживать уж сил никаких нету. Я ж князь, а не мусорщик, вы еще не забыли?

— Ну, помывку вы, пожалуй, заслужили, ваше сиятельство. Вон воды кругом — залейся.

Люди выбирались на палубы, уставшие, грязные, вымокшие, сумрачные. Смотрели вниз и видели площадку и сбегаящие от нее в подводные глубины ступени. На чрезмерное изумление у них не осталось сил. Да и после всего того, на что они насмотрелись за время плавания, — разве уже что-то могло их чрезмерно поразить...

Доносились возгласы:

— А повыше оно не могло высунуться?..

— Отмучились...

— А это не маррог, часом?..

— Небось до первой Тьмы еще отгрохано...

— Надо завалить площадку всяким барахлом — ящиками, ядрами, дверями, углем, сверху накрыть досками и железными листами. Получится остров...

Дети, быстрее взрослых забывшие недавние потрясения и беды, радовались, что не придется больше молча, скучно передавать ведерки и слышать всякие «не ной, потерпи, будь взрослым»:

— А кто там живет, хорошие люди или плохие?

— Мама, можно мы там поныряем?

— Мы будем рыбу ловить?

Большинство тоурантцев и гидернийцев, скромно полагал Сварог, ничуть не сомневаются, что капитан целеустремленно вел их именно к этой балде. Уж маскап-то знает, что это такое перед нами из воды торчит и как с этим надлежит поступать...

Из корабельных коридоров долетал охрипший голос Тольго, разъясняющего, что корабль долго на плаву не продержится, потонет, и куда его поведет — одному Таросу ведомо, потому надо

сперва снять с корабля самое необходимое и водобоящееся: продукты, порох, карабины, белье, одежду...

— Брось статую, болван! — свирепо зарычал на кого-то дож. — Плевать, что это Тарос! Из-под воды его достанешь, разрешаю....

Несколько человек под командой Рошалья со второй палубы сбрасывали вниз сигарообразные баллоны, между которыми крепятся стяжки и натягивается ткань, немногим уступающая свойствами брезенту — получаются плоты. Сварог утянул масграма в сторонку и поставил задачу распространения правильных слухов, призванных укрепить веру и дух. Рошаль, слушая, кивал и думал о чем-то своем:

— Это-то дело знакомое... А вот вы, маскап... Спрошу вторично. Ваше умение поднимать предметы в воздух на этот раз нам не поможет? Если судно приподнять, откачать воду и заделать пробоины...

— Увы. Всю океанскую воду на воздух я поднять не в силах. А она не делится на отдельные мелкие составляющие. Вода в трюме не позволит кораблю взлететь. Понимаете?

— Не очень.

— Не важно. Главное, если «Удар» не удержится на ступенях, соскользнет и пойдет на дно, то я его остановить не смогу.

— Жаль.

— Еще бы. А вы, кстати... Ух ты, вспомнил вдруг, как называется подобное здание. Зиккурат. Не встречали такого слова? А упоминания о сооружениях, родственных нашему? — Сварог махнул рукой в сторону торчащей из воды площадки.

— Да сказал бы, уж наверное, — масграм Рошаль поморщился от недогадливости капитана.

Капитан свою догадливость отстаивать не стал.

— Жаль, что не встречали. Ну, вынужден вас оставить...

Палуба провалилась вниз, старший охранитель поскользнулся на луже и растянулся на железных листах.

— Тысяча дьяволов! — Сварог едва успел схватиться за фальшборт.

Корабль еще больше накренился. «Серебряный удар» был остановлен так, чтобы крен шел в сторону моря, а не в сторону стены с башенками. И разгрузка производилась, разумеется, с безопасной стороны, однако ничего веселого в таком крене нет, как ни крути.

На артиллерийской палубе Сварог наконец нашел, что искал. А искал он книпель — два ядра, соединенных цепью, призванных крушить такелаж вражеских кораблей, вещь в бою, по сути, неэффективную, но для задумки Сварога более чем годящуюся. Услышав знакомые голоса, заглянул в распахнутый люк. Возле выдранной прямым попаданием и последующими мотыляниями корабля бронзовой пушки он застал сразу троих: Пэвера, Клади и Чубу-Ху.

— Есть мысль перетащить их на другой борт, может, чуть выровняем судно, — Пэвер, как обычно в раздумьях, запустил пятерню в ежик на голове. — Ядра-то немудрено, а эти-то заразы прилепаны к полу... Как думаете, граф?

— Идей нет, — сознался Сварог, снимая с плеча и опуская на палубу чугунные ядра. — Вот хочу полазать по округе. Вдруг чего откопаю, глядишь,

и ремонтом утруждаться не придется. — Сварог выудил из воздуха сигарету, прикурил. — Самое главное. Если вдруг... ну, скажем, к вечеру не вынырну, то по старшинству принимайте командование на себя, мастер суб-генерал.

Пэвер нахмурился, открыл было рот возразить, но не стал. Приосанился. Не впервой генералу заслушивать подобные приказы, а на войне как на войне, и не престало глупые сантименты разводить.

— Слушаюсь, маскап, — крикнул, оттянул пальцами поясной ремень. — Мы тут с баронеттой обсудили, что не все так уж плохо, маскап! Опреснитель есть, еды завались. Море с едой под боком, наконец. Кого-то в башенках разместим, кого-то на плотях. Соорудим понтоны. Стены широкие. Хоть спи на стенах. Шириной в два полновесных генерала. Старый город помните? Как тогда на Атаре. Олеса пустить, может, на него чего-нибудь и сработает.

— Старый город другой, — сказала Чуба-Ху. — От Старого города исходит совсем не то, что от дома внизу.

— А что исходит от дома внизу? — прищурилась Клади.

Чуба-Ху пожала плечами.

— Очень... Очень непонятное. Не знаю. Никогда такого не чувствовала.

— Это зло?

— Не знаю. Но... не похоже.

— А что, мастер Пэвер, — Клади обернулась к суб-генералу, — неужели в ваших книгах про всякие чудеса не было ничего хоть чуть-чуть похожего на огромную океанскую башню под водой, хоть малюсенькой зацепки? Ну подумайте, вспомните!

— Да думал, вспоминал! Ничего, баронетта! Если не считать рассказа Голега Гри «Шестой палец», где герой находит в открытом море трубу, и труба та дымит.

— И что сделал герой?

— Дальше поплыл.

Сварог поднял книпель, забросил цепь на плечо.

— Прощаться не буду...

До стены Сварог добрался с одной из шлюпок, помог ее разгрузить. Вещи выкладывали на пористые, заросшие лишайником камни. Стены действительно были широченные — даже не в два, а в три полновесных генерала. Сложены из обтесанных серых камней: выщербленных, испачканных птичьим пометом, ближе к воде обжитых морской мелочью вроде рачков и ракушек, облепленных водорослями и зеленой слизью. В щелях каменной кладки нашли пристанище улитки размером с ноготь — визгливо пищание, когда касаешься их домика.

Со шлюпкой Сварог на «Удар» не вернулся. По стене легко было как подниматься, так и спускаться — руки и ноги без труда находили упоры между камней и в выщерблинах. Сварог спрыгнул, добравшись с внешней стороны до воды. Океан ему приходился по пояс.

Он был на первой, короткой ступени. Раздеваться не стал. Сапоги потянут на дно — ну и пусть, еще и лучше.

Высоты ступени, по крайней мере первые две, были самой обыкновенной, под нормальный человеческий шаг. Сварог эти шаги делал. Третий шаг вывел его на длинную ступень, которой больше подходило наименование ярус. Воды стало по

грудь. Сварог включил магическое зрение — ничего оно не дало, ни на воде ни под. Магией похвастать эти места не могли. Что, наверное, к лучшему...

Он шел, преодолевая сопротивление соленой толщи. Разгонял крабов, основавших тут коммуны. «Кстати, вот и пища — это я так, на всякий случай...» Некая странность бросилась в глаза: крабы, обычные и привычные крабы, носились какими-то несвойственными зигзагами, накручивая сложные петли, словно следуя одним им видимым дорожкам.

Яркий желтый блеск стегнул по глазам. Сварог нагнулся, протянул руку, разметал ладонью легкий, похожий на коричневый пух донный налет. Россыпь желтых кружков, каждый размером с бутылочную пробку. Сварог разогнулся, вытащив из воды один кружок. Монета, гляди-ка ж ты... Не потускневшая от времени и воды. На аверсе изображена закорюка — то ли цифра четыре, то ли девятка с незамкнутым колечком, то ли еще что непонятное, на реверсе — распластавший перепончатые крылья на фоне несимметричной звезды то ли дракон, то ли птеродактиль. И цепочка стершихся букв по кругу...

Сварог пожал плечами и спрятал монету в карман. Сувенир.

Ступень, по которой передвигался к ее краю граф Гэйр, была сложена из каменных плит где-то так четыре на четыре кайма. Границы плит четко показывали высокие желтые водоросли, смахивающие на камыши, но более гибкие; каждый стебель, что интересно, венчала не коричневая головка соцветия, а воздушный пузырь. Эти водоросли не росли больше нигде, кроме как в зазорах — види-

мо, раствор, плиты скрепляющий, пришелся им по вкусу. Когда Сварог задевал водоросли ногой, пузырьки лопались и крохотными шариками взлетали к поверхности.

Сварог дошел до края ступени. Почему-то он думал, что высота между ярусами будет больше. Нет, ступень самой обычной, человеческой высоты, словно и предназначена для спуска людей. А почему, спрашивается, «словно»?

Четвертый шаг с зиккурата в бездну должен был погрузить Сварога в океан с головой. Тогда придет пора показать себя умению дышать под водой. Как это выглядит и происходит, граф Гэйр пока еще ведать не ведал. Испытать на деле как-то до сего дня не пришлось.

Прежде чем покинуть родную стихию, он оглянулся на «Серебряный удар». Даже отсюда было заметно, что броненосец еще больше осел и еще больше накренился. Впрочем, самое плохое, что может случиться — корабль сядет килем на такой вот ярус и завалится набок. К тому времени с него уже должны будут вывезти самое необходимое, люди должны будут уже перебраться на стены. А потом можно и под водой продолжать разгрузку и даже попробовать заделать пробоины — благо водолазные работы есть кому проводить... Стена закрывала от Сварога разгрузочные хлопоты, но хлопотун на полную катушку, в том нет сомнения, как и в другом — что в его участии необходимости нет. А вот подводную разведку, кроме него, провести действительно некому.

Ну, пора. Значит, программа такая: спуститься поглубже, насколько позволит давление, и обойти по периметру. Для ознакомления будет достаточно.

Сварог расстегнул пояс, снял с плеча книпель, пропустил под ремнем цепь, застегнул пряжку. Подвесил, так сказать, ядра чугунным поясом и шагнул на четвертый ярус зиккурата. Перед глазами сомкнулся иной мир, размытый и зеленоватый.

Он держал в себе воздух до последнего. Привычка, знаете ли... Та же привычка гнала его наверх, к границе, за которой разливался солнечный свет, гнала вынырнуть и вздохнуть полной грудью, гнала дышать, пока не надышишься. Пересилив зов первичного инстинкта, Сварог заставил себя открыть рот и глотнуть «огурчика».

Ощущение вышло, прямо скажем, неслабым. Соленая вода хлынула в легкие, обожгла их, встала комом в горле, и Сварог рванулся вверх, забыв обо всех способностях ларов, рванулся отплевываться и дышать, дышать, дышать, когда почувствовал — а ведь уже дышит, черт возьми. Вмиг пришло спокойствие, граф Гэйр остановился и под весом чугунного груза начал медленно опускаться, пока не коснулся подошвами каменных плит. Как работал механизм извлечения кислорода из аш-два-о, понятным не стало, но факт, что работал: сердце стучало, кровь бежала по жилам, снабжая мозг, конечности шевелились, разве чуть больше приходилось трудиться легким, прогоняющим через себя не смесь газов, а жидкость.

Борьба первичных инстинктов с вложенными умениями закончилась победой последних, и Сварог смог переключиться с внутренних проблем на внешние. Он находился на четвертом сверху ярусе зиккурата, и сколько всего этих ярусов нагромодили строители-гигантомены, так просто не разбе-

решь. Расширяясь от яруса к ярусу, здание терялось внизу, в сгущающихся до непроглядной синевы толщах... Непроглядной?!

Сварог врубил «кошачье зрение». Посветлело. Темно-синее сгущение нижних вод словно откатилось в глубь океана, откатилось на несколько кабелотов. Но до дна «кошачье зрение» не продралось, не хватило его на это, зато открылись все новые и новые ярусы зиккурата, и последние из них, как в облаках, терялись в синеве глубинных вод. Захватывало дух. Да какое ж оно тогда в основании? Если создателям фантасмагорического здания требовалось указать человеческой пылинке на ее ничтожество, то им это бесспорно удалось. Прямо ткнули носом в ничтожество...

Шершавой змеей вползал мистический страх — а есть ли вообще у здания основание, да и здание ли это? Хотя здравый смысл подсказывал, что не может не быть основания, что строение возведено из самого настоящего камня — можно потрогать. Но стоило обратить взгляд вниз, на ступени этого колосса, как голова кружилась, а здравый смысл опасно съезжал набок.

К Сварогу привязалась любопытная толстогубая рыбеха. Кружила, шевеля ажурными плавниками, тыкалась в ноги, кусала цепь книпеля, разик заехала хвостом по лицу. Ей новый обитатель морского царства был заметно интереснее каких-то там зиккуратов, уходящих к центру земли. Эка невидаль, дескать, каждый день мимо плаваем...

После того как щеку задело шершавым боком, Сварог шлепком ладони прогнал назойливую рыбину. На случай встреч с более зубастыми и кро-

вожадными детьми океана имелся шаур, идеальное оружие для боевого пловца — порох не намокнет, заряды не иссякнут.

Спасибо пучеглазой рыбехе — помогла унять мистический восторг перед доминой-зиккуратом. И в самом деле, пора бы уж вплотную перейти к разведке местности. Пройтись по местности со всей, так сказать, скрупулезностью.

На этом ярусе, чуть дальше от поверхности, крабов встречалось значительно меньше, зато значительно больше произрастало подводной травы. Водоросли на любой вкус, цвет и размер — месье Жак-Ив Кусто умом бы тронулся от радости.

Уже некоторое время Сварог продвигался целенаправленно — внимание привлёк предмет, плохо сочетававшийся с океанской флорой и фауной. Что перед ним, он разобрал только тогда, когда оказался перед предметом, опустил его возле него на колени, очистил от мелких, как крупа, ракушек и вырвал несколько пучков рыжеватых водорослей.

Кольцо. Из темного металла. Кайм в диаметре и толщиной в обхват ладони. Прикреплено к металлическому штырю, вбитому в камень. Для чего на белом свете существуют кольца? Что-то поднимать или что-то привязывать.

Сварог огляделся. Ничего похожего на люк. Под ним такая же каменная плита, тех же размеров, что и предыдущие, если судить по зазорам, в которых покачивались камыши с пузырями на кончиках стеблей. Или эту плиту можно откинуть? Ну ладно. Он ухватился за кольцо, потянул. Куда там! Если и люк, то на его подъем надо согнать сто тысяч китайцев, не меньше...

Пальцы почувствовали неровность, какие-то рубцы на металле. Сварог подтянул себя за колечко, приблизил лицо к изделию неведомых кузнецов. Действительно, очень похоже на рубцы одинаковой длины и ширины, образующие углы, крестики, перпендикуляры. Уж не клинопись ли? Где-то так она и выглядит. Кто б еще перевел...

Точно такое же кольцо он обнаружил в полусотне каймов от первого. И вот те на — это рассыпалось от первого же прикосновения, обратилось в облако оранжевой пыли. Проржавевшее насквозь, каким-то чудом удерживавшее форму, оно, выходит, только и дожидалось руки лорда Сварога. Но почему же оно устояло под колыханиями водной стихии, почему ни один краб не задел клешней, ни одна медуза не присела, ни одна рыба не тюкнулась? Да кто его знает, господа...

Перед Сварог встал выбор: или обойти по кругу этот ярус или перейти на следующий — посмотреть, что там. Он выбрал второе.

Казалось бы, всего-то очутился глубже на какой-то кайм, и уже заломило в висках, сдавило барабанные перепонки, заболели глаза. Не самое приятное в жизни ощущение, будто вот-вот хлынет кровь из носа и ушей. Но советских водолазов глубиной не испугаешь, пообвыкнемся, перекантуемся.

А у них тут, выходит, ярус на ярус не похож. Издали не усомнишься — ступень зиккурата сработана из того же серого камня. Но вблизи выяснилось, что из серого, да из другого: напоминающего мрамор, но мрамор, словно вымазанный сверху жиром и посыпанный красным перцем. Интересно, а...

Завизжала, завопила, воем завыла на все лады встроенная в графа Гэйра сигнализация на опасность. Сперва он погрешил на давление — дескать, чуткая и заботливая охранная система предупреждает о вреде нерукотворной глубины. Но тут же отмел это предположение. Врубилась бы раньше. В самом зиккурате происходит не что, какое-то существо пробуждается, некий механизм включается? Или иной природы серый камень таит в себе опасность? Сварог зашарил вокруг «третьим глазом», но в магическом поле изменений не произошло.

Потом он уловил простым, обычным зрением движение наверху. Поднял голову... Батюшки святы! Со стороны, противоположной той, где находилось солнце, быстро напознала темная, но прореженная просветами полоса. Сначала Сварог понял, что движутся рыбы. Потом — что рыбы большие. А потом по силуэтам узнал. Акулы. Тьма, армия акул! Слаженно и плавно, как торпеды, они шли у самой поверхности, не кружили, не рыскали, а жадно стремились к цели.

Сварог сорвал пояс, отпуская ядра оседать на дно, где лежать им и лежать, толкнулся ногами и, вытянув руки, как поплавков рванул вверх. В голове стучала недовольная резкими перепадами давления кровь и кувалдами молотили... нет, не мысли, а заклинания: «хоть бы увидели раньше меня», «хоть бы успели заскочить на стены...».

Он вырвался на поверхность и тут же закричал. Вернее, подумал, что закричал. Крик не вышел — из горла хлынула вода, сопровождаемая судорогами кашля. Страшно хотелось выблевать эту соленую дрянь, но он сдержал позывы, лишь кашлял и отплевывался. А потом понял, что крик не ну-

жен. По стенам бегали люди, махали руками. Оттуда доносило возгласы и можно было разобрать слово «акулы».

Сварога несколько отпустило. Значит, успеют приготовиться. Он оглянулся. Слаженный строй черных треугольных плавников резал воду в четверти кабелота от него. Бляха-муха!

И Сварог наддал. Он плыл, заставляя себя не сбиваться на частые, нервные, бестолковые, дерганные движения. Нет никакого проку чаще молотить руками по воде и сучить ногами. Только плавно, грамотно, по-умному — как учили. Сосредоточиться на технике. Не поднимать голову, это увеличивает сопротивление воды, держать голову в воде. Четыре гребка, поворот головы, вдох и растянутые на следующие четыре гребка короткие выдохи. Загребать резче, держать задницу на поверхности, работать ногами, а не тащить их за собой... Не оборачиваться. Поймешь и так, когда доплывешь. Не доплывешь — тем более поймешь и не оборачиваясь.

Вот сейчас бы сбросить сапоги и одежду, но — дольше будешь стягивать. Надо как-то так дотянуть...

Он плыл, еле удерживаясь от соблазна посмотреть назад. Всаживал руки в воду, перебирал ногами, снова всаживал, — пока сжатая горстью ладонь не ударила по камню.

Выскочил, махом преодолел две короткие ступени и забрался по стене. Вернее, взлетел по стене на ее вершину, не глядя отыскивая упоры для ног и зацепы для рук. И только тогда обернулся. Ближайшие акулы плавники и изгибающиеся силуэты под ними находились всего в десяти каймах от

стены. Водяная смерть! Разок стоило притормозить — и сейчас рвали бы на лоскутья над второй ступенью зиккурата...

Потом Сварог поднял голову и посмотрел по сторонам...

Взяли свое нервы и злость. Кисть сама отыскала и сжала шаур. Пальцы сами вдавили курок. Он бежал по стене и разбрасывал вокруг зазубренные звезды. Понимая, что толку от этой стрельбы не может быть никакого.

Акулы плавники были повсюду, куда ни помотри. Даже внутри бассейна, огороженного стенами. Акулы одна за другой проникали через разрушенную часть стены, и их черные силуэты скользили на фоне серых плит площадки, поросших зеленью водорослей. Столько акул просто не могло оказаться в одном месте. Казалось, все акулы океана бросились по чьему-то призыву на обещание кровавого пиршества. И они прибывали и прибывали...

Сварог неся по стене в направлении броненосца. Он увидел, как внутри площадки, повернувшись белым брюхом вверх, акула трясет из стороны в сторону человека, а воду вокруг замутняют красные выплески. Увидел, как другие рыбы набросились на удачливого сородича и рвут добычу из пасти.

— С дороги! — Сварог заставлял оборачиваться и сторониться.

Он увидел, как Чуба-Ху, обернувшись волком, мчится по краю стены, мощно отталкивается, вытягивается в полете и в полете же возвращает себе женский облик. Она обрушивается в воду внутри периметра. И только тогда Сварог замечает пацана

лет шести, прижавшегося к стене, трясущегося — над водой торчит одна голова, даже издали видны огромные, распахнутые страхом глаза. Чуба-Ху выдергивает его за шкурку, забрасывает — какая сила в ее руках! — наверх, на стену. Но сама не успевает. Три акулы, две здоровенные и одна плюгавенькая, налетают с трех сторон. И их встречает не человек, а зверина — то ли волк, то ли собака. Став волком, Чуба оказалась под водой и под водой впиалась клыками в акулий нос. Укушенная рыбина шарахнулась прочь — и вслед за нею, как от чумы, две остальные. Все три развернулись и попытались вернуться, когда Чуба вернула себе женское обличье, но женщина уже успела взобраться на каменное ограждение.

Сварог добежал до башни, имевшей овальные выходы на две стены. Океан вокруг вершины зиг-курата чернел акульими спинами. Сварог увидел, как Олес со стены бросает канат, конец падает на шлюпку, где его ловит Тольго. В шлюпке еще пятеро, среди них Рошаль. Обломки весел, разгрызенных акульими зубами, плавают рядом. На помощь Олесу приходят двое матросов, они тянут за канат. Вроде бы до спасительной стены недалеко, но — в борта бьются акулы туши, раскачивают шлюпку, борта трещат.

Сварог присоединился к Олесу, встал за канат. И увидел, как Пэвер возле другой башни перезаряжает карабин, стреляет, перезаряжает и стреляет. Пули впиваются в копошение черных спин под треугольниками плавников. Но пули не в силах были отогнать акул от плота. Ткань, натянутая между баллонами, трещала под напором острых зубов. В воду сыпались ящики, узлы, мешки — их

тут же раздирали голодные пасти. Один из двух людей на плоту — Сварог узнал рулевого Дикса — схватил тяжелый ящик, поднял над головой и метнул в высунувшуюся из воды акулью морду. Потом бросил бочонок. Ткань под Диксом разошлась, и он очутился в воде. Мелькнуло перекошенное криком лицо, его закрыл от Сварога треугольный плавник, и Дикс исчез. Второй человек на плоту лег на баллон, обхватил его руками, надеясь на последнее чудо. Но чуда не произошло — над баллоном нависла акулья голова, разомкнулась пасть, набитая треугольными зубами, и хищник за ногу стянул человека в океан.

С броненосца ударила пушка. Ядро взметнуло столб брызг вместе с рыбьими ошметками, но в бегство акулье полчище это не обратило. Да и что, скажите, отгонит эту адскую орду?!

Шлюпка стукнула о стену. Сварог протянул руку, выдернул из нее Рошала. Олес вытаскивал с кормы лодки смертельно бледного Кулка.

И нигде Сварог не видел Клади. Может быть, она на дальней стене — там много людей и много женщин.

Еще один выстрел неизвестного артиллериста обрушил ядро на акульки туши. И кто знает, может быть, отчаянная маленькая война единственной пушки приведет к победе... Вдруг не мозгами, которых у них нет, а зачатками инстинкта самосохранения проклятые рыбы надумают убраться из-под обстрела восвояси. Черт возьми, и ведь, по сути дела, нечем помочь, разве что шауrom. Но даже чтобы одну акулу до смерти нашпиговать серебром, потребуется час-другой. Эх, сейчас бы сюда запас глубинных бомб... А это как понимать?!

«Серебряный удар» явственно покачнулся. И... И словно бы приподнялся над водой. Сварог глазам своим не поверил. И только сейчас обратил внимание на то, что акул, от чьих туш море вблизи зиккурата прямо-таки шевелилось, около броненосца собралось заметно больше. Быть того не может...

А больше-то и некому. Некому было не просто приподнять броненосец, но и потащить вперед, в море, на глубину. Кроме них. Они, акулы, сбившись в огромную организованную стаю, силой своих огромных тел и движимые несомненно разумом, разве что не своим, а чьим-то, способным повелевать их хищными телами, толкали «Серебряный удар» прочь от зиккурата.

Пушка на борту корабля замолчала. Сварог же, понимая, что сейчас произойдет, судорожно искал выход. Он попробовал лишить броненосец веса. Ничего не вышло — как он и предполагал. Набравшаяся в трюм вода якорем держала корабль. Пес с ним, с самим броненосцем, надо вытаскивать оттуда людей. Сварог рванулся к шлюпке, когда его пригвоздил к камням крик Олеса:

— Там Клади!

Мир на мгновение замутился, будто Сварог вновь очутился под водой. Но только на мгновение. Спустя этот миг граф Гэйр уже шептал заклинание на лишение веса Клади. Конечно, надо видеть предмет, находиться вблизи предмета, но вдруг, вдруг будет достаточно представить себе человека так, будто человек стоит перед тобой... Тоже не получилось. С этой стороны заклинание не дало себя обойти.

И Сварог запрыгнул в шлюпку. Следом заскочил Олес. Оттолкнувшись от стены, Сварог вышиб ногой банку, которой придется грести, как веслом, когда...

Когда акулы стремительно ринулись прочь от «Серебряного удара». А корабль, сначала неуверенно, будто потерявший равновесие канатоходец, но в то же время величественно закачавшись, начал заваливаться набок. Медленно, потом быстрее, быстрее, неудержимо, неостановимо... Обитый броней борт содрогнул поверхность моря, и вокруг гибнущего «Удара» стеной встала вода. В белых кружевах брызг и в зеленых прозрачных водопадах их «Серебряный удар», их последний дом уходил в океан.

Грести, продираться сквозь акулье засилье уже не имело смысла. Сварог и не думал, что такие большие корабли тонут так быстро.

Когда борт броненосца, ставший теперь из правого верхним, сравнялся с поверхностью, корабль, уже находясь под водой, вдруг выровнялся, над океаном показалась черная труба и верхушка мачты. Верх трубы и верх мачты — вот над чем сомкнулись воды бескрайнего димерейского океана. И бездонного, это Сварог совсем недавно видел...

Волна их не догнала. Шлюпку, где сидели Сварог и Олес, быстро подтащили за канат люди на стене зиккурата — а там, где погиб «Серебряный удар», вспухали гигантские пузыри воздуха, качались на волнах какие-то ошметки.

Сварог еще не говорил себе, что Клади погибла. Может быть, Олес ошибся, и Клади сейчас, например, в одной из башенок зиккурата... да хоть пусть

лежит без сознания, раненая лежит, лишь бы здесь, над водой...

— Она сказала, что ей нужно ненадолго задержаться, — донесся до Сварога ровный голос Рошалья. — Я позвал ее в шлюпку. Она сказала, что сядет в следующую.

«Тогда, в кают-компании... она что, она прощалась со мной? Неужели она знала? — задавалась вопросами та часть сознания Сварога, которая поверила в смерть баронетты. — Все эти ее недомолвки, полунамеки... „Ты меня не любишь“, — словно обрывала ниточки, чтоб не было так больно... Почему она задержалась на корабле? Женщин переправляли в первую очередь...»

Сварог, ухватившись за протянутую руку, выбрался из шлюпки на стену. Последний осколок надежды уничтожил Олес:

— Клади всегда была упрямой девчонкой, — князь сел на стене лицом к океану, поджав ноги по-турецки. — Я наткнулся на нее возле трапа, она зачем-то спускалась вниз. Говорю — все, баронетта, помпы остановлены, может неслабо шмякнуться об камень. Ну кто ж тогда знал, что эти твари отволокут «Удар» в море... Пошли, говорю, баронетта. Знаете, что она мне ответила? Тебе, говорит, князь, как никому другому пошло на пользу наше странствие от Гаэдаро до сердца океана. Так и сказала — сердце океана... И побежала вниз. Да на ходу крикнула, мол, не забудь проверить свою родословную. Словно напутствовала... Она специально осталась, да? Она знала, чем кончится? Как это понимать, мастер Сварог?!

А мастер Сварог, промолчав в ответ, все-таки пошел искать баронетту в башенках зиккурата...

Тепла димерейская ночь. Но не тиха: ворочаются люди на стенах, слышны стоны, тихие разговоры и плач, сыто плещутся акулы в океане, плещутся в бассейне над площадкой, стучаются и трутся о стены, иногда поднимают какую-то возню, мощно лупя хвостами о поверхность, сшибаясь телами. В ровном бледном свечении, вновь показавшемся над очистившимся горизонтом, без труда можно разглядеть непрерывно перемещающиеся в океане треугольные плавники, мокро блестящие спины. С внешней стороны стены, выбрасывая тела на короткие ступени, хищные рыбы то и дело высовывают из воды свои морды и смотрят в загадочном ожидании своего акульего счастья — свежего мяса. Или они так гипнотизируют жертву...

Курить было уже не вмоготу, уже тошнило от курева, во рту скопилась табачная пакость. Оставалось лишь лежать на спине и смотреть на звезды. Иной природы, но тоже пакость скопилась на душе. И вроде бы не в чем себя упрекнуть, вроде бы сделал все, что мог...

На двух башнях горели факелы, поднимая в ночь призывные огни. Где-то по водным тропам странствуют в поисках новой земли караваны судов: крепкие флоты Шатага и Крона, парусники Фагора, перехитрившие всех и вышедшие в море раньше, чем броненосцы покинули военные базы Гидернии, плохо приспособленные к океану корабли Бадры, которая лежала на противоположной от Гидернии стороне Атара, и гидернийцам не так просто

было надежно перекрыть Бадре все морские входы-выходы, наконец, какие-то плавсредства Нура, о чьих возможностях, количестве и прочих достоинствах Сварогу было вообще ничего не известно. Огонь в ночи виден издали. Впередсмотрящие могут его заметить, а заметив, обязательно доложат капитанам. Капитаны же... Капитаны будут принимать решение. Или какой-нибудь сектантский корабль, может быть все тот же «Путь», примчится палочкой-выручалочкой. Конечно, примчатся могут гидернийские военные корабли, но что беглецам с «Серебряного удара», затерявшимся среди океана, остается, кроме того что рисковать?..

Одна шлюпка — как раз та, с которой спасли Рошалья, — словно бы в насмешку, у них сохранилась. Весел, правда, нет, но нет и пробоин. Акулы, чуя, что лодка не скрывает от них живого, свежего мяса, иногда проверочно тычутся в борта носами, раскачивая их, и тут же отплывают: пусто.

Акулы, а до них люди-жабы и гидернийские броненосцы что-то очень уж легко обнаруживали «Серебряный удар» на бескрайних океанских просторах. Слишком легко, чтобы не предположить за кулисами чью-то точную наводку на цель. Чья это работа — дотошного Великого ли Мастера или деятелей масштабом помельче, — можно лишь гадать, да проку от того гадания никакого. Факт неоспорим: их загнали в угол. Конкретно и умело загнали, следует признать.

Вполне допустимо, что это Великий Мастер устроил демонстрацию своего всемогущества — устроил, чтобы заставить Сварога обратиться к нему за помощью. Потому что вроде бы больше не к кому, потому что одна душа — вполне под-

ходящая цена для спасения жизней сорока двух выживших, среди которых половина женщины и дети. Потому что в минуты отчаяния человек готов позвать кого угодно. А наступления этих минут Он будет ждать, не извольте беспокоиться. И что стоит лишь мысленно призвать — незамедлительно явятся с готовым договором. Останется только поставить подпись, причем не обязательно кровью...

Сдаваться Сварог не собирался. Загнали в угол, говорите? Но мы уже выжили и будем выживать дальше. Что нужно для элементарного выживания? Еда, вода, какая-никакая крыша и надежда. Первые три составляющие в наличии, и надежду у нас легко не отнимешь. Не свернут суда на сигнальные огни? Вполне допустимо. Что ж, начнем с малого: можем разобрать одну башенку, потребуется, разберем также один-другой слой кладки стен, и из камней, из ящиков, что удалось перевезти с корабля, можно заделать разлом. Пара ведер найдется? Найдется. Тихой сапой вычерпаем воду с площадки. Акулы, набившиеся в бассейн, — не все акулы океана, их число ограничено, их реально истребить. Таким образом отвоюем у океана и хищных тварей вершину зиккурата. Уже победа, пусть и небольшая. А дальше? Дальше, например, можно отковырять плиты площадки. Почему бы внутри зиккурата не быть полос-тям, кто сказал, что он обязательно должен быть цельным? Одним строителям ведомо, что они, демоны, там замуровали. Черепа предков, древний город, аппарат перемещения по Тропе, склад полезных вещей, подводную лодку... Нет ничего невозможного. Надо будет — зароемся до дна океана. Мы еще повоюем...

Вот только Клади рядом не будет. Клади, Клади, хитрая охотница. Больно уж много странного вокруг твоей смерти... Ну что еще удумала, а? В какие игры опять впуталась на свою белокурую головку?..

Сварог проснулся — оказывается, он все-таки умудрился заснуть.

Разбудил его рассвет над океаном. Горизонт набухал коралловым рифом, рифом цвета крови, разведенной молоком.

Продрав глаза, Сварог почувствовал, что в окружающем что-то сдвинулось, произошло некое серьезное изменение — почувствовал раньше, чем увидел это изменение. И вправду существенное, ничего не скажешь. Акулы ушли.

Сварог встал на ноги. Провел взглядом по океану. Ни плавников над водой, ни силуэтов под водой. Как по команде нагрянули, как по команде ушли. Мирный рассвет над океаном, бляха-муха. Тишина, ветерок, слабое волнение на море, так и тянет купнуться...

— Вот я о том же. Травят, как волков на охоте. Напустили сперва одну свору, потом пустили другую, — раздался сзади голос Пэвера. Тоже проснулся. Или вовсе не спал. — Только зачем было отзываться последнюю свору? Она вполне справлялась...

Сварог оглянулся. Пэвер тоже стоял, тер щетинистый, неотмытый от копоты подбородок. Отставной суб-генерал выглядел сейчас постаревшим на десяток-другой лет. Не только из-за разом проступивших морщин, не только из-за ссутуленных плеч. В первую очередь Пэвер постарел в з г л я д о м.

— Если среди наших тоурантцев есть поклонники Кайката, — севшим голосом продолжал генерал, — и они его старательно ублажали всю созна-

тельную жизнь, то самое время взывать к его милости. Он же вроде бы и предусмотрен как раз на такой, крайний случай. Бог последнего прощения. Когда еще просить Кайката, если не сейчас. Пора звать богов, мы всего лишь люди...

— Вы хотите, чтобы я поддержал ваше уныние, мастер Пэвер? Не спорю, вдвоем скүлить веселее...

— Стар я каждый раз отряхиваться и как ни в чем не бывало скакать дальше. Тем более и скакать-то некуда. Тут только ободрять себя прекрасными сказками. Например, такой: вдруг Граматар не где-нибудь, а прямо под нами, и он ка-ак сейчас всплывет, а мы ка-ак всплывем вместе с ним и окажемся выше всех, удачливее всех, умнее всех...

Они замолчали, Пэвер замолчал обиженно, заметно было по сопению. «Как это ни цинично звучит, — подумал Сварог, — хорошо, что акулы неумеренны в своей прожорливости. Если бы по воде, особенно по воде бассейна, плавали останки людей, было бы гораздо хуже. Проснулись бы женщины, проснулись бы дети и...»

— А это что там такое, вы, часом, не знаете? — Сварог вытянул руку, показывая направление

Пэвер вгляделся.

— Да, что-то там есть... На корабль не похоже.

— Согласен. Скорее, туча. Или скопление над водой неких существ. Интересно, на рассвете случаются миражи или миражам время не писано..

— Туча, говорите?.. Нет, движется по воде. Про существ даже думать не хочу. Мираж? То есть мар-рог? Тогда б почему ему не появиться прямо перед нами, зачем эти представления с продвижением издалека, — перебирая возможности, суб-генерал несколько расправил плечи. — Если это опять лягуш-

ки на дельфинах, я их голыми руками утоплю как котят, не посмотрю, что двоякодышащие. Сколько ж можно, а?! — Потом почесал затылок и неуверенно предположил: — А может, остров?

— Тот, который Блуждающий? — не отрывая взгляда от точки на рассветном горизонте, Сварог закурил первую сигарету в этот день. — А не слишком ли вовремя? В последний момент прибывает кавалерия и выручает из беды...

— Или добивает, — мрачно пошутил суб-генерал.

— Острова у вас, говорите, водятся исключительно блуждающие? — Сварог поднял руку козырьком. — А сдается мне, эта хреновина нисколько не блуждает — устремленно движется аккуратно к нам. И со скоростью, какую трудно требовать от острова. Скорее уж от катера, и не парового, а дизельного. Что ж, подождем...

Ждать пришлось недолго. Недолго оно надвигалось таким миражом, фантомом, маррогом, надвигалось бесшумно и таинственно, вырастая на алом заднике горизонта. Только что объект был точкой, вот уже примерно угадываются размеры, вот объект уже обрел вполне конкретные очертания, и уже отпадает всякий смысл гадать, что именно к ним принесло.

К тому моменту, когда объект застыл в полусотне каймов от стены зиккурата, весь уцелевший экипаж, все сорок два человека, были на ногах: проснувшиеся или, что вернее, не сомкнувшие глаз в эту ночь разбудили остальных. Никто не радовался, тем более никто не восторгался чудесами. Плавание «Серебряного удара» по океану отучило верить в счастливый исход любых встреч. Люди просто молча ждали, что произойдет дальше.

Да, это был остров. Блуждающий или сам по себе разъезжающий — на нем таблички не висело и в рупор никто не объявлял: «Слушайте, несчастные, кто к вам прибыл!» Размерами он не потрясал: по площади — где-то вполовину меньше «Серебряного удара», в высоту — каймов пятнадцать. Остров походил на проросшую плетеную корзину: одно лишь плотное хитросплетение тонких стволов, кое-где зеленеющее листвой, кое-где, правда, зеленеющее буйно. Песочного пляжа, присущего классическим островам, земли, скал, а также флагов, замковых башен, птиц, зверей, людей, каких-нибудь приспособлений, вроде паровозных колес или ракетных установок — в общем, ни черта не углядеть, одни прутья. Не остров, а корзина корзиной. Плавающее образование имело каплевидную форму, и вытянутая часть его была обращена к зиккурату. Вроде как нацелилось...

Сварог привычно проверил наличие шаура за поясом. А более и проверять нечего. Карабины нынче не более чем дубины — были патроны, да все ушли в акулы туши. Корабельных пушек с собой не прихватили. Холодное оружие, правда, запасено. Однако сомнительно, чтобы люди, перемещающиеся таким вызывающим манером, испугались бы ножей, мечей, штыков или даже сабельки, каковую Сварог приметил на боку у Олеса. Честно говоря, также нельзя поручиться, что островитяне тут же замертвопадут от сокрушительных очередей из шаура.

— Изучают, — процедил сквозь зубы Пэвер.

Сварог прикинул: если с острова откроют огонь — командовать своим за стены.

— Повыставляете стволы, побегаете, покричите, короче — поотвлекаете внимание.

— Понятно.

Еще бы суб-генералу было непонятно. Им оставлена единственная тактика: акул нет, экипаж отвлекает островитян на себя, Сварог пойдет под водой, попытается взять внезапностью.

Сварог увидел, что по стенам к ним с Пэвером пробираются Рошаль и Олес. Тем временем период изучения на плетеном борту, видимо, завершился.

От острова отделились две лозы, побежали желтыми змеями по поверхности воды... Нет, они не просто тянулись, от них на глазах отрастали горизонтальные побеги, образуя поперечные перекладины, и вертикальные — перила. И когда чудо-побеги дотянулись до стены, вползли на стену, одолели всю ее ширину и, как крюками, зацепились за камни (а на это ушло всего лишь несколько минут), от острова до зиккурата выросли мостки.

— Чтоб меня изрубили на фарш! — прошептал Пэвер. — Опять колдовство поганое, ядро ему в мокрое ущелье!

На этом фокусы-покусы не закончились. Над началом мостков вверх поднялась дверца. И в проеме показался островитянин. В общем ничего особенного он собою не представлял: не гигант с одним глазом во лбу, не лилипут, не мерзкая помесь, вроде человека-осьминога. Зауряднейший человек среднего роста, смуглый, одетый в сиреневые брюки и рубаху, босой. Он прошел половину сооруженного, вернее, выращенного пути, остановился. И громко, а главное, значительно, как церемониймейстер объявляет имена и титулы гостей, прибывших во дворец с супругами и без супругов, островитянин возгласил:

— Кто из вас человек, который владеет магией?

— Вас, мастер Сварог... — подсказал подоспевший и запыхавшийся Рошаль.

— ...к телефону, — закончил мастер Сварог. Потом обратился уже к островитянину: — А кто его спрашивает?

— Его просят в гости, — важно ответил слуга. Не возникало сомнений, что к ним выслали именно слугу — по горделивой надменности, по интонациям попугая.

— А зачем? — Сварог не бежал по мостику, захлебываясь от счастья, и тем явно озадачил сиреневого лакея.

— Ну... его просят, — наконец нашелся малый.

— А его друзья останутся здесь? — не унимался Сварог.

— Его просят в дом, — попойкой продолдонил слуга. Он, конечно, не рассчитывал на отказ и оказался неподготовлен к неожиданному затору в таком простом вопросе, как приглашение в гости.

— Не пойдет, — помотал головой Сварог. — Я, значит, чаи буду распивать, а мои друзья, мокрые, голодные, уставшие, будут тут страдать на камнях...

Голодных и мокрых он запустил не для жалости. Нельзя исключать и такое развитие событий: приглашенный в гости получит вместо пирога из печи дубиной по башке, остров даст газу и унесет Сварога, как пишут в протоколах, в неизвестном направлении, а остальные останутся посреди океана. А потом — не хотелось как-то уподобляться пешке в темных играх островитян. А островитяне, однако, сволочи. Если спасаете попавших в беду, то делайте это, как принято на всех морях: без предварительных выяснений и без дешевого выпендрежа. Потому что сегодня ты меня спас — завтра я

тебя спасу, и нет повода выеживаться. Потому что все под Богом ходим. А если цель островитян не спасение... то тем более они сволочи.

— Вас зовут, — лакей сделал последнюю, жалкую попытку уговорить. После чего замолчал, задумчиво уставившись в небо, зашевелил губами, будто повторяя чей-то мысленный приказ. И вновь открыл рот: — Ваши люди... в дом войти не могут... Но им, — он делал паузы, какие делают дипломаты для переводчиков, — предоставят место... для отдыха.

И вместе с последними словами опять началось прутья-шоу: по всему периметру острова в море хлынули побеги, похожие на виноградные лозы. Две минуты — и лозы сплелись в террасу, опоясавшую остров.

— Ну ладно, — тихо сказал Сварог. — Будем считать, что я согласен начать переговоры.

Прежде чем покинуть сцену, он дал последние указания:

— Не увлекайтесь там угощениями, орлы, потерпите...

Пока никто ничего не предлагал, но вдруг расшедрятся. Так вот не стоит пить да кушать в незнакомых местах — это еще опаснее, чем распиивать водку из открытой бутылки с незнакомцами в чужом городе.

— Потерпим, — пообещал Рошаль.

— Если что, свистну. Редко я свищу, но громко...

— Вас услышат, — заверил Пэвер и подмигнул. Дескать, не извольте сомневаться, маскап, будем наготове, ворвемся по первому свисту и раскатаем этот остров, как тесто.

— Вот и отлично. Пошел знакомиться.

Мостки, на вид хлипкие, держали хорошо, лежали на поверхности, и небольшие волны, перекатывающиеся по океану, заливали их, омывая сапоги графа Гэйра. На пороге Сварог оглянулся. Вслед за ним, стóрожно перебирая руками перила, от стены цепочкой двигался его экипаж.

— Прошу вас, — вежливо поторопил слуга, протягивая ладонь указательным знаком.

Сварог вошел. Дверь за ним тут же опустилась... точнее, развернулась, словно соломенная вьетнамская штора на окнах. И зазоры между дверью и рамкой проема мгновенно стянули мелкие побеги, как нитями. Дверь срослась со стенами. Ничего не скажешь, повезло здешним обитателям — сэкономили на щеколдах и крючках... Сэкономили они и на ковровых дорожках — зеленый покров невысокой свежей травы приятно смягчил шаг.

Слуга шел первым. Прямоугольный в сечении коридор плавными изгибами вел к центру острова. Коридорный свод иногда уступал место просветам, своего рода окнам с видом на небо, сквозь которые внутрь вливался утренний свет. Вокруг безраздельно господствовал стиль «живая изгородь», еще его можно было поименовать «плетенкой». И стены, и свод, и пол — все скручено, сплетено из древесных стволов. Лишь одни стволы толще, другие тоньше. Лишь где-то желтеют, а то и коричневеют одни голые стволы, где-то стена курчавится декоративной листвой, где-то свисают плоды, среди которых попадаются и узнаваемые (вон лимон, мандарин, а это груша, разве что черного цвета и миниатюрного размера), где-то вместо плитусов пущены цветы такой яркости и пестроты, что в глазах начинало рябить.

Они прошли мимо комнаты, в центре которой зияло круглое отверстие, а в нем голубела океанская вода. Вокруг бассейна переплелись гибкие лозы, приняв формы кресел, столиков, диванчиков. Помещение смахивало на комнату отдыха и одновременно на хранилище, потому что на полках, столиках, даже на полу хранилось множество предметов маловразумительного назначения. Взгляд ухватил свисающий с потолка на кашпо из тонких лоз снежный ком (или нечто на него похожее), из которого ежовыми иголками торчали какие-то палочки разной длины со светящимися кончиками. На одной из полок два диска, вроде бы эбонитовые, таинственным образом вращались над камнем яйцевидной формы и матовой белизны. Возле дверного проема стоял высокий сиреневый цилиндр. Стоило Сварогу бросить на него взгляд, и сиреневое нутро пронзили серебристые змейки всполохов... В комнате было еще на что посмотреть, но они уже прошли мимо. Уж не древние ли предметы тут расставлены, до которых люди с Блуждающих Островов, если верить легендам и преданиям, сами не свои?

По Блуждающему Острову его ведут или не по Блуждающему, а шаур-то за поясом. Беззаботные обитатели «корзины» не поинтересовались, есть ли у Сварога при себе оружие. Не озаботило их также наличие-отсутствие оружия у четырех десятков людей. А ведь доведись — озлобленные люди, которым теперь-то действительно с о в с е м нечего терять, изрубят деревянные стенки в щепы. Даже голыми руками. Что это, беспечность или самоуверенность? Знак благорасположенности или островитяне ничего и никого не боятся? Или они наив-

ные добряки, которые даже предположить не могут в людях черную неблагодарность и злобу? Что-то плохо верится...

Пришли. Сделалось ясным и без торжественного объявления слуги. Впрочем, слуга ни слова не произнес, пропустил Сварога и остался за дверью. В очередной раз раскрутилась штора, закрывая проем. Только на этот раз дверь с проемом не срасталась, просто повисла.

Довольно большой зал, в котором очутился Сварог, украшали витые колонны из толстых стволов, поднимающиеся от пола до потолка. По желобам, прикрепленным к стенам, бежала вода, стекала из желоба в желоб, из отверстий в желобах капала в чаши и прямо на пол. В нишах стояли фарфоровые и металлические вазы, увитые тонкими стеблями. А в одну из ниш был помещен прозрачный, похожий на рыбий, пузырь. Из трубчатого стебля, напоминающего бамбуковый, в него тонкой струей лилась янтарная жидкость, отвода вроде бы не имелось, однако жидкости в заполненном на треть пузыре не прибавлялось.

Проходя мимо желтого в черных и золотых прожилках конуса, стоявшего на невысокой и, разумеется, плетеной тумбе, Сварог ощутил тепло в нагрудном кармашке. Ага, вот и рубин ожил. Если гикорат нагревается (можно не сомневаться, и пульсирует багровым светом), значит, конус — не что иное, как древний предмет. «И что с того? — спросил Сварог сам себя. — Да пока что ничего, собственно говоря, разве что зарубка на будущее».

Полукруглый свод не смыкался над центром зала, оставляя широкую дорогу дневного света. Под открытым небом восседал в кресле еще один оби-

татель острова, и вот его-то уж никак нельзя было заподозрить в принадлежности к лакейскому племени. Одна расшитая золотом (узор состоял из птиц, стеблей и листьев), безукоризненной белизны туника чего стоила. А еще возьмите надменность взгляда, высокомерно вздернутый подбородок, сидит по-хозяйски развалясь, пальцы унизаны перстнями и кольцами, украшений нет только на мизинцах. Какой, к чертям, слуга...

Молодой, лет тридцати, высокий, худощавый, на белой коже лица будто тушью нарисованы тонкие бакенбарды, переходящие в такую же тонкую, едва намеченную «эспаньолку». Оторвать от плетеного кресла задницу хозяин не соизволил, видимо, считал гостя себе не ровней. Лишь приподнял руку, явно незнакомую с физическим трудом, шевельнул тонким пальчиком.

— Садитесь. — Палец указал на кресло напротив.

Сварог сел. Мы не гордые, зато ужасно хитрые. Для начала во всем разберемся, просечем, кто ты у нас такой, что из себя корчишь и по какому праву, разыграем тихого, а потом уже будем кипятиться в благородном гневе оскорбленного дворянина: «Да ты знаешь, кто перед тобой, щенок! Встать, когда разговариваешь с королем Хелльстада!» И так далее.

Сварог сел. Кресло оказалось неожиданно мягким, словно не из прутьев сплетено, а из поролона. Граф Гэйр положил руки на широкие подлокотники, выжидательно посмотрел на принимающую сторону. Островитянин в свою очередь, улыбаясь и наклонив голову, пристально рассматривал своего визави — так же он, очевидно, рассматривает и новые поступления в коллекции древних предметов...

— Необычный тип лица, — наконец заговорил хозяин-барин. — Необычна и защита вашей ауры. У людей подобного я не встречал. Даже те, кто называл себя колдунами, не могли сопротивляться посылам. Да, бесспорно сильная магия. Меня это убедило, что вы тот, кто нам нужен.

«Нам, — подумал Сварог, — значит, ты что-то вроде представителя. Хотя такой и о себе способен говорить во множественном числе». Также Сварог отметил, что кресло не низкое, в нем не утопаешь и потому из него легко при необходимости стартовать.

— Не пора ли вам, любезнейший, представиться, — напомнил Сварог. — Вы позвали меня в гости, я оказал вам честь.

— Признаться, задали вы нам задачку. Таких проблем не возникало со времен Перламутрового Танца. — Похоже, господин в расшитой золотом тунике даже не вслушивался в то, что говорил собеседник. — Да, да...

Он задумчиво наморщил лоб, крутя перстень на пальце.

— Ну ничего, теперь ваши способности обретут достойного ювелира и получат подходящую огранку.

Сварог и дернуться не успел. Слишком внезапно и молниеносно все произошло. Множество тонких и гибких прутьев вылетело одновременно и отовсюду. Они захлестнули руки, прочно примотав к подлокотникам, опутали ноги, ремнями сдавили грудь и живот. Чертовы побеги обвили и горло.

Островитянин рассмеялся.

— Вот видите, как все легко и просто. Ваша магия, то есть произнесение заклинаний и шелканье пальцами, помочь бессильна. Не находите, что

на стенах ваши люди были бы в большей безопасности?

Сварог мог разве прохрипеть в ответ. Разумные сучки сдавили горло умело, прихватили ровно настолько, чтобы он не задохнулся и вместе с тем не мог говорить. Ч-черт, как же попался. Вот, значит, почему их не беспокоило оружие гостей. И ничего не поделаешь. Ничего?! Ну, это мы посмотрим...

— Вам не хватает знаний. Вам всем не хватает знаний. — Островитянин поднялся, приведя в движение стебли и листья на белой тунике. Прошелся туда-сюда, скрипя сандалиями на деревянной подметке и заложив руки за спину.

Сварог одними глазами следил за его перемещениями.

— О чем свидетельствуют ваши подвиги? Способности при нехватке знаний и нежелание эти знания получать — это... как камень на птичьей лапе. — Видимо, ему понравилось найденное сравнение, и он повторил: — Да, как камень, привязанный к птичьей лапе и не дающий птице взлететь. Впрочем, и возможности получить знания у вас, прямо скажем, невелики...

Он скрылся за одной из колонн, вновь вернулся — уже с бокалом, на четверть наполненным бордовой жидкостью, — и вновь принялся расхаживать, прихлебывая напиток. И продолжил разглагольствовать нравоучительным тоном:

— Вас, конечно, никогда не беспокоило, что сплошь и рядом впустую пропадают выдающиеся способности. Природа щедра, она засеивает своими семенами любую почву, не думая, пригодятся кому-либо всходы, или они пропадут, засохнув... Хм,

а мне сегодня удаются образы. Видимо, оттого, что день начался весьма неплохо...

«А ведь в этом доме меня не принимают за пришельца из другого мира, — подумал Сварог, пока болтун в белом восхищался своей образной речью. — Держат за какого-то колдунишку. Что у него там по плану, после того как выговорится? Позвать своих сподвижников, наличие которых можно предположить по его фразе „н а м нужен“? Или он уже мысленно позвал? Мол, приходите-прибегайте, я его поймал. Поймал, спору нет, однако пора и освобождаться...»

— Меня, в отличие от вас, всегда огорчало, как много полезного и красивого мы недополучаем. Мы просто не поднимаем с земли разбросанные алмазы. Какой-нибудь величайший ученый вынужден всю жизнь пахать землю, гениальный изобретатель вынужден ловить рыбу, а талантливый музыкант — ее жарить. Таким образом, мы не собираем весь урожай, который предлагает нам природа...

«Похоже, под „мы“ он подразумевает какой-то избранный круг. Ну да и черт с ним! Пора начинать представление». Когда-то в одной азиатской стране другого... с о в с е м другого мира этот прием сработал, на него купились, а те люди были поискусенней в хитрости, коварстве и умении извлекать информацию, чем нынешний болтун. Те люди меньше верили в собственную неуязвимость и постоянно были настороже. И все-таки купились...

— Познание и совершенствование — вот основа, вот девиз разумных людей, — островитянин попивал и похаживал в свое удовольствие, явно он был не стеснен во времени. — Я всегда выступал за

выявление и привлечение лучшего из всех человеческих сил. Упоная только на собственные силы и изучение древней мудрости, мы замедляем развитие. Мы лишаем себя возможности совершить скачок и вплотную подобраться к цели. Я рад, что наконец ко мне и моим единомышленникам прислушались. Тому свидетельство ваше появление здесь...

Любопытно, конечно, послушать лекцию дальше, вроде бы говорун перешел к интересной теме, но надоело, знаете ли, сидеть бабочкой в коконе. Да и дожидаться дружков нашего гостеприимного хозяина вовсе не хочется. Однако к затронутым лектором вопросам мы обязательно вернемся...

*Глава, с одной стороны, семнадцатая,
а с другой — вроде как и первая...*

Глаза пленника закатились, откинулась, насколько было возможно, голова, конвульсивно задергались руки и ноги. Изо рта поползла нить слюны.

— Эй, что с вами? — Островитянин, увлеченный собственным красноречием, не сразу, но обратил внимание на странное поведение пленного.

Ответом ему был хрип и усиление судорог.

А Сварог ему нужен был живой. И от горла незамедлительно отскочили стягивавшие его прутья. Однако приступ падучей не прекратился, наоборот — слюна изо рта бежала все сильнее. Судороги скрутили бы тело в узел, но узлы, спасибо им, не позволили.

Островитянин что-то прокричал, послышался топот ног. Чьи-то крепкие пальцы сдавили подбородок графа Гэйра, заходящегося в припадке.

— Мастер, его нужно развязать и положить, — услышал Сварог голос, принадлежавший босому слуге в сиреневых одеждах.

«Доктора из вас, голуби мои, хреновые. Распознать симуляцию не можете. Вот и те не смогли...»

Путы, повинувшись неслышной команде, враз ослабли. Сварога бережно подхватили под мышки, потянули из кресла. Что и требовалось доказать...

И Сварог сорвался в действие. Он даже пожалел, что противничков оказалось всего двое. Он не отказался бы еще от тройки-пятерки, чтобы выплеснуть всю злость — потому что в двух ударах выплеснуть не удалось. Хотя слуге досталось по полной, пусть он и меньше заслуживал расправы. Его беда — бесполезность как источника информации. Прямой в челюсть отправил лакея на незаслуженный отдых длиною от получаса и далее. Хозяину в тунике с золотыми птицами досталось двумя руками по ушам, что заставило его застонать и присесть, обхватив голову руками.

Сварог сграбастал его за белые одежды, вздернул на ноги и ткнул в подбородок выхваченным из-за пояса шауром.

— Только не надо звать на помощь ни людей, ни прутики. Вижу, незнакома тебе эта штука? Ну так познакомься.

Сварог наставил метатель звездочек на кресло и вдавил спуск. Зазубренные кругляши вонзились в плетение спинки.

Островитянин пронзительно вскрикнул:

— Не надо! Они живые!

— Живые, говоришь, — зло прошипел Сварог, придвигая его лицо вплотную к своему. — А чужих людей тебе, выходит, не жаль. Потому что без них ты обойдешься, а без сучков нет. Вы уничтожали нас? Вы натравили на нас ихтиандров и акул? Вы вывели на нас гидернийские корабли? Отвечать, падла!

Островитянин был жалок. Губы дрожали, глаза распирали испуг. Судя по всему, в такой ситуации ему оказываться не приходилось, он был до печенок, смертельно перепуган.

— Я был против, я же только что говорил... Они хотели уничтожить вас, а я настаивал, чтобы вас изучали и включили в работу.

— Ну, теперь ты, мразь, не находишь, что, останься мои люди на стенах, вы были бы в большей безопасности? Стоит мне свистнуть, как твою корзинку разнесут в пыль. А тебя я сам прикончу, никому не передоверю. Убивать буду медленно и больно. И никакой магии, заметь, — одна выучка старого солдата. Мой экипаж ты бы все равно бросил подыхать здесь, отцепив или потопив свою сволочную террасу, так? Отвечай, сука!

— Да, оставить здесь, — человек в белой тунике отвечал торопливо, словно боясь, что, задержись он со словами, и пальцы разозленного дикаря рефлексивно дернутся на курке. — Так решили. Они не нужны. Зачем они нужны, скажите?

— А я, выходит, нужен... — Сварог толкнул островитянина в кресло, которое до того занимал сам. — Дернешься, запустишь свои ползучие палки или соврешь — пристрелю не раздумывая, и так руки чешутся, спасу нет. Сколько человек на борту?

— Где?..

- На острове, мать твою!..
- Трое.
- Кто?
- Слуга, две женщины, ребенок.
- Чей ребенок?
- Как чей? Мой...
- Кто-нибудь сюда сейчас плывет?

Детектор лжи Сварог включил с начала разговора и до самого его конца выключать не намеревался.

— Нет. — Островитянин набрался храбрости и произнес: — Вас уничтожат. Если вы убьете меня, тогда вас точно уничтожат, уже ничто не спасет.

— А кто или что нас спасало до этого, кроме нас самих? Теперь нас невозможно запугать, тварь. Ничем не запугаешь — ни своими дружками, ни даже разумными сучками. Ну, вот теперь мы будем говорить. Излагай, что у тебя ко мне.

Островитянин был все еще бледен, все еще перепуган, но самообладание понемногу возвращалось.

— Моя смерть вам не поможет. — Он упрямо хотел донести до Сварога бессмысленность расправы над ним. — Вы погибнете. Вы не сможете управлять жилищем, вас настигнут другие. К тому же о моей гибели моментально узнают остальные, моментально.

Врет. Детектор показал, что на последней фразе он солгал. Что ж, если возвращается способность врать и подолгу говорить, значит, шок проходит.

— Значит, говоришь, я был вам нужен? — Сварог стоял напротив человека в тунике, поигрывая шауrom, от которого островитянин не отводил взгляд.

— Самое смешное, я действительно настаивал на том, чтобы поговорить с вами. — Хозяин острова издал нервный смешок. — Спорил с теми, кто хотел вас уничтожить.

— Давай без соплей. Захватил ты меня, что дальше должен был делать?

— Доставить на... на Главный Остров, так это можно назвать.

— И что там?

— Там вы предстанете перед Советом. Совет вынесет решение. Мне всего лишь поручили доставить вас...

— Почему именно я?

— Вы сами поставили нас перед выбором, и выбор у нас был небольшой. Или уничтожить вас, или включить в работу. Я, еще раз подчеркиваю, с самого начала придерживался второй точки зрения. Но буквально до сегодняшней ночи большинство в Совете было за людьми, настаивавшими на вашем устранении. — Он выпрямился в кресле, даже разгладил на груди скомканную Сварогом тунику.

Шок прошел. Островитянин, конечно, уже всю прикидывал шансы сторон и приходил к выводу, что они, в общем-то, равны. К тому же на данный момент стороны равно заинтересованы друг в друге. Хотя в роли пленника и под прицелом находится сейчас хозяин, однако гостю нет резона его убивать, потому что гость управлять плавучей корзиной не сможет, рано или поздно его настигнут друзья-товарищи островитянина, пылающие жаждой мщения.

— Вы хоть понимаете, насколько вы лишний? Как вы мешаете? Сколько вы уже успели испортить?!

— Кому, интересно, я мешаю — вам?

— Н а м.

— Вам — это кому? Кто же вы будете?

— Вы называете нас людьми с Блуждающих Островов.

— А как вас надо называть?

— Мы — Дамурги. Это означает — Строители, Конструкторы, Создатели... Творцы... Трудно перевести...

— Вот оно как... И чем же я мешаю?

— Чем может помешать дикарь, вдруг обретший силу бога? Он использует силу, как до того использовал обыкновенную дубину. Это образ, прошу не принимать за оскорбление. Но способности, не поставленные под контроль равного им разума, служат исключительно разрушению.

«Ишь, бляха, совсем очухался. Еще раз, что ли, врезать по ушам...» — но на настоящую злость у Сварога уже не осталось запала. Да и бессмысленно вразумлять человека, у которого с детства мозги набекрень, не перевоспитаешь.

— Имя у тебя есть, Дамург, твое собственное имя?

Он чему-то улыбнулся, не торопясь с ответом. Наконец сознался:

— Ксави... Мастер Ксави.

И почему-то соврал. Сварог не стал стыдить и не стал признаваться, что раскусил ложь. В конце концов, может быть, это их древний островной обычай — представляться незнакомцам под псевдонимами.

— А можно мне узнать ваше имя?

— Что ж вы обо мне знаете, если вам неизвестно имя? — Что-то не хотелось Сварогу называть свое имя всяким проходимцам.

— Что имя? Набор звуков. Важнее то, что вы совершали...

— Ну и что же? Не терпится узнать, что же такого я насOVERшал...

— Вы своими действиями вызывали потрясения. Если прибегать к образам, то чем больше камень, тем больше от него волны, тем дальше эти волны разбегаются. Ваши магические упражнения поднимали немыслимые, огромные, гибельные волны. А любые волны над океаном разносятся далеко. Хотя бы из-за одного того, что после каждого вашего колдовского экзерсиса процесс замедлялся, стоило вас остановить... или взять под контроль. Благодаря вашим экзерсисам погибло множество опытных экземпляров в нестойких средах. Можно использовать такой образ: одни ткut сложную и красивую ткань, и вот кто-то начинает, развлекаясь, бросать камни. Камни падают и рвут ткань — скажите, понравится это ткачам? Ткань — это наш океан, а бросатель камней — вы. Между прочим, несколько моих коллег в один голос утверждали, что у них отключался механизм восстановления и уменьшалось количество...

— Не может быть! Если б я знал, да разве б я посмел! — притворно покаянным восклицанием Сварог прервал нескончаемый поток собственных прегрешений. — Что я наделал!.. Ну, продолжай, продолжай. Ты что-то там говорил о включении в работу. И как бы вы убедили меня в необходимости работать на вас?

— Как и всех, — пожал плечами островитянин.

— Минутку. Кого это «всех»?

— Вы разве не слышали о тагортах?

— Слышали. Еще как слышали. Только думали, что это сказки. — Сварог не стал вдаваться в исторические подробности, как его самого не раз принимали за тагорта.

— Да помилуйте, какие же сказки! Нам же нужны люди для выполнения поручений на материках.

— И откуда вы брали новых тагоров?

— По океану странствует много людей не только во время Великой Регаты, — ограничился Ксави коротким ответом.

— Понятно, — сказал Сварог. — Сдается мне, их поставляли люди Соленого Ключа и прочие... ловцы человечины. Вообще, веселое место этот ваш океан, хочу сказать. Не соскучишься. И все же, как вы убеждали будущих тагоров работать на вас?

— Они соглашались с неизбежностью.

И замолчал. Не хотелось ему развивать тему. Но, как говорится, не хочешь — заставим.

— Подробнее. Разве не было тех, кто отказывался?

— Когда альтернатива смерть...

— Это мы понимаем, но что мешало дать согласие, а впоследствии, уже на материке, обмануть? Не случилось такого?

— Нет.

Не соврал. Но слезать с него Сварог не намеревался.

— Почему не случилось? Не верю, чтобы не оказалось ни одного человека, пожелавшего соскочить с вашей веревки.

— Наверное, нам повезло.

Лжет, подлец. С наглой ухмылкой лжет. Ну погоди, сученок...

— Повезло, говоришь, — недобро прищурился Сварог. — А я, представь, знаю, что такого не может быть. И ты мне сейчас честно и подробно расскажешь, как и чем вы вяжете людей, отчего они служат вам верой и правдой. И попробуй не ответить. Ты, наверное, забыл, как работает эта штука...

И Сварог напомнил забывчивому островитянину, как работает «эта штука». Блеснувший в воздухе серебряный кружок вонзился в колонну. Из-под металла, застрявшего в древесине, побежала струйка желтоватой смолы. Мука исказила лицо мастера Ксави. Любил он свои послушные растения...

— А следующий — в тебя.

И дабы островитянин, не дай Бог, не усомнился в серьезности угроз, Сварог выстрелил в него. Разумеется, аккуратненько так выстрелил, чтобы лишь оцарапать предплечье, чтобы пустить кровушку, но серьезно не поранить. Нечто подобное волне прокатилось по стенам, потолку, колоннам, креслу. «Ах вот оно как! Ты каким-то образом со всей этой флорой повязан, — отметил Сварог. — Оч-чень любопытно».

Вид собственной крови на утонченные натуры, к каковому, бесспорно, принадлежал мастер Ксави, действует угнетающе. Обычно у таких натур сразу слабеет воля к сопротивлению.

— Это самое-самое начало, — пообещал Сварог. — Сейчас получишь продолжение по всей программе. Или надумал сознаваться? Что-то я не слышу рассказа про то, как вы заставляете работать на вас людей. Или меня слух подводит?

— Я не имею права говорить, — взмолился островитянин, ерзая в кресле под дулом шаура.

Сварог достал из воздуха сигарету, прикурил от пальца, пустил дым в лицо допрашиваемому. И очень спокойно, чтобы спокойствие пробрало мастера Ксави до кишок, сказал:

— А мне плевать, имеешь или не имеешь. Мне надо, чтобы ты рассказал — и ты расскажешь. Или я отрежу тебе голову и буду допрашивать ее отдельно от тела. Не слыхал про такое? На такие фокусы мы, маги и волшебники, большие мастера, уж поверь...

Похоже, слыхал — ишь как побледнел. Мастер Ксави, может, и силен кое в чем, но отличать правду от лжи, как Сварогу, ему не дано. Схавал блеф за милую душу. «Жаль, — подумал Сварог, — что я лишь наблюдал когда-то за допросом отрезанной головы, а сам не освоил такое полезное умение. Пожалуй, иногда лучше иметь дело с частью, чем с целым».

Теперь — последний штрих, и можно не сомневаться, что пациент поплывет. Куда изнеженному аристократу, не умеющему терпеть боль и вообще не нюхавшему настоящей мужской борьбы, устоять перед профессиональной десантной обработкой...

Сварог всего лишь надавил пальцами. Есть такие точки на теле, потревожь которые — и вспыхивает боль, кажущаяся несколько мгновений вообще невыносимой, а после переходящая в долгое и малоприятное нытье. Что-то сродни нытью пульпитного зуба, только ноет не десна и корни, а, скажем, вся левая половина тела.

Мастер Ксави взвизгнул от боли, визг перешел в стон — но не в признания.

— Значит, не желаем сознаваться. Ну сам напросился. Покедова...

Сварог вдавил ствол шаура в грудь корчащегося от боли островитянина. Нажми спуск, и зубы серебряной звездочки располовинят сердце.

И вот тут уж сознаваться пожелали:

— Мы брали у них кровь. — Мастер Ксави пытался отодвинуться от оружия, да вот беда: спинка кресла мешала. — Есть способ... Через кровь. Я не знаю, как объяснить. Вы не поймете...

Детектор вранья не показал.

— Значит, кровью вязали. — В общем, главное Сварог узнал. — Ладно, замнем пока. Поехали дальше. С каких именно пор я стал вам мешать?

— Когда вы все вышли в океан. Конечно, я понимаю, что вы давно используете ваши способности, но происходящее на суше мы не контролируем. Нет, не то что мы не можем... — островитянин испугался, что усомнятся в могуществе их расы, и торопливо пояснил: — ...просто это потребовало бы слишком большого отвлечения ресурсов.

— Ну хорошо, допустим, вы, — Сварог хищно усмехнулся, — уговорили бы меня работать на вас. И что бы вы мне поручили?

— Должен был решить Совет.

«Врет, ой врет! Опять соскользнул на кривую дорожку лжи». Граф Гэйр потер висок дулом шаура.

— Я тут что-то начинаю про вас соображать, блуждающие вы мои. И хрена с два ваш Совет мудрейших передумал бы меня уничтожать, когда б не отыскалась этому веская причина. И ты мне ее назовешь, эту причину. Правильно я понимаю?

И еще разок, на этот раз в челюсть рукоятью метателя звездочек, чтобы смачно клацнули зубы, чтоб из прикушенной губы потекла юшка. А этот мастер Ксави еще и заплакал. Ну, не зарыдал, но

глаза увлажнились. М-да, аристократишка поплыл еще быстрее, чем предполагал граф Гэйр.

И господин в белом заговорил. Да и чего там, спрашивается, уже запирайтесь! Единожды отступив от запретов, уже нет большого смысла держать неприступную оборону, наказание все равно получишь то же самое. А чем дальше в лес, тем толще партизаны — чем больше говоришь, тем все легче даются новые слова, тем свободнее льется признание.

— Граматар всплыл. Граматар всплывает раз в тысячу лет, — островитянин говорил и слизывал с прокушенной губы кровь. — И только два месяца Граматар первозданен и открыт. Понимаете? Он поднимается со дна и поднимает вместе с собой дух океана, понимаете? Это еще не суша, но уже и не часть океанского дна. Подводная земля забыла, как быть сушей, понимаете? Забыла воздух, забыла человека. И пока она полностью не превратилось в сушу и не закрыла доступ к тайнам, можно... возможно то, что возможно всего лишь один раз в тысячу лет. Необычная композиция атмосферы Граматара сохраняется очень недолго. Отчет начался, потому что материк уже всплыл. Уже поднимаются высаженные нами деревья. Уже начинают осваивать землю выпущенные нами звери. До поры до времени нет на новой земле людей с Атара...

«Вот оно что, ядрена муха! — подумал Сварог. — А я-то гадал, откуда берутся на всплывающих континентах звери, птицы и леса. Оказывается, граждане островитяне высаживают. Мичуринцы, так их в воду и под воду! Ну понятно, люди им нужны как материал для опытов, а также для пополнения шта-

та наложниц и слуг. Поэтому кое в чем и помочь могут. Однако, думается, не только этим объясняется их забота о материковой жизни. Экспериментируют, вейсманисты-морганисты, опыты ставят, науку двигают. Да и всю планету они воспринимают не иначе, как полигон для экспериментов. Вероятно, высшая цель у них имеется, ради которой они и бьются. Типа нашего коммунизма...»

— Сейчас начался уникальный короткий период, к которому у нас... имеется свой, определенный интерес, — продолжал сознаваться мастер Ксави. — Я уже сказал, что наши поручения на материках выполняют тагорты. Нам нужен был тагорт на Период Нестабильности. Со способностями, превышающими обыкновенные человеческие. Мы пришли к выводу, что ваши способности позволят вам справиться...

Сварог не стал задавать глупый вопрос «чего ж сами в пекло не лезете?». Потому что дело вполне обычное и до одури знакомое: зачем лезть самим, когда можно послать другого. Сварог задал другой вопрос:

— Раз потребовался кто-то «со способностями превышающими», то прежние тагорты, выходит, не справлялись?

— Да, — подумав, с неохотой признал Ксави.

— Погибали?

— Нет... просто возвращались ни с чем.

Неправду сказал, дорогой товарищ. Скрыл, получается, печальную статистику... Наверное, понимание отразилось на лице Сварога, потому что Ксави заговорил быстро и сбивчиво:

— Я правду говорю: они в самом деле возвращались, не все, конечно, но возвращались. Ни с

чем. Но... это были уже не люди. Я до конца всего не знаю, правда, это под большим секретом, но ходят разные слухи... Жуткие, невероятные. Там, на Граматаре, что-то есть, что-то такое... не человеческое... Ни колдуны, ни специально подготовленные бойцы не могли пробиться к... объекту, который мы ищем... Это... Это невероятно — никогда еще такого не случалось, чтобы мы не смогли... не сумели справиться и выполнить наш долг. Но там, там... я правда мало знаю.

Помолчали.

— И давно вы посылаете порученцев на всплывающие Граматары? — спросил Сварог.

— Лично мне известно, что на последние два всплытия посылали.

«Ого! Давненько они ведут островной образ жизни. И не надоело?»

— Ты вот еще о чем забыл поведать, — напомнил Сварог. — Допустим, тагорты успешно выполняют другие ваши поручения на материках. А взамен? Что получают тагорты взамен? В живых-то вы их оставляете?

— Да, оставляем.

Не солгал.

— И все?

— Взамен они получают жизнь на островах.

— Ага... Погоди, а это не тагорт ли?

Сварог показал на слугу, лежавшего на полу и все еще не очухавшегося.

Неожиданно опять проснулась пульсация над левым ухом, пинг-понговский мячик весело застукал по голове. Сварог поморщился.

— Нет, это слуга, — сказал островитянин, никаких перемен в ауре Сварога почему-то не заме-

чая. — Слуга — это слуга, женщина — это женщина. А есть тагорты. Тагорты не прислуживают, они работают.

— А, ну ясно. Начинаю потихоньку разбираться в ваших сложностях. Хотя и плевать мне на них с высокой колокольни... Давай-ка, дружок, лучше взвесим сложившуюся ситуацию. Она, друг мой, неоднозначна.

Сварог отошел от островитянина, сел в бывшее кресло мастера Ксави. «Символично, не правда ли? Они не только поменялись ролями, но и сиденьями». Молчал, сосредоточенно куря в свод ветвей над головой, раздумывал. Потом негромко заговорил:

— Во-первых. Вы, Дамурги, виновны в смерти людей, которыми я командовал, за которых отвечал... — Хоть Сварог теперь и сидел, но выстрелить он успеет раньше, чем островитянин выкинет любой из доступных ему фортелей. — Во-вторых. Вы виновны в смерти женщины, которая... была мне близка. Этого я вам прощать не собираюсь. Также не собираюсь возвращаться на стены. Делать там нечего, здесь мне нравится больше. Разве что вернуться за вещичками. В-третьих. Я смогу тебя заставить, уж поверь мне, человек хороший, поработать таксистом, что в переводе означает — доставить нас по любому названному мной адресу. Но! Но... Но, пожалуй, есть поводы для переговоров. Да, признаюсь, мало радости посадить себе на хвост погоню в виде плетеных островов и потом бегать от полчищ разъяренных тагортов по Граматару. Но мне не привыкать. Все зависит от того, что вы мне сможете предложить. У вас есть свой определенный интерес к Периоду Нестабильности, у меня

имеется свой интерес к тому же самому, плюс интерес кое к чему еще.

— Я не понимаю вас, — прошамкал мастер Ксави.

— Поймешь со временем. У вас имеется правитель на вашем Главном Острове или что-нибудь подобное?

— У нас есть... Ствол, где находится здание Купол Совета.

— Ствол? Это что, остров?

— Да. И вокруг всегда много Ветвей, Листьев, Корней, какие-то присоединяются к Стволу, какие-то, наоборот, уходят в океан. И что с того?

— Все решения принимаются Советом в тот самом здании на Стволе?

— Да. Но...

— Далеко отсюда до Ствола?

— По вашим представлениям о расстояниях — далеко, по нашим — нет.

— А до Граматара?

— Я могу повторить только что сказанное. По нашим представлениям — недалеко.

— Меня волнуют сейчас именно ваши представления. Вот мы и подошли к главному, мастер Ксави. За мной, — Сварог показал себе за спину, — сорок два человека, которые поверили мне. Поверили, что я доведу их до Граматара. Поверили, хотя я и не давал никаких обещаний. И они должны высадиться на новый материк, это даже не обсуждается. Поэтому сперва мы отправимся на твоём плавучем чуде к Граматару. Высадим мой экипаж. Это, напоминая, не обсуждается. А вот дальше... Дальше я, так и быть, сплаваю с тобой на ваш Ствол. Вам же только я был нужен, не так ли?

— Да. Я хочу...

— Плевать на твои хотения, — прервал его Сва-
рог. — Тебе поручили доставить только меня. Ты
доставишь. И только меня. Ну разве с небольшой,
но простительной задержкой. Там и поговорим с
твоим Советом о наболевшем. Глядишь, и согла-
шусь взяться за ваше поручение. Без производства
в тагорты, без вашего кровавого крючка. Как го-
ворится, на иных основаниях, за иное вознаграж-
дение. Но это как беседа на Совете сложится. Так
я решил. Неужели возникли возражения?

Возражений не возникло.

— Вот и ладненько. Что ж, а теперь давай по-
говорим о задании. Выкладывай все, что знаешь.
Должен же я перед твоим Советом предстать во
всеоружии. Начинай. Я жду.

Седьмое чувство, опыт, интуиция — назовите
как хотите, но все чувства в нем в один голос
кричали, что все предыдущие его приключения на
Димерее были лишь увертюрой к тому, что он
сейчас услышит. Он закинул ногу за ногу и при-
готовился внимательно слушать. А непонятная и
потому пугающая пульсация над левым виском не
утихала.

Конец второй книги

ГЛОССАРИЙ

Рукопись, найденная в бутылке

Начато на пятьдесят шестой день после отплытия с Граматара.

Пишет эти строки Кратс Ави из города Ульган, что находился на Граматаре, на уздере княжества Фастан, в пятидесяти трех кабелотах от границы с Нуrom.

Я, Кратс Ави, родился в Ульгане в семье корабельного плотника Парро, детство провел в Ульгане, потом работал с отцом на верфях, после смерти отца ходил помощником судового повара на рыболовецкой шхуне, в Войну Королей служил коком на адмиральском флагмане «Порфирная ветвь», получил за сражение в бухте Ани-Куак орден «Звезда Храбрости» с пятью лучами. Вернувшись в Ульган, стал ходить коком на торговых кораблях Королевской Мантии, что давало право на пожизненную пенсию мне, жене и детям.

Приход Тьмы застал меня на сороковом году жизни. Я и моя семья вышли на судне «Король Ари-иль-Моа», входившем в шестую флотилию города Ульгана.

Король Фастана вывел четыреста грузовых и двести военных кораблей, не дожидаясь последних

знаков наступления Тьмы. Мы отошли на шестьсот кабелотов от Граматара, когда увидели столб черного дыма на горизонте. Мы поняли, что Граматара больше нет. С этого дня Фастана начал преследовать злой рок.

Мы попали в шторм. Шторм бушевал десять дней. Когда он улегся, мы насчитали всего сорок грузовых судов и два военных корабля. Быть может, милостью Тароса, еще какие-то корабли Фастана, кои разбросало по океану, уцелели и они доберутся до Новой Земли.

Вскоре наш флот угодил в Огненную Пасть.

(Замечание Пэвера: «Читал про такое у Клей Самойле в „Хрониках исходов“. Подводные горы начинают выплескивать струи жидкости — вроде той, что идет на зажигательные бомбы, которая горит и на воде. Крайне неприятно».)

Сгорело тридцать судов. Сгорел и королевский корабль, что лишило нас присутствия духа, потому, когда на нас напала Гидернийская летучая флотилия, мы предпочли не сражаться, а спастись от нее поодиночке, разбегаясь в разные стороны.

(Замечание баронетты Клади: «Да, во время пошлого прихода Тьмы гидернийцы действовали летучими отрядами, нападавшими на караваны беженцев. А в этот раз, к нашему несчастью, избрали более эффективную тактику».)

Наш корабль гидернийцы не догнали, но на следующий день мы угодили под дождь из камней. Я думаю, то долетели обломки Граматара.

(Замечание Рошаля: «Вряд ли. Скорее всего, это падали обломки небесного тела. Такое нередко происходит в дни наступления Тьмы».)

Камни пробивали корабль насквозь. Погибла бóльшая часть экипажа, погибли моя жена и дети. Судно стало тонуть, пришлось пересаживаться в шлюпки. Из пяти шлюпок одну разнесло огромным камнем с неба. Три опустошили ночью водоросли эгу, неслышно подплывшие, задушившие людей и утащившие все вещи. Нам повезло — нас отнесло течением в сторону.

(Замечание Пэвера: «Никогда не слышал ни про какие водоросли эгу».)

В последней шлюпке нас было четверо. Если бы я не проснулся вовремя, то Яколь, сошедший с ума, видимо, от дневной жары, убил бы и меня, как убил он трех моих товарищей. Я сумел, схватившись с ним, победить. Так я остался один.

В шлюпке есть бочонок воды и немного сухарей. Я надеюсь продержаться две недели и почти уверен, что меня не найдут. Есть чернила и бумага, есть бутылъ, в которую я запечатаю письмо.

(Замечание Рошалья: «Хочу сказать о Фастане. С гибелью королевской династии не стало и его. Да, несколько десятков фастанских кораблей добралось до побережья Атара. Добралось вместе с тремя кораблями государства Горитон, существовавшего на Граматаре. Они зажили общей колонией, и новую королевскую династию заложили муж-фастанец и жена-горитонка. А общее, вновь образованное государство получило наименование Фагор».)

Сколько будут люди жить на Димерее, так долго главным в их жизни останется море. Постоянно одно море. Суша была, и ее нет. И будет ли завтра? Море вечно.

Я хочу оставить знание о море тем, до кого дойдет это послание. Любая кроха знания не должна

быть утрачена. Я смею надеяться, что мои крохи дойдут до людей моря и хоть чем-то помогут им.

(Замечания Пэвера: «Он же коком ходил, на камбузе заправлял. А где друг другу рассказывать историю за историей, как не на камбузе — где и подкормиться, и погреться, и согреться...»)

Сперва о том, как не навредить кораблю, а помочь еще при закладке и постройке.

Плотникам, собираясь на верфь, одеваться каждый день в чистое и брать с собой кость с шестерками на всех гранях и кошачий волос. Входя на верфь, кланяться на уздер, бросать под ноги кошачий волос и руганью выводить с сердца злость. Потому как на работах, то есть вблизи кия, браниться никак нельзя, испортишь судно.

На верфь не пускать женщин, а если на верфи побывает девственница, то все начатые корабли надо натереть перцем и окропить морской водой, иначе жди бунтов и болезней.

На верфь не приносить поросят, зайцев, черных собак, змей, молоко, надкусанные булки и монеты, отчеканенные в нечетный год.

Лучший из дней для закладки кия — вторник, день, когда пророку Мииенне было явлено чудо морское: пророк увидел тонущего, попросил за него Тароса, и расступились воды, дав человеку по дну выбраться на берег.

Если есть возможность ждать, то жди до того числа месяца, которое оканчивается на шесть, так как у удачи шесть граней — недаром кости шестигранны, — и с удачей надо заигрывать, как с женщиной. А удача для моряка в море — самая нежная и нужная подруга.

А худший из дней для закладки киля — среда, так как в среду, говорят, проснулась в дурном настроении жена океанского владыки Ори и из прихоти уничтожила первый корабль, построенный людьми.

Худший из худших дней — среда, тридцать первое, ибо тридцать один — число, от которого моряк должен бежать во всем и всегда.

Чтоб судно не сгорело, каждый гвоздь надо смачивать в воде или уксусе.

Первый корабельный гвоздь забивай подошвой сапога, чтоб по палубе ступалось как по суше. Второй гвоздь рекомендуют забивать голой рукой, чтобы придать судну крепость и стойкость к штормам. В портах Фастана существовала профессия кулачника, которого приглашали на каждую закладку и платили немалые деньги.

Для того чтобы отпугнуть морскую нечисть, под палубный настил закладывай человеческие кости. Лучше всего подходят кости утопленника, ибо утонувший один раз второй раз уже не утонет и других за собой не потащит. Заложь в киль щепу с плах, на которых казнили, или от виселиц, и киль будет отпугивать морских чудовищ. А от нечисти также хорошо помогает кровь казненных.

Породы дерева, которые приносят удачу и которые надо включать в тело корабля, хоть статуэтки к бортам прибивай, это такие породы: карликовый дуб (для рыбаков — подманивает косяки), ольха (отгоняет молнию), железный орех (притягивает ветер).

Еще каждому мастеру на верфях необходимо заложить тайничок с собственным ногтем, волосом

с головы и золотой монетой, чтобы установить с судом родственную связь.

По окончании постройки нельзя менять ничего на судне — от киля до дек-палубы, иначе жди несчастий.

Название кораблю давай с большим умом. Нельзя давать из трех слов, нельзя употреблять в названии число. Даже если присваивать судам имя королей, следует избегать чисел. Допустим, вместо «Альги Шестой» или «Пергеш Второй» следует назвать «Король Альги» или «Пергеш Храбрый». Корабли с числами плавали недолго и гибель принимали обыкновенно в дни с теми же числами.

Выгодные грузы и солидный фрахт помогают получить названия, в которых присутствуют слова вроде «золотой» или «прибыточный». Имя бога Лакко, покровителя торговли, на борт судна выносить не стоит. Лакко — бог изменчивый и трусоватый, если тебе вдруг малость не повезет, то Лакко сразу может отказаться от тебя и название судна помощью не будет.

Грузам и фрахтам помогают также раздача мелочи попрошайкам в каждом порту, куда заходишь.

Полотнище для флага рекомендуется заказывать у бадрагских мастеров. Оно прочное, краска на него хорошо ложится, и вроде бы бадрагцы знают секрет заговора флага, который они хранят от других пуще печати Тароса. Заговор оберегает плавающих под флагом от пиратских нападений.

Самое лучшее для корабля, если после его постройки сделают точно такой же, но небольшого размера. И коли такой кораблик будут держать во

дворе в бочке со стоячей водой, а в случае безветрия дуть на него, то и большому будет сопутствовать ветер и путь без штормов. Но позволить себе такое могут лишь очень богатые судовладельцы.

Спуск на воду надо сопровождать пенной струей из пивной бочки, направляя ее на киль, чтоб кораблю веселее плылось по морям. Не зови на спуск священников, женщин и никого из будущей команды судна.

Священников надо приглашать на судно, когда то уже стоит полностью готовое к выходу в первое плавание. Пусть совершат обряд милости Тароса, но не пускай их на шканцы и не давай прикасаться к железу. Неизвестно почему, но это приносит несчастья. Священник прикоснулся к якорной цепи «Золотого вздоха», и судно даже не вышло в первое плавание. Покидая бухту, «Золотой вздох» не разошелся с пакетботом и затонул.

Не выходи в море тридцать первого. Делай что хочешь, но отложи выход до первой минуты следующего дня.

Известно, что капитан Бу Волгак буквально немного не дождался первого числа. Приказал отдать концы, когда еще не растаял звук полуночной склянки. И днище его галеаса на следующий день возле мыса Аяголь пробил насквозь бивень пятнистого нарвала.

Не давай жене глядеть вслед уплывающему кораблю, гони ее прочь из порта задолго до отплытия. Может сглазить.

Про женщин на борту и речи быть не может. Такое всегда заканчивалось злополучно. Даже если за большие деньги предлагают провести их

пассажирами на военных, торговых, рыбацких и других кораблях. Не увидать тебе этих денег. Есть пассажирские суда, которые проходят особый обряд очищения от налипи, вот они пусть и берут женщин.

Известен случай, когда Мо Кракчи, капитан торгового судна, шедшего из Фастана в Гаэдаро, не сдюжил перед посулами огромной суммы и взял на борт мужчину и женщину. Мужчина похитил жену одного влиятельного фастанца, пара спасалась от его преследования. Судно шло прибрежными водами, где сроду не показывались пираты из-за обилия сторожевых кораблей. В это плавание пираты напали на судно и вырезали всю команду до единого человека.

(Замечание баронетты Клади: «Я предполагаю, что один человек из команды уцелел. Тот, который навел своих лихих дружков на богатую добычу. На такую жирную добычу, что пираты рискнули забраться в прибрежные воды. Но виновата, разумеется, женщина, а то кто же!»)

В первый день плавания ешь пищу несоленой. В море и так соли хватает, с непривычки пересолишься — болести липнуть начнут.

Дельфины любят сладости. Возьми с собой что-нибудь вроде шариков пастилы, держи в рундуке. Когда встретится стая дельфинов, брось те шарики в воду, дельфины их найдут и тебя благодарно запомнят. Вляпаешься в кораблекрушение или иначе окажешься в воде и случится той стае оказаться поблизости — помогут.

Никогда не поминай на борту святого Аарта, не рассказывай истории про его жизнь, избегай слов «миндаль», «ступица», «хромая лошадь», которые

напоминают об Аарте. Святой Аарт угоден Таросу, но морские владыки согласны прогневать Тароса, лишь бы еще раз наказать старца и поклоняющихся ему. Потому как обида, нанесенная Аартом морским владыкам, не пройдет никогда. Как известно, святой Аарт создал зелье, могущее превращать морскую воду в пресную, и тем нанес владыкам морским непреходящую обиду. А также посеял у владык вечный страх — вдруг когда-нибудь моря превратят с помощью зелья в озера и отнимут у них власть над морем.

(Замечание Пэвера: «Не удивляйтесь, маскап. Опереснителю изобретены гидернийцами всего столетие назад».)

Если за борт свалится ведро или что-то из одежды, то прыгай в воду не раздумывая — надо как можно скорее вытащить. Вытащи из воды и, завернув в холстину, день держи в трюме, не касайся. Может, пронесет, и морские боги не разгневаются.

Если боцман уронил в воду дудку, то уберечь от беды может лишь обильная жертва морю.

Когда ешь, не болтай ложкой в тарелке — бурю нагонишь или на себя, или на какой-нибудь другой корабль в море. Не доедай хлеб до конца, оставляй кусочки, складывай в мешок — и пригодиться может, и нельзя показывать морским богам, что голоден. Раз голоден, значит, слаб, а слабых морские силы сразу начинают преследовать. Не сори на пол — акул приманишь.

Если уж об акулах говорить, то носи на шее амулет из рога бурого оленя. Отпугивает.

(Замечание Рошаля: «Что-то доводилось читать о таком животном, оно водилось на Граматаре. На

Атаре не встречалось. Но предания о чудесных, в первую очередь целебных свойствах его рогов дошли и до Атара. Били его, похоже, на Граматаре нещадно». Баронетта Клади: «Ни в одной атарской охотничьей энциклопедии о буром олене не упоминалось».)

Боцман Ор Номид с «Боевого петуха» сам мне рассказывал, как он два дня провел в воде, держась за обломок доски «Боевого петуха». У него на шее как раз висел амулет из рога бурго оленя. И вот акулы кружили вокруг боцмана все два дня, пока Ор Номид не заметил и не подобрал нурский люгер. Акулы кружили, пожирая обломки кораблекрушения, сожрали даже доску, за которую держался боцман, а самого его не тронули. То истинная правда — Ор Номид показывал мне шрамы на коже, которые оставила жесткая, как точильный круг, акулья кожа.

Одна из самых страшных напастей на море — морской клещ. Чтоб, упаси Тарос, не навлечь ее на себя, никогда не убивай чаек, ибо они могут в отместку забросить клеща на корабль, никогда не ешь устриц — в их раковинах клещ откладывает личинки, никогда не запускай руку в морской песок глубже чем по локоть, так как там живут клещи, пока не приходит им пора выходить за кровью, что необходима клещу для создания потомства.

Сам видел, что делает с человеком клещ, и не приведи Тарос вам когда-то это увидеть. Когда я еще ходил помощником судового повара на рыболовной шхуне «Слава Ульгана», произошел такой случай. Клещ кусил гарпунера Ица Краси. Мы нашли Ица Краси наутро в его гамаке бездыханного и со вздувшимся бугром на груди. Разорвали руба-

ху, а под ней — налитой кровью колышущийся пузырь, в центре которого копошится как бы черный жук размером с золотой орарис. То был клещ, насосавшийся крови и раздувшийся. Еще б немного и клещ лопнул бы, разметав по кораблю свою икру, а это печальная песня. Это в раковинах клещ вызревает месяцами, на воздухе такое — дело дней. Тут только поджигать корабль, а самим скорее прыгать в шлюпки. Ну и натерпелись мы страху. Вдруг не один забрался, а клещи любят сбиваться в клубки, до десятка тварей получаются клубки, клубками и живут, и передвигаются, и переносятся. Ну тут, видать, одного всего занесло.

А если уж случилось, что кого-то кусил клещ, но не успел лопнуть, то есть всего одно средство уберечь остальную команду, к какому мы тогда и прибегли. Конечно, укушенного немедленно за борт, туда же — и рундук его, и гамак. Потом немедленно заякориться, всей команде собраться на верхней палубе, раздеться догола, ничего на себе не оставив, и день просидеть так, следя за своим телом. Если клещам не удастся никого кусить за это время, то, может, они и подохнут.

Дома заводи рыжего кота и держи черного ворона, накажи жене заботиться о них — они уберегут от непогоды.

(Замечание Пэвера: «Даже по изложению чувствуется, что повар к этим строкам здорово ослабел. Если поначалу придерживался какой-то системы в изложении, то теперь скачет с пятого на десятое, словно хочет успеть сказать о главном и боится, что не успеет».)

Избавься дома от стеклянной посуды или купи с толстыми стенками, чтоб не разбить. Потому

что разбитая дома посуда разбивает крепость бортов корабля.

Бойся на берегу рыжеволосых женщин, если те попадаютя навстречу с корзиной — несут твои беды.

Если найдешь на берегу выброшенную на берег русалку, то донеси до воды и отпусти, она будет помогать тебе на море.

Если ты рыбак, то возьми рыбу из первого улова, влей в нее каплю рома и выпусти. Повеселевшая рыба успокоит своих, и косяк не уйдет.

Не бери никогда жемчуг крупнее монеты в десять центавров, потому что такие жемчужины любят нанизывать в бусы русалки и украшать себя этими бусами. Они посчитают, что ты обокрал их, и могут тебе подстроить когда-нибудь пакость.

Курить на судне можно лишь на баке, камбузе или на кухне, а капитану еще и на мостике. Иначе окажешь судну неуважение и оно ответит тебе тем же.

(Замечание Сварога: «А мы смолим где ни попадя. Смотрите, доиграемся».)

Новобранцев надо заставлять затачивать якоря и красить трюмное помещение. Это поднимает настроение морским владыкам.

Огибая мыс Железных Ветров, должно совершить такой обряд: кто в первый раз проходит мимо мыса, того гони на марс, пусть там сидит, пока мыс не скроется из виду, и поет песню «Славься море, ты — наш дом». А коли кто откажется, бить того конопляной веревкой до крови.

(Замечание Тольго: «Про мыс Железных Ветров впервые слышу, а эту песню у нас заставляли горла-

нить новичков с марса, когда случался штиль. Дескать, эта любимая песня морского короля и тот за нее может наградить ветром».)

Если говорить о песнях, то не пой на море песен любовных, не пой псалмов, не пой песен землепашцев, не пой песен, воспевающих земных королей. Лучше всего, чтобы в песнях рассказывалось о море и без тоски по берегу. Морской владыка может осерчать, услышав, что кто-то в его владениях тоскует по суше.

(Замечание Рошала: «Почерк с каждой строкой становится все менее разборчивым. Видимо, Кратс Ави уже держался на последней воле».)

На корабле забудь игру в кости, дома наиграешься. В море твоя удача совсем в другом.

Не следует даже брать с собой в плавание гадальных карт, на море они бесполезны, а навлечь недовольство морских владык могут.

Возьми с собой лучше головной платок незамужней сестры — приманивает корабельный ветер. Для приманивания ветра не помешает, просыпаясь, зевать как можно шире — вытягиваешь в себя воздух, может, притянешь и ветер.

Чтобы в штиль зазвать ветер, надо насвистывать веселые песни. Ветер и сам любит свистеть в парусах, и чужой свист любит послушать.

Чтобы добиться изменения ветра на попутный, надо помочиться с юта в кильватерную струю.

В призыве попутного ветра еще помогает ругань. Ругать надо своих родственников на берегу, но избегая богохульств.

Про Золотой караван скажу, что шел в прошлую Тьму с Атара на Граматар. Лежит он на дне Колгейской впадины, про то много людей мне гово-

рили. Встречал я человека, которому морской дух Аккалей, которому человек угодил, в благодарность показал сквозь воду рассыпавшееся по дну золото, золото среди догнивающих обломков галеонов, скелеты в золотых украшениях.

Еще важный совет — храни в рундуке свою первую нательную рубаху со времени, когда ходил юнгой. Первый корабельный пот самый честный, он поможет в...

Последняя запись на бумаге: «Третий день как кончилась вода. Дневная жара не спадает. Стоит штиль. Никакого течения нет. Торчу на одном месте. За все дни на горизонте не видел ни одного паруса. Небо не предвещает дождя. Придется пить чернила».

Далее еще пять уже совсем неразборчивых строчек. Разобрать можно лишь одно слово из написанных: «Граматар».

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая «АДМИРАЛ ФРАСТ»

Глава первая. Маски-шоу	3
Глава вторая. Далеко не последний, но весьма решитель- ный бой	28
Глава третья. Второй тайм	39
Глава четвертая. «Корабли без парусов — нонсенс!» . . .	61
Глава пятая. Ты морячка, я моряк...	78
Глава шестая. Завтрак для героя. Версии и открытия . . .	94
Глава седьмая. Пролетарии секстанта и транспорта . .	128
Глава восьмая. Черное надежное золото	153

Часть вторая ПОКОЙ НАМ УЖЕ ДАЖЕ НЕ СНИТСЯ...

Глава девятая. Что-то происходит	191
Глава десятая. Непонятки — косяками	209
Глава одиннадцатая. Сын тюленя Шмидта	228
Глава двенадцатая. Над бездной	249

Часть третья «СЕРЕБРЯНЫЙ УДАР»

Глава тринадцатая. Последний парад	277
Глава четырнадцатая. Его прощальный поклон	299
Глава пятнадцатая. В нашу гавань заходили корабли... .	313
Глава шестнадцатая. Чунга-Чанга, синий небосвод... . .	335
Глава, с одной стороны, семнадцатая, а с другой — вроде как и первая...	352
ГЛОССАРИЙ	369

Александр Бушков

**Сварог.
ЧУЖИЕ ПАРУСА**

Роман

Ответственные за выпуск

Е. Г. Измайлова, Я. Ю. Матвеева

Корректоры

В. И. Валентинова, О. П. Васильева

Верстка

А. Н. Соколова

Подписано в печать 14.03.2002.

Гарнитура «Таймс». Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Уч.-изд. л. 13,71. Усл. печ. л. 20,16.

Изд. № 02-4031. Тираж 150 000 экз. Заказ № **3588**.

Издательский Дом «Нева»

199155, Санкт-Петербург, ул. Одоевского, 29

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»

129075, Москва, Звездный бульвар, 23

Отпечатано с готовых диапозитивов

в полиграфической фирме «Красный пролетарий»

103473, Москва, Краснопролетарская, 16